

шпона

Книжный червь Переводы книг
ДЖЕТТИ ВУДРАФФ

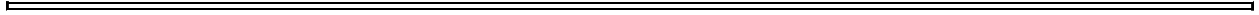
Annotation

Я думала, потеря памяти — это худшее, что только могло случиться. Забыть, кто ты, откуда, это как езда по дороге лишь с правыми поворотами. Все ведет в одном направлении. Направлении, которого я хотела избежать, в темный туннель, в который мне нужно было зайти, если я хотела получить ответы.

Но потеря памяти не была самым худшим. Узнать, кем я была и какой секрет скрывала, было хуже. Непреодолимое притяжение и страсть, что мы делили совместно с прошлым, которого я не помнила, создали совершенно новый шторм. Идеальный шторм двух безумий. Какая же я глупая, маленькая рыбка.

- [Джетти Вудрафф](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

Джетти Вудрафф ШЛЮХА

Автор: Джетти Вудрафф

Книга: Шлюха

Серия: Близняшки #2

Главы: Пролог + 18 глав + Эпилог

Оригинальное название: Slut

Переводчик: Виктория Ковальчук

Редактор и оформитель: Виктория Якименко (до 11 главы), Оливер Бэрри (12-...).

Вычитывала: Екатерина Урядова

Пролог

Я был убежден, что Габриэлла была послана мне небесами в нужное время моей жизни. Я не знал, что вышла она из ада. Это была моя вина. Откуда мне было знать?

Это произошло вскоре после того, как жена сообщила мне об еще одной интрижке. Итого: я знал уже о двух. Самое печальное в этом было то, что я бы позволил ей изменить мне еще раз. Так сильно я любил её. Просил, молил её остаться, переехать со мной во Флориду подальше от её семьи, друзей и глупой мечты школьницы. Я знал, что, если у меня получится её убедить, с нами все будет хорошо, это бы все изменило.

Габриэлла появилась под конец, когда все стало рушиться. Я знал, что как только заканчивается что-то одно, тут же начинается другое. Может, поэтому мой развалившийся брак не стал для меня таким ударом. Трое безуспешных отношений и один брак. Мне было достаточно этого на всю жизнь, но она была другой. Габриэлла не была похожа ни на одну, с кем я когда-либо был. Она опьяняла с первого мгновения, как только я её увидел. Мне лишь нужно было сделать её своей, посадить в нее мое семя и вылепить из нее то, что хотел. Она не способна была от меня уйти. Я бы заботился о ней, а она обо мне. Ситуация была идеальной. У нее никого не было, а у меня была восьмимесячная дочь со шлюхой-матерью. Это было выгодно для всех. Особенно для меня.

Женщины — шлюхи, и мне стоило принять этот факт. Это в их натуре. Если у них есть киска — они трахаются, раздвигают ноги перед каждым приближающимся членом. Это не было моим первым родео. На моих глазах бойфренды матери приходили и уходили годами. Я слышал их шум, я знал, чем они занимались. Каждый раз, когда отец уезжал из дому на своем пикапе. Она изменяла ему, пока мне не исполнилось пятнадцать, затем развелась с ним, забирая с собой все, что она натрахала, включая отцовский банковский счет.

Габриэлла появилась как раз тогда, когда была мне нужна. И то, что она пришла ко мне раненой, молодой и беззащитной птичкой, было не в её интересах. Она мгновенно стала для меня наркотиком, зависимость от которого я не мог контролировать. Желание разжигалось во мне от того, как она выполняла все, что я ей велел. Все. Габриэлла нуждалась во мне так же сильно, как и я в ней. Она была моей. Не будет преуменьшением то, что развивались события мне на руку. Мне в руки бросили торт, и я,

черт возьми, его съел. Весь, до последней крошки. Я должен был обладать ею, это было ясно как Божий день. Единственное, что мне было неизвестно, насколько быстро и добровольно она повинуется мне. Но она даже не моргнула, когда я сказал ей, не попросил, что мы женимся.

Возможно, мне не стоило садиться за руль той ночью. Мы с моим соседом Лейном встретились после работы. Он отмечал свой новый контракт, а я запивал уход жены. Виски превыше всего. Словно я не понимал тогда. Мы не были настоящими друзьями, и, хоть убейте, я не понимал, почему пытался. Виски бесило меня, злило, но я все равно снова и снова заказывал его. По меньшей мере шесть порций Джексона Дэниэлса со льдом. Как пил мой отец. Хренов алкаш.

— Эй, ты бы мог замутить с той девчонкой, что остановилась у тебя в коттедже. Женись на ней, — ни с того, ни с сего предложил Лейн.

Мы разговаривали о каком-то студенте медике, о котором он прочел. Парниша загипнотизировал старика, или то была женщина? В любом случае, у этого пожилого человека была болезнь, из-за которой он сходил с ума и терял память. Он помог ему найти путь домой через пять штатов, или пятьсот миль, что-то в этом роде. И тут он просто выпалил это. Словно ждал подходящего момента.

— Габриэлла? Та шлюха, что отсосала тебе? Которую ты трахал, пока твоя жена была в Теннесси, выбирая мебель для вашего нового дома? Ты ее имеешь в виду? — спросил я со смехом, который сам не узнавал. Вызванным виски смехом. Злым с эго размером с Техас.

— Пошел ты, мужик. Я люблю свою жену.

— Да, конечно. За тебя и твою новую жену.

— Пофиг, ты пользовался ей с момента ее появления. Я знаю. Я облажался лишь раз. Это не такая уж плохая идея. Она неплохая девчонка, красивая и неприхотливая. Чувак, Кэндес только что потратила двенадцать сотен баксов на чертову сумочку. Зачем ей сумка за штуку двести?

Темные глаза Габриэллы пронзили мой мозг одновременно с этой глупой идеей. Если посмотреть на нее с другого конца комнаты, её глаза кажутся черными, как уголь, но вблизи... мать божья. Они были больше похожи на цвет темной сосны. У Габриэллы были самые красивые глаза, которые я только видел. Они первые, на что я обратил внимание. Это чертовы глаза. Знаю, она совершенно не пыталась сделать взгляд сексуальным, но он был таким. Естественная сексуальная привлекательность исходила от этой девушкой. Ей не нужно было прилагать для этого усилий.

— А я думал, это я пьян.

— Что? Скажи, что не считаешь ту девчонку милой. Я зарабатываю на жизнь изучением людей. В чтении людей я эксперт. Гэбби — выгодная партия. Уверен, она будет для тебя хорошей женой, родит Роуэн пару братьев и сестер и будет идеальной мамой. Таков ее тип.

Я выпил еще раз и поспорил с Лейном о том, кому безопаснее садиться за руль. Я победил. Это был мой грузовик. Лейн говорил о возвращении домой и сексе с его глупой женушкой, а я снова подумал о ней. Роуэн нужен был брат, который сможет присматривать за ней. Может, это была не такая уж плохая идея. То есть, где еще я найду кого-то настолько отчаянного? Нигде. Никогда. И я это знал.

Мы в целости и сохранности добрались до нашего переулочка, я высадив Лейна у его дома и поехал к себе в одиночестве.

— Как она? — спросил я новую няньку.

Она ответила на ломанном английском, объясняя, что с Роуэн все хорошо, и она спит в кроватке. Я заплатил ей, отправив домой, и пошел за новой выпивкой. Можно подумать, мне было мало.

Тень на плитке за дверью привлекла мое внимание, пока я наливал Джека в стакан.

Я открыл дверь навстречу моей маленькой шлюшке-безбилетнице, мгновенно пряча счастливую улыбку.

— Что ты, нахрен, здесь делаешь?

— Я-я, просто... я.

— Войди, из-за тебя комары залетают, — приказал я, уже чувствуя напряжение в члене. Я собирался трахнуть ее. Куда смогу. Все вело к пьяному сексу.

— Мне нужно тебе сказать кое-что.

Габриэлла стояла перед дверью, сжимая руки, дрожа всем телом. Я поднял свою задницу на новый, только установленный островок, наслаждаясь каждым моментом. Я еще немного позабавился с ней, позволяя дрожать, пока сам наслаждался представлением.

— Хорошо, я позволю тебе сказать, что хочешь, но сначала покажи мне свои сиськи.

Мой член увеличился, когда она не пошевелилась. Её взгляд был устремлен в пол, а выцветший желтый сарафан развивался на её нервном теле.

— Посмотри на меня, Габриэлла.

Он подняла взгляд на меня, и мое сердце забилося громче. Боже, она была чертовски красива, её темные, запоминающиеся глаза разжигали

мое пламя.

— Хорошо. Ты хочешь показать мне свои сиськи? Думаю, мне это понравится. Можешь сделать это для меня? Мм?

Её голова кивала, пока руки поднимались к тонким лямкам на плечах. Она, блядь, сделала это. Эта девчонка делала все, что я говорил ей, и я принимал это, желая большего после каждого лакомого кусочка.

Две наиболее идеальные груди показались из-под тонкого материала, её розовые соски мгновенно затвердели. Чем больше я играл с ней, тем тверже становился мой член, усиливая чувство дискомфорта в джинсах.

— Тебе это нравится? Мм? Тебе нравится показывать мне свои сиськи?

Её взгляд оставался опущенным. Адреналин наполнил мои вены, словно героин.

— Посмотри на меня.

Блядь... мой член был готов взорваться. Она посмотрела на меня, и мой дружок пришел в полную боеготовность.

— Это нормально, если тебе нравится. Так шлюхи и делают. Тебе может это нравится. Знаешь, что еще они делают? — спросил я, соскальзывая с гладкого мрамора. Мне необходимо было встать, пока мой член не сломался пополам, а тогда я думал, что это реально. Настолько неудобно мне было.

Пьяное головокружение едва не послужило моему падению, но я быстро вернул равновесие. Она без слов опустила голову, громко сглотнув. Я подошел к ней, поднимая её глаза на уровень моих, взяв пальцем за подбородок. Мгновенное наслаждение от контроля над ней заполнило мой разум.

— Я разве сказал отвернуться? Мм? Отвечай.

— Нет.

Я сжал пальцами её подбородок, целуя в губы. Она просто стояла там, позволяя мне делать все, что я хотел. Моя жена бы уже дала мне пощечину, но не Габриэлла. Габриэлла не говорила ни слова, даже не вздрагивала. Я чувствовал вкус виски, когда целовал её, уверен, она тоже его чувствовала.

— Хорошая шлюшка. А теперь покажи свою киску.

Я солгал. Мой член не достиг полной готовности, не до этого момента. Она, блядь, сделала шаг назад и подняла сарафан. Я лишился дара речи. Она, нахер, сделала это.

— Смотри сюда, детка. На меня. Продолжай, избавься и от трусиков, — подначивал я ее, обходя вокруг. Сделав несколько шагов назад,

я оценил ее попку, желая, чтобы она наклонилась, снимая трусики с ног. Я засмеялся, делая глоток Джексона, когда она не оправдала надежд. Она скинула их с бедер с помощью каких-то танцевальных движений, стараясь избежать нужды наклониться. Она была слишком стыдлива, чтобы показать мне свою пизду. Но это не важно. Я все равно планировал увидеть намного больше этого.

Одной рукой я обвил её тело, прижимаясь бедрами к её попке. Я слегка споткнулся, когда подтолкнул нас вперед, пытаясь избавиться от напитка в моей руке. Я больше не хотел его. Я хотел киску. Габриэлла споткнулась вместе со мной, упираясь обеими руками в островок, чтобы не упасть. Согнув колени, я провел своим членом по её заднице, скользя языком вверх по её позвоночнику. Расставив её ноги для своего удобства, я сделал то же самое с её руками и приказал не двигаться.

Мне тяжело было понять её. В одно мгновение я, клянусь, слышал её стон, а затем я прикоснулся к ней. Она подпрыгнула, и я видел в отражении стекла микроволновки, что она закрыла глаза. К этому моменту я трахал её уже раз пять-шесть, и она никогда не была влажной. Самая сухая сука, с которой я только был.

— Что нахрен с тобой не так? Сделай так, чтобы она потекла.

Её волосы взлетели в воздух, когда она дернула головой, скрывая за нахмуренным выражением лица легкую бунтарскую дерзость.

— Ты глухая? Я сказал сделать так, чтобы твоя киска потекла.

— Я... я, как?

— Не знаю, это не моя проблема, а твоя. Ты, блядь, ненормальная. Ты уже истекать соками должна. Почему это не так, Габриэлла? Я тебе не нравлюсь? А? — спросил я заплетающимся языком, разговаривая медленнее, чем нужно было. Я слышал это, но не мог исправить. Был слишком пьян для этого.

— Ты мне нравишься.

Я не мог не улыбнуться. Она была такой серьезной, произнося эти слова. Это так мило.

— Я чувствую себя особенным из-за этого. Почему бы тебе не попробовать мой член? Давай посмотрим, сможем ли мы намочить эту киску. Давай же, — повторил я, толкаясь бедрами ей в попку.

Габриэлла повернулась, но мне пришлось направлять её руки к ширинке моих джинсов. Собрав её волосы на затылке, я пропихнул свой язык ей в рот, ощущая пьянящую власть. Оба ее соска затвердели между моими пальцами, быстрое дыхание опускалось на мою грудь. Мой взгляд перешёл на ее дрожащие руки, и я помог ей взять его в руку, постанывая

от ощущений ее мягкой кожи на моем стволе. Моя рука сомкнулась вокруг нее, направляя ее движения, при этом я сбросил джинсы вниз по бедрам, чтобы открыть ей лучший доступ.

— Вот так. Мм, детка, как хорошо, — пропел я, дразня ее рот своим языком между словами. — Хочешь взять его в рот, хочешь, шлюха?

Я снова поцеловал, а потом отстранился, глядя ей в глаза и прекращая движения на моем жезле.

— Это прямой вопрос, Габриэлла. Когда я спрашиваю тебя, то ожидаю ответа. Понимаешь меня?

Понятия не имею, откуда взялась моя дерзость, но вел я себя, как профи. Словно я всю жизнь так обращался с женщинами. Это все ее вина: девушка, выглядящая, как Габриэлла, и повинующаяся каждому слову, заслуживала обращения, как со шлюхой. Она могла бы постоять за себя. Могла бы сказать нет. Но она этого не сделала. Ни разу.

— Да, Пэкс.

Меня словно молнией поразило. Моя рука схватила ее шею, толкая назад, легкий нажим, но достаточный, чтобы ее напугать. Я не намеревался причинять ей боль, и все же страх в ее глазах был эйфоричен.

— Я сказал называть меня Пэксом? Сказал? — повторил я, наши губы разделяли сантиметры.

— Нет.

— Мое имя для тебя — Пэкстон и никак иначе. Поняла?

И снова власть, которую я ощущал над ней, ударила мне прямо в голову.

— Да.

— Да кто?

— Пэкстон. Да, Пэкстон.

Я улыбнулся, едва касаясь ее губ, схватил в кулак волосы и поцеловал.

— Так лучше, детка. Теперь тебе придется попросить.

— Просить что? — задала она вопрос, глядя на меня своими чертовыми темными глазами, которые сводили меня с ума. Если бы только эта девчонка знала, насколько она сексуальна. Она не должна была находиться здесь и терпеть мое дерьмо. Она могла быть в объятиях любого мужчины, которого только захотела бы, но нет. Она была со мной. Прямо здесь, на моей кухне, позволяя делать все, что я хотел. К счастью для меня, виски действовало на меня как Виагра. Я мог выдержать два или три раза, прежде чем выбьюсь из сил. Это я и планировал сделать. По меньшей мере дважды.

— Мой член. Спроси меня, можешь ли ты отсосать мне.

— Я могу отсосать твой член?

Клянусь, кровь быстрее потекла по моим венам, разгоняя адреналин по всему телу. Я был словно наркоман.

— Мне бы понравилось, если бы ты мне отсосала, — отчеканил я, усиливая хватку на ее волосах и опуская ее на колени, я пару раз провел по своему члену рукой, прежде чем дать его ей.

Тогда меня и посетила мысль, я уже знал, куда кончу. По крайней мере раз. Место для другого моего заряда не оговаривалось. Я был вдребезги пьян. Это состояние я и винил в своем решении. Мысль о том, чтобы обрюхатить ее, была сумасшествием, даже для пьяного. Но в отличие от неожиданного появления Роуэн, это могло быть запланировано. Она никогда не бросит своего ребенка, в отличие от поступка шлюхи-матери Роуэн. Лейн был прав, Габриэлла была идеальной, и я собирался сделать ее своей.

Что-то подсказывало мне, что первый раз должен быть в ее киску, но на уме у меня было иное, и избавиться от этой мысли я не мог. Я много раз видел это в порно, но ни разу у меня не было девушки, позволившей мне сделать это. Унижающая роль стала для меня решающей. Насколько ебнуто это не было, насколько аморально и нездорово это выглядело, я все еще чувствовал зависимость. Подчинение в ее глазах было моей зависимостью, и я насыщался им.

Я трахал ее рот, допивая напиток. Тщательно и монотонно, затем медленно толкнулся ей в глотку, потом быстро, держа рукой за волосы, насаживал ее голову на свой ствол, запуская член наполовину ей в глотку. Затем снова медленно.

Я высунул свой член из ее рта и подрочил, касаясь головкой ее языка.

— Твоя киска мокрая?

— Не знаю, — смущенно ответила она.

— Встань и раздвинь ноги, — приказал я.

Мне пришлось сказать ей держаться за мои бедра, когда она слегка потеряла равновесие. Он держалась одной рукой, словно боялась меня касаться, но мне это подходило, мне была нужна ее вторая рука.

— Поиграй со своей киской, шлюха.

Не знаю, была ли она мокрой или нет, но мне было плевать. Смотреть, как она скользит пальцами между ног, мне было достаточно. Я сказал ей, пососать их, и она выполнила все беспрекословно. Эта шлюха делала все. У меня в руках был не огранённый бриллиант, и я собирался оставить его себе. Я быстро затеребил свой член, сбивая ее с ног на пятую точку, почувствовав приближение экстаза.

— О, черт, детка. Держи ноги раскрытыми, — приказал я, дроча себе. Я стоял прямо над ней, выстреливая зарядом ей на лицо, омывая ее своей спермой. Это было чертовски горячо, но я еще не закончил. И мой член тоже. Он даже не уменьшился ничуть. Черт, он все еще был тверд, как скала, от этого восхищения. Я выжал последнюю каплю своей рукой и встал на колени перед ее киской, массируя ее складочки. Клянусь, мой член тянулся к ней, желая ощутить ее.

— Повернись и опустишь на четвереньки, — сказал я, глядя на ее покрытое спермой лицо. Адреналин с обезумевшей скоростью наполнял мои вены. Никогда не отпущу эту пизду из своей жизни. Никогда.

Габриэлла сделала, как я ей велел, только для начала я сказал ей лечь лицом на пол и выставить для меня попку. Я поиграл с ней немного, вставляя время от времени палец в ее киску, обходя вокруг, при этом не оставляя без внимания член, абы не дать ему опасть, и шлепая ее. Раскрыв ее, я плюнул на анус, наблюдая как слюна стекает по ее пизде к клитору. Я повторил это несколько раз, просто потому, что мог и потому, что это напоминало ей, кем она была. Шлюхой. Используя на ней несколько круглых приборов с кухни, я трахал ее узкую киску рукояткой холодной металлической ложки, параллельно шлепая ее по пятой точке. Это было чертовски потрясающе, и она позволяла мне это делать. Ни разу не запротестовала. Ни разу. Возможно, это и было причиной моих действий, оправдание, благодаря которому я считал это нормальным.

Наконец, я трахнул ее, думая о том, как посажу свое семя в ее утробе, сделав своей. Может, стоило переспать с этим решением, подумать об этом утром. Но я этого не сделал. Я трахнул ее во всех возможных позах, затем обильно кончил, убедившись, что находился глубоко в ее киске, забывая о своей мужественности. Она ни разу не кончила, но мне было пофиг. Это в ней мне и нравилось. Отсутствие эмоций. Именно то, что я хотел, что я искал всю свою жизнь, и это было легко. У Габриэллы Делгардо не было шанса.

Я задержался внутри нее, затем медленно высунул уже обмякший член, чувствуя последствия моего друга Джека. Мне нужно было отключиться, а Роуэн стоило поспать подольше. Выйдя из нее, я стряхнул его об ее задний вход, выжимая последнюю каплю, и встал. Надев джинсы, я потянулся, выгнув спину и застонав.

— Вали отсюда. О, подожди. Я обещал, что дам сказать тебе, что хотела. Что ты сделала, снова выбила предохранители там?

— Нет.

— Тогда что? Говори уже. У меня восьмимесячная дочь, которая

проснется часов через пять, если мне повезет. Что?

— У меня будет ребенок.

Это выбило воздух из моих легких. Это совсем не то, что я ожидал услышать. Даже близко.

— Что?

Глава первая

Шлюха, созданная мужчиной. Об этом я думала, сидя в темноте тюремной камеры размером с мою спальню. Шум из коридора едва не разбудил мою соседку — девушку, покрытую татуировками. Она застонала во сне и перевернулась на бок, отсыпаясь после пьянки. Непристойное поведение и нарушение общественного порядка. Хотелось бы, чтобы подобное обвинение было у меня.

Мои легкие заполнял незнакомый запах, пока я пыталась осознать весь тот хаос, в котором оказалась. Мне не стоило настолько сближаться с ним, с мужчиной, чья так называемая успешность, уверенность, сексуальная привлекательность выворачивала меня наизнанку. Но я это сделала, сблизилась, потеряла контроль и упала... прямо в ад. Я была уже на полпути в тюрьму, но думала о том, как сильно влюбилась в своего мужа, гадала, что делать, куда идти, к кому обратиться. У меня никого не было. Никого, кому я могла бы доверять.

Наконец, уже где-то под утро, мое до смерти уставшее тело упало на пружинистый матрас. Пластмасса закрипела подо мной, и я закрыла глаза, сдерживая вновь навернувшиеся слезы. Я узнала в тот день о таком количестве юридических последствий, что просто начала сходить с ума. От всего этого я оказалась в худшем состоянии, чем была ранее. Мое горло болело от двухчасового допроса, криков и плача. Я защищала себя с текущими по щекам слезами, громкими криками и слабым хныканьем. Яма, из которой я понятия не имела, как выбраться. Меня обвиняли в краже личности у моей близняшки, возможном убийстве без наличия тела и в мошенничестве с больничными счетами. Последнее в голове не укладывалось. Какой здравомыслящий человек подвергнет себя тому, что я пережила, лишь бы обвести вокруг пальца страховую компанию? Абсурд.

Сон ко мне так и не пришел. Может, на пару минут время от времени, но на этом все. Я даже пробовала мантру, не помнила, что ей меня научила мама, но точно знала, что это была она. *Я спокойная. Я спокойная. Я спокойная.*

Запах затхлости наполнял мои ноздри, пока я пыталась расслабиться с помощью успокаивающего голоса в голове. К сожалению, моему мозгу было далеко до медитативного состояния. Он размышлял: сколько людей спало до меня на этой кровати? Тысячи? Слюна наполнила мой рот, когда появилось ощущение тошноты, вонь была слишком сильной, чтобы ее

игнорировать. Неприятный запах снова атаковал меня спустя несколько часов — максимум три часа.

Я проснулась от яркого света и незнакомых звуков — суматоха нового дня.

— Делгардо, на выход.

Неприятный запах мгновенно позабылся, когда я села, шокированная и обескураженная.

— Куда? — спросила я, нахмурившись, проглатывая страх с комом, ставшим в горле.

Высокомерная женщина-коп скривилась и посмотрела на меня так, будто я только что попросила ее оружие.

— Это важно? Иди сюда. Я уже хочу домой.

Без проблем. Я последовала за женщиной-копом, все еще хмурясь и гадая, к чему или кому приведет меня мое пробуждение.

Что за... Я смотрела, как он с настороженностью наблюдал за мной, подписывая внизу какой-то документ.

— Лейн?

Лейн поблагодарил клерка за стойкой и посмотрел на меня, его глаза наполнял стресс, а улыбка была фальшивой.

— Как ты?

— Ты имеешь в виду «кто ты»?

— Я знаю, кто ты. Распишись, чтобы мы могли свалить отсюда. — Искренняя улыбка, адресованная мне, не слишком успокоила мои нервы.

— Каким именем? — это вопрос, который нормальный человек никогда себе не задает. Я же понятия не имела, что писать.

— Просто подпиши. Не волнуйся сейчас об этом, — приказал Лейн, указывая на крестик и еще три места, где нужно было расписаться. Тот же угрюмый полицейский дал мне указания и сказал не покидать город. Я слушала в пол уха. Мои пальцы скользили по словам, которых я не понимала. Мне должен был провести оценку психиатр, и я должна была дать разрешение на использование медицинских записей. Это были единственные слова, что я прочитала из всех трех страниц. Я могла подписать свой смертный приговор и не знать об этом.

— Грегори Ричфилд встретится с нами в моем офисе до суда. Он — лучший, кого можно найти в этой части Флориды.

Я положила ручку, нахмурившись.

— У меня будет суд?

Его рука опустилась мне на поясницу, нетерпеливо направляя к двери.

— Нет, не у тебя. Он сам справится с судом.

Я позволила себя вести, чувствуя неловкость от его руки на моей спине. Он как ни в чем не бывало опустил ее, не замечая моего намеренного спотыкания в надежде избавиться от его прикосновения. Как бы безумно это не звучало у меня в голове, я боялась, что Пэкстон увидит его. Он взбесится.

— Где твой офис? Ты врач, да?

Лейн открыл дверь машины Кэндес, и я почувствовала себя странно из-за нахождения в ее машине. Взгляд Лейна говорил мне то, что я и так знала.

— Ты серьезно сейчас спрашиваешь о моей работе?

Я шумно выдохнула, понимая, насколько это глупо, и натянула фальшивую улыбку.

— Мой мозг слегка запутан.

— Уверен, так и есть. Мы решим это. Не волнуйся.

Я смотрела, как Лейн закрыл дверь и обошел машину. Машину Кэндес. Усталость была написана у него на лице, была видна в его походке, его напряженном и в то же время настороженном поведении.

— Почему ты делаешь это? Зачем втягиваешь себя в эти неприятности? Не думаю, что Кэндес бы это одобрила. Она считает, что у нас роман. Это так, Лейн? То есть у нас был роман?

Мой взгляд опустился на колени, и я тяжело вздохнула, ожидая услышать то, что я и так знала.

— Все не так, Гэбби.

— Значит мы никогда не спали? Я в замешательстве.

— Знаю, знаю. Давай делать шаг за шагом. Боже, Гэбби. Твоя жизнь достойна канала «Лайфтайм»^[1].

Я засмеялась, скорее всего, чтобы хоть как-то разрядить обстановку.

— Ты ненавидишь Lifetime.

— Нет, я ненавижу эти глупые DIY^[2] видео, которые ты смотришь.

Лейн даже не заметил, что я только что сказала, но я заметила. Господи, почему я не могла просто вспомнить.

— Откуда я это знаю, Лейн? Боже мой. Почему я помню о твоей неприязни к Lifetime?

Лейн не ответил, лишь глубоко вздохнул. Я не стала просить объяснений. У меня были пробелы и побольше, которые нужно было заполнить, и они были важнее того, откуда я знала об этой нелюбви Лейна.

Вместо этого я сконцентрировалась на Уолкерсах.

— Мне нужно связаться кое с кем. Они воспитали мою сестру.

— Уолкерсы? Из Мичигана?

— Да, — сказала я настороженно, гадая, откуда он знал. Моя загадочная жизнь становилась все лучше и лучше, в саркастическом смысле. Карма меня ненавидела. — Откуда ты об этом знаешь? О них?

— Ты рассказала мне, Гэбби. Я знаю о тебе все.

— Почему?

Тишина заполнила воздух, и не было слышно ничего, кроме глубокого дыхания Лейна.

— Я чувствую себя обязанным.

— Я понятия не имею, что это значит, Лейн.

— Знаю. Представить даже не могу, каково это, когда все твои воспоминания стерты.

— Но ты веришь мне? О Боже. А если это правда? Что, если я действительно этот страшный человек, убивший Иззи или Гэбби? Что, если я убила свою сестру?

— Перестань. Ты не убивала Иззи. Ты не Иззи. То есть, да, ведь ты заняла ее место, но это из-за любви. Именно такой ты человек, Гэбби. Я не знаю более великодушного человека, чем ты. Ты никого не убивала. Не намеренно.

Мои брови уже начинали привыкать к подобному положению — изогнутому и направленному к моему носу.

— Я говорила об этом тебе, но не мужу?

— Пэкстон Пирс... Я уверен, он никогда не спрашивал.

Еще один нервный вздох сорвался с моих уст, и я издала смешок.

— Я тоже в этом уверена. Только не понимаю почему.

— Наверно, это к лучшему. Давай волноваться о том, как очистить твоё имя прежде, чем ты окажешься в тюрьме.

Было понятно, что он шутил, но я все равно заволновалась.

— Это может произойти?

Лейн ужасно скрывал чувства. Я видела, что он волновался, вот только не знала, из-за меня или из-за себя, из-за того, что он вообще встрял в эту историю.

— Нет, Гэбби. Этого не может случиться. Этого не случится. Все это закончится, и ты вернешься к прежней жизни, которую ты знаешь. Поверь мне. Я знаю, о чем говорю, но ради своей же безопасности тебе стоит поговорить с Грегом. На случай, если я ошибаюсь.

Я даже не попыталась скрыть свой тон или негодование.

— Пэкстон так же делает все время. Я понятия не имею, о чем ты говоришь, но за твоими словами кроется некий смысл. Что-то тайное. Что-

то, что ты скрываешь и не намереваешься рассказывать мне, да?

— Нет, никакого скрытого подтекста нет. Лишь правда. Вот и все.

Я закатила глаза, переводя внимание на окно. Он лгал. Как и все в моей жизни. Он лгал.

— О Боже! А что с девочками? Мне нужно поговорить с ними, Лейн. — Эта мысль пришла из ниоткуда. В одно мгновение я думала о Лейне, в другое — о своих детях.

— Да, об этом мы тоже позаботимся позже. У тебя есть телефон?

Мой нервный смех может стать привычкой. Слова не могли описать мое состояние. Я была так взвинчена.

— Ты действительно думаешь, что Пэкстон мне что-то отдаст? Ты обвиняешь его? Черт, черт, черт, черт. Что мне делать? Он никогда меня не простит.

— Тебя это заботит?

Взгляд, которым я его наградила, был принят именно так, как я того хотела — раздражение, смешанное с дерзостью.

Лейн снова взглянул на меня и подлил еще каплю к моему безумию.

— Что? Я просто говорю, что, если у тебя есть возможность выйти из этой ситуации кем-то другим, чтобы убраться от него, я бы поступил именно так.

Серьезно? Ррр. Саркастический тон и повышенный голос полностью выражали мое недовольство его глупым комментарием.

— У него мои дети!

— Успокойся, Гэбби. Твоя нервозность ситуации не поможет. Единственное, о чем тебе сейчас нужно беспокоиться — очищение своего имени. Ему не удержать тебя вдали от девочек. Подумай об этом. У Офелии определенно твое ДНК. Все образумится. Успокойся, хорошо?

Я попыталась избавиться от головной боли, сжимая переносицу, надеясь, чтоб его слова были правдой. Несколько глубоких вдохов помогли успокоить мои нервы, но никак не спасли от растущей боли за глазами. Он был прав. Фи моя, и, если верить моей интуиции, сомнений у меня в этом не было. С помощью простого мазка ротовой полости я могла доказать, что родила ее. Конечно, мысли «а что, если нет» не могли не всплыть, и я заволновалась.

Грегори Ричфилд разговаривал по телефону, расхаживая по кабинету Лейна, когда тот открыл передо мной дверь. Достаточно крупный мужчина приказал кому-то грубым тоном копать глубже и повесил трубку.

— Грег Ричфилд. Вы Габриэлла? — произнес мужчина с протянутой рукой.

Моя рука показалась детской в его.

— Нет, то есть, да. Наверно.

— Она — Гэбби. Какого черта, Грег? Мы же это обсуждали.

— Это всего лишь имя, — сказал он, словно это пустяк, и сел в кресло перед столом Лейна.

Я села возле него, по большей части слушая, как Грег и Лейн переговариваются, пока я просто пыталась поспевать за ними.

Грег был высоким мужчиной, крупным и с неряшливой бородой. Он совершенно не был похож на успешного адвоката. Казалось, он ел слишком много чизбургеров и мог дотянуться до самолетов с вершины Эмпайр Стейт Билдинг. Он был огромен, неряшлив и пах не лучшим образом.

— Ты можешь попросить своего партнера сделать психиатрическую оценку сегодня. Чем быстрее мы ее получим, тем лучше. Вы совсем ничего не помните, что было в день аварии? Может, Вы высадили где-то свою сестру? Или она попала в аварию вместе с Вами?

Лейн вышел из-за стола, приходя мне на помощь. Его рука легла мне на плечо — жест, который должен был меня успокоить.

— Мужик, я уже сказал тебе. Она ничего не помнит.

— Я вспомнила некоторые моменты своего детства, но больше ничего, — объяснила я, положив руку на запястье Лейна. Касаться его казалось так естественно, словно я миллион раз это делала. Наши глаза встретились, и я опустила руку. Быстрая дрожь, которую только Годзилла мог не заметить. Мы с Лейном оба почувствовали это, неловкое доказательство.

— Я могу провести оценку. Ник занят на протяжении всего дня, — произнес Лейн быстрыми, обрывочными словами. Нервно.

— Ты не можешь провести оценку, и ты это знаешь. Повезет, если нам сойдет с рук то, что это сделает твой партнер.

И снова я села, слушая перепалку двух мужчин. Лейн, казалось, слишком серьезно принял поражение, но почему? Почему он так сильно обо мне заботился?

Годзилла посмотрел на свои изощренные часы и встал, заправляя неряшливую рубашку в помятые штаны.

— Мне пора в суд. Достань мне оценку и больничные записи. Как можно скорее.

Лейн проводил его, а я осталась на месте, мой взгляд бегал по комнате. Вау. Лейн был психиатром. Я знала, что он был врачом из разговоров с Кэндес, но я и не додумалась спросить каким именно. Фотография Шанс и Кэндес стояла на полке в серебряной рамке рядом с

подписанным бейсбольным мячом. Волна вины нахлынула на меня. Я была ужасным человеком, и мне не нравилось, как я себя чувствовала. Она этого не заслуживает. Шанс этого не заслуживает. Я выгнула затекшую спину, чувствуя тупую боль в бедре, и вздохнула. Во рту пересохло, я была вымотана, мое тело болело. И я понятия не имела, что за фильм проигрывался у меня в голове. Если я думала, что мое замешательство было большим, то сейчас оно утроилось. Ничто не могло с этим сравниться.

— Ты в порядке? — спросил сбоку Лейн.

— Господи, Лейн. Что, черт возьми, происходит?

— Не знаю, но не волнуйся ни о чем. Я отвезу тебя в отель на несколько дней. Пока мы не поймем, что произошло с тобой.

— Все плохо? — это был глупый вопрос. Конечно, плохо. Я села в машину со своим идентичным близнецом, и одна из нас пропала. Исчезла, как ветер. Испарилась без следа.

— Не волнуйся об этом. Грег нанял кого-то изучить ДНК схожесть идентичных близнецов. Надеюсь, ты отделаешься приговором на формально-юридическом основании. Если нет, Ник скажет, что ты невменяема. Обвиняемые не могут быть осуждены, если они психически нестабильны. А ты нестабильна. Ты даже не знаешь, кто ты. Черт, Гэбби. Все так запутанно. Тебе стоило уехать до шторма. Ты никогда не слушаешь. Ты должна была уехать, Гэбби.

Воу! У меня безумно закружилась голова. Тон Лейна был полон стрессовых ноток, а я не знала почему.

— Уехать куда, Лейн?

— Коста Рика.

Острая боль пронзила мою шею, когда я резко повернула головой в сторону двери. Страх наполнил мои вены адреналином. Не знаю, о ком я подумала, но стук испугал меня до ужаса. Кэндес? Пэкстон? Копы?

— Успокойся. Он не причинит тебе больше боли. Это просто Ник.

Я защищала своего мужа, словно он был Королем Англии — дерзкий тон и поведение.

— Я не боюсь, что он причинит мне боль.

Лейн открыл дверь с напряженным выражением лица. То, как он сложил губы и быстро выдохнул, придало им вид снисходительности. Как у Пэкстона.

— Да, конечно не боишься.

— У меня есть только тридцать минут. И все. И я буду обедать во время разговора.

Я повернулась на хриплый голос, ожидая увидеть еще одного Гризли

Адамса [прим. пер.: Джон «Гризли» Адамс — горный человек, известный в Калифорнии, тренировал медведей гризли и других диких животных для цирков, зоопарков и прочего]. Глубокий голос совершенно не подходил телу. Ник был моего возраста. Может, даже моложе. В отличие от Лейна, одетого в черные слаксы, накрахмаленную белую рубашку и галстук, Ник был в джинсах, коричневых кожаных туфлях и темном блейзере. Мне нравилось, когда Пэкстон так одевался. О, боже мой. Этот мужчина хотел, чтобы я сгнила в тюрьме, а мой мозг все представлял его в элегантной одежде. Я являлась прекрасным примером обезумевшего.

Лейн жестом указал на темноволосого молодого человека с бардаком на голове.

— Гэбби, это один из моих партнеров, Ник. Он немного больше меня занимается психопатическими расстройствами.

— Я не сумасшедшая, — сказала я уверенно и отрывисто, мой тон и недовольство соответствовали моей живости.

— Никто и не говорит иного, но в данный момент ты не способна защищать себя, ты даже не помнишь, что произошло. Ник здесь, только чтобы подтвердить это.

Ник посмотрел на меня с выгнутой бровью и кивком. Пока он не махнул рукой в сторону двери, я и не поняла, что он хотел, чтобы я проследовала за ним в его кабинет. Идиот. Откуда мне знать. Думала, раз мы уже были у Лейна в кабинете, то там и поговорим.

В отличие от стен цвета яичной скорлупы в кабинете Лейна и мирной атмосферы, кабинет Ника был вызывающим. Кроваво-красные стены и сверкающая хромовая мебель с блестящими акцентами в декоре. Я села напротив черного мраморного стола, а Ник плюхнулся в кожаное кресло передо мной. Он дернул головой, убирая длинные пряди челки со лба, треща костяшками пальцев. Один за другим, помогая большим пальцем. Пэкстон так делал.

— Ох, «Джимми Джонс»^[3]. Подожди, — сказал он, вспоминая про свой обед. Ник подскочил и выбежал из офиса, более заинтересованный в своей еде, нежели в помощи мне. Обнадеживающе. Абсолютно нет.

Я склонила голову, прищурившись, когда заметила заголовок вырезки из газеты, висящей в рамке на стене. Любопытство привлекло меня к документу. Студент из Огайо, Николас Томас Ксавьер, помог больному Альцгеймером мужчине найти свою семью при помощи гипноза.

Ник заговорил, входя в кабинет, с полным ртом еды. Мгновенно распространившийся запах мяса и сыра напомнил о моем последнем приеме пищи. Мне дали чизбургер в обмен на информацию во время

допроса. Я съела помидор и сыр, неспособная ответить ни на один вопрос, по большей части из-за того, что не знала ответов. Это было более двадцати четырех часов назад. Тоненький кусочек сыра и незрелого томата. Я была голодна.

— Получил эту награду на первом курсе. Тот мужчина был более чем в четырехстах километрах от дома.

Волнение наполнило мое тело одновременно со слюной, наполнившей рот.

— Что? — спросил он, сменяя улыбку насупленностью, когда я не ответила, уставившись на него с очень безумной идеей.

Проглотив сухой ком в горле, я подошла к нему за четыре быстрых шага.

— Можешь сделать это со мной? Можешь заставить меня вспомнить, что было до аварии?

Ник высосал напиток из трубочки, осторожно осматривая меня, усаживающуюся перед ним.

— Конечно я могу, но не буду. Это против политики компании. Кроме того, это не поддержат в суде.

— Мне плевать. Мне нужно знать, причинила ли я ей вред.

— Лейн сказал, что нет. Я верю ему.

Я переплела пальцы, положив их на стол, надеясь, что молящий жест покажет ему все мое отчаяние.

— Пожалуйста. Я заплачу, — сказала я, обещая деньги, которых не имела.

— Я не буду гипнотизировать тебя. А теперь назови свое самое раннее воспоминание.

Глубокий вдох наполнил мои легкие, пока тело откинулось на спинку чрезмерно большого стула. Скрестив руки, я погрузилась. В себя, не в стул.

— Это неважно, — произнесла я, защищаясь. — Я лучше пойду в тюрьму, чем буду жить без своих девочек, не зная, причинила ли я вред своей сестре. Я не вижу смысла. А ты?

— Послушай...

Я напряглась, вступая во второй раунд, обрывая его слова прежде, чем он успел объяснить.

— Я не хочу слушать. Лишь раз. Пожалуйста. Можешь попробовать? Один раз. Это все, о чем я прошу.

— Ни за что. Лейн меня убьет. Я не буду гипнотизировать тебя. Травма головы сильно отличается от психического расстройства.

Раунд третий.

— Как и больной разум. Ты помог тому мужчине. Мне лишь нужно знать, что произошло той ночью. Пожалуйста, Ник. Это ведь не противозаконно, — на самом деле я не была в этом уверена. В любом случае, это работало на телевидении. Я вставила в свою мольбу его имя, чтобы добавить немного личного отчаяния.

Ник положил полу съеденный сэндвич и почесал голову. Пэкстон тоже так делал. Слабость повисла в воздухе вокруг него, и, словно голодный волк, я ее ощутила. Победа за Габриэлкой. Абсолютный нокаут.

— Забудь об этом. Я задам тебе несколько вопросов, а тебе лишь нужно как можно точнее ответить на них. Неправильных ответов нет.

Мои легкие и тело обмякли, когда волна безнадежности накрыла меня. Он не понимал, никто не понимал. Я знала, что, если бы он сделал это хотя бы раз, только ради дня аварии, этого было бы достаточно.

— Габриэлла?

Я мгновение изучала Ника, игнорируя его глупый вопрос. Что-то о том, предпочитала ли я котенка или кота. Что-то знакомое охватило меня, вот только я не была уверена, что это.

— Мы знакомы? — вдруг спросила я, чувствуя, что так оно и было.

Он уставился на стол, быстро прерывая зрительный контакт, подтверждая мою догадку. Больше, чем его слова.

— Виделись. Котенок или кот?

— Виделись где?

— Не знаю, просто виделись. Ты бы завела котенка или кота?

Я не сдавалась. Ник тоже что-то скрывал. Интуиция, его осторожность и то, как он резко возвращался к цели нашей встречи, выдавали его. Я была права.

— Где?

— Ты можешь просто ответить на вопрос? У меня скоро пациент, который платит мне деньги.

Я скрестила руки, осторожно глядя на него.

— Ты только что подкинул мне еще один кусочек этого запутанного пазла, который я пытаюсь разгадать. Я выясню, куда его вставить.

— Это угроза?

Я пожала одним плечом, игриво отвечая вопросом на вопрос.

— Разве?

Глава вторая

Хоть бы мой отель был нормальным. Лейн подвез меня к входной двери, вручив купюру в сто долларов. На долю секунды я вспомнила, как меня подвозили к отелю в прошлый раз, вручая при этом деньги. Я была с Иззи, наша мать обезумела от наркотиков, и у каждой из нас украли по кусочку нашей индивидуальности.

— Гэбби?

Мысли о моем прошлом были прерваны тихими словами Лейна и его мягким прикосновением. Я убрала руку, избегая контакта с ним, и сморгнула картинку двух сломленных девочек.

— А?

— Все образумится, но тебе нужно придумать, что будешь делать дальше.

— Что ты имеешь в виду?

— Он не отпустит тебя. Захочет вернуть назад.

— Нет, не захочет. Он думает, что я Иззи.

— Но ты — Иззи, — сказал спокойным, но саркастическим тоном Лейн, напоминая о том, что я и так знала. — Мне лучше не подниматься. Сходи в «Таргет» и купи себе что-нибудь из одежды. Я тебе позвоню позже в номер, если будет возможность.

Молодая пара прошла мимо меня, держась за руки и смеясь, они отвлекли мое внимание от хрустящей новой купюры, которую будто только что забрали из печати. Я повернулась на звук веселого шума, чувствуя себя грязной и уставшей. Меня охватило воспоминание, в котором мама, держа маленькие руки девочек, шла позади влюбленной пары.

— Тебе не обязательно звонить. Спасибо за помощь, — благодарно сказала я. Я действительно была благодарна. Не знаю, что бы я делала без Лейна, но все, с кем я говорила, знали то, чего не знала я. Все.

— Пожалуйста. Не волнуйся, Гэбби. Все будет хорошо, я обещаю.

Взявшись за дверную ручку, я повернулась к Лейну, склонив голову.

— Почему ты на машине Кэндес? — не знаю, зачем я спросила это. Понятия не имею. Мне стоило спросить кем, черт возьми, он был для меня. Но вместо этого мне приспичило узнать его мотивы для вождения машины жены.

— Замена масла. СТО находится напротив моей работы. Ты в девяносто четвертом номере. Это все, что тебе нужно сказать, — произнес

он, нахмутив брови, отчего его глаза слегка прикрылись.

— Ох, еще раз спасибо. Я тебе все верну.

Намек на раздражение появился в его голосе, когда он отвечал:

— Меня не волнуют деньги, Гэбби.

Я открыла дверь, противясь желанию сказать что-то еще. Девяносто четвертый — все, что мне нужно было произнести. Это показалось странным, но не пойму почему. Все вызвали подозрения, и я никому не могла доверять. Даже Лейну. Я ушла, не оборачиваясь назад, кивнув улыбнувшейся мне леди.

Как бы сильно я не хотела отправиться сразу в свой номер, принять душ и лечь спать, я этого не сделала. Мне не только нужно было что-то чистое, во что бы я могла переодеться, но также мне нужна была еда. Настоящая, питательная еда. Машина Кэндес свернула направо на светофоре, пока я смотрела ей вслед, размышляя о Роуэн и Фи: что они думали, что сказал им Пэкстон? Естественно, он не сказал им, что я не их мама. Не так ли? Или то, что я в тюрьме. Я убью его, если он это сделал.

Душный воздух наполнил мои легкие, прежде чем рассеяться. Мои плечи поникли при выдохе, пока я размышляла о своей судьбе. Мой огромный адвокат убедил меня, что это не являлось даже полноценным делом. В какой-то момент он даже назвал Пэкстона трусом, сказав, что именно он сумасшедший. И все же, что это значило для меня? У Пэкстона был мотив. Это было ясно, как божий день.

— Простите, не подскажете, где здесь магазин «Таргет»? — спросила я мужчину в возрасте, одетого в костюм и галстук. Подобный наряд не подходит для августовской жары во Флориде, по крайней мере, не на улице. Мужчина даже не взглянул на меня, просто сказал, что магазин сразу за углом, едва оторвавшись от телефона, и указал пальцем.

Завернув за угол, за которым скрылся Лейн, я почувствовала себя глупо. Магазин был сразу на углу, но выглядел совершенно незнакомым мне. Не думаю, что когда-то делала покупки в нем.

Ходить по магазину было странно. Могу поклясться, люди таращились на меня, словно знали, что я обманщица. Это глупо. Меня не показывали в шестичасовом выпуске новостей, но, тем не менее, это чувство меня не покидало.

Я купила три пары трусиков, намеренно пренебрегая правилом Пэкстона о стрингах. Хлопковые шортики с маленькими розовыми бантиками, две пары шорт с распродажи, несколько необходимых туалетных принадлежностей, пару футболок и стопку мальчиковых боксеров, в которых можно спать. Мысль купить предоплаченный телефон

промелькнула у меня в голове, но я не знала, как долго мне придется прожить на мои сто долларов. Я экономно тратила их, не задумываясь в тот момент о еде. Потом я купила в гастрономе салат и бутылку воды. Кафе или ресторан были последним, о чем я могла подумать. Все, чего я хотела в тот момент — это душ, чтобы смыть с себя зловоние тюрьмы.

Возвращаясь к отелю, я думала, на чье имя Лейн снял комнату. Спросить я забыла, а он не сказал. Просто отлично.

— Простите, — сказала я, поднеся пальцы к сияющему звончку.

Молодая девушка улыбнулась, закрыла выдвижной ящик и подошла ко мне.

— Здравствуйте, добро пожаловать в «Кост Инн Вест». Чем могу Вам помочь?

— Эм, у меня забронирован номер, но я не знаю на чье имя. Забыла спросить, — произнесла я, фальшиво и напряженно улыбаясь.

— Уверена, мы сможем это выяснить. На чье имя записана кредитная карта?

— Эм, попробуйте Лейн, Лейн... ох, девяносто четвертый номер. Так он сказал, девяносто четвертый, — повторила я, на случай, если она не услышала в первый раз.

— Хм-м-м, девяносто четвертый забронирован на имя Пирс.

— Да. Это я. Габриэлла Пирс.

— Вы жена Пэкстона, правильно?

Тяжело было скрыть мгновенно появившееся замешательство.

— Да, но не на это имя должна быть карта. Там должно быть имя Лейн.

— Это информация о брони девяносто четвертого. Не волнуйтесь, все хорошо. Мне больше ничего не нужно. У вас есть еще вещи? — спросила она, вытягивая шею, чтобы увидеть единственный пакет из магазина. Проговорив вежливое приветствие паре позади меня, она выдала мне мой ключ-карту.

Я хотела задать еще несколько вопросов, но сдержалась. В этом не было смысла. Откуда у Лейна кредитка Пэкстона? Зачем она ему? Лейн что-то задумал. Это единственное объяснение. Но что?

— Мэм?

— Ох, простите, спасибо.

Я словно в тумане поднялась на лифте на четвертый этаж, не замечая деловых разговоров между тремя другими постояльцами. Двумя девушками в офисной одежде и парне в костюме. Он пах, как Пэкстон — чистый, тонкий аромат. Не сильный, но сексуальный.

В номере была одна кровать, большой телевизор и ужасная душевая. Вода была теплой, повернуться так, чтобы не удариться локтями было невозможно, к тому же, пахло там хлоркой. Мой лавандовый гель для душа едва перекрывал запах, а дешевый шампунь мало чем помог волосам. Выплюнув воду изо рта, я засмеялась. Мне предъявляли ужасные обвинения, а я волновалась о том, как дешевый шампунь повлияет на мои волосы.

Обернув голову не таким уж мягким полотенцем, я села за стол с салатом, глубоко вздохнув. Мое окно выходило на противоположную улицу от той, с которой я вошла, но она была не менее оживленной — люди были заняты своими обыденными делами. На углу находилась начальная школа, прямо напротив была аптека, и...

— О, мой Бог, — воскликнула я, увидев его. Сердце в груди забилось сильнее.

Идеально. Это знак. Нашим дорогам было суждено пересечься. Роскошное жилое здание со швейцаром располагалось прямо напротив моего отеля. Откусив вялый салат-латук, я наблюдала, как он пожимал руку швейцару и разговаривал, словно они были старыми друзьями. Как же его зовут? Еще кусочек салата и хрустящая гренка отвлекли меня от попыток вспомнить, пока я продолжала следить за ним. Он прошел в двойные двери, и я задумалась: куда? На часах было всего час пополудни. Может, у него обеденный перерыв.

— Ник! — прокричала я, вспомнив. Это не совпадение. Все происходит именно так, как должно. Я принялась за свой легкий салат именно в то время, как Ник вошел в здание напротив. Я продолжала наслаждаться своим обедом и ждать. Прошло не более пяти минут, прежде чем Ник вышел на тротуар с собакой. Не с ротвейлером или немецкой овчаркой, которые больше подходят мужчине. Это была маленькая лысая собачка. Чихуахуа с худощавыми лапками. Роуэн и Фи понравилась бы эта маленькая коричневая собачонка.

Ник выгулял своего любимого питомца вокруг забора школьного двора, затем перешел дорогу. Я доела все, за исключением огурцов, ко времени, как увидела его снова. Он преодолел весь квартал, но его собака — нет. Это изнеженное существо сидело на руках у Ника, свесив язык с правой стороны.

Мне пришла в голову мысль, выбежать на улицу и упасть ему в ноги. Мне нужно было знать, что случилось в день аварии, где моя сестра и самый главный вопрос — убила ли я ее? Ник был единственным известным мне человеком, который мог дать мне какие-то ответы.

Неважно кем именно из близнецов я была, мне необходимо было знать, что произошло тем днем. Награжденный Ник Бенсон будет тем, кто поможет мне. Хотел он того или нет, но как? Он должен. Ник был моим единственным шансом. Даже врач сказал, что память ко мне может никогда и не вернуться.

Как только моя нервозность по поводу Ника рассеялась, наступила новая волна из-за Пэкстона и Лейна. Почему мой номер был забронирован на кредитку Пэкстона? Возвращаясь ко дням, когда номера телефонов нужно было искать в справочнике, я позвонила в консультативный центр, в котором работал Лейн. Секретарша ответила на звонок, но отказалась соединять меня. Она также не дала номер мобильного, хотя я и не рассчитывала на это, однако попытаться стоило. Я оставила сообщение, в котором просила его перезвонить, но звонка так и не последовало. Без своего мобильного телефона достать его номер я не могла, в итоге в голову лишь лезли мысли о потраченном времени. Скоро он будет дома с Кэндес и говорить не сможет.

Я легла поперек кровати и включила телевизор для фона. Глаза закрылись одновременно с глубоким вздохом, и я попыталась максимально расслабиться. Ощущения из детства пронзили мою голову, но не более. Только чувства, никаких воспоминаний. Из всех сил стараясь призвать их, я заснула.

Никаких мыслей. Один час и пятьдесят одна минута ничего, кроме необходимого сна. Ни одного воспоминания, чтобы помочь разобраться в моей запутанной ситуации. Я проснулась под повтор «Охотников за недвижимостью». Мгновенная боль пронзила мою лодыжку, и стон отдался эхом от стен номера, когда я вытянула ноги. Я все еще забывала, что не могу делать этого, по крайней мере, пока. Но я делала это как минимум трижды в неделю, каждый раз проклиная себя. Если не считать этой боли, причиненной мне моей же глупостью, физически я была в порядке. Если бы я могла заставить и мозг последовать этому примеру, я была бы в гораздо лучшем состоянии. Я хотя бы могла перестать собирать кусочки пазла, которые никуда не подходили.

Сев, я встряхнула волосы с помощью пальцев, используя их в качестве расчески, и посмотрела на время. Офис Лейна закроется через пятнадцать минут, а он все еще не перезвонил.

Я сделала глубокий вдох, набираясь храбрости. Надув губы, я отбивала пальцами ритм по коленным чашечкам и размышляла над стратегией. Понятно, что пройти мимо охранника не получится, просто притворившись пациентом. Для подобного дельца требовалась смекалка.

Я смотрела в телевизор, где лесбиянки-молодожены спорили из-за планировки. В итоге блондинка выигрывает, и они купят тот дом, на который я подумала, впервые увидев. Была ли у меня эта смекалка? Это вопрос.

— Ах, — выкрикнула я, встав. Я могла схитрить. Сделав быструю остановку в ванной, я села на кровать и пролистала справочник, в поисках одного имени. Незапланированная улыбка изогнула мои губы, когда я, проводя пальцем по списку объявлений, остановилась на необходимом мне.

— Консультативный центр Уэстсайда. Меня зовут Ми, чем могу Вам помочь?

— Это Керри из автомастерской Гилфорда. У нас машина мистера Арлингтона. Боюсь, у нас возникла проблема.

— Подождите секунду.

И вот так просто я перехитрила их. Гордясь собой, я подула на подушечки пальцев и самодовольно коснулась ими груди.

— Я лишь просил поменять масло. Ничего больше, — ответил Лейн, готовый к спору с настойчивым автомехаником, уговаривающим его на дорогостоящий ремонт, в котором он не нуждался.

— Лейн, это я.

— Гэбби? Что? О Боже. Ты прекратишь?

Выражение моего лица мгновенно исказилось. А чего ожидал этот парень?

— Я хочу знать, что происходит. Тебе все известно, Лейн. Я знаю, что это так. Как ты получил кредитку Пэкстона?

— Что? У меня нет кредитки Пэкстона.

— Комната снята на его имя. Почему?

— Господи, Гэбби. Я сказал девяносто четыре. Это все, что тебе нужно было сказать. Просто девяносто четыре. Остальное было улажено.

— Что за хрень, Лейн? Пэкстон заплатил за этот номер?

— Да. Пожалуйста, прекрати. Я не хочу больше иметь с этим ничего общего. Если ты все еще хочешь выполнить нашу прошлую договоренность, я могу помочь. Но если ты больше не заинтересована, ты должна дальше жить своей жизнью и не втягивать меня в нее. Из-за тебя я могу потерять жену и ребенка, Гэбби. Я этого не хочу. Ты это знаешь.

— Нет, Лейн. В этом ты ошибаешься. Я не знаю.

— Ты не собиралась уезжать, не так ли?

— Это не честно. Ты задаешь мне вопросы о том, чего я не помню, и за меня же отвечаешь. Что на Коста-Рике?

— Курорт. Тебе оставалось всего четыре дня до свободы. Четыре дня,

Гэбби. У тебя была работа, дом, новые имена — все. Тебе только нужно было оставить свою машину возле танцевального класса и сесть на самолет. Вот и все.

— Ты сказал, что чувствовал себя обязанным мне помочь. Почему?

— Гэбби, забудь об этой части своей жизни. Поверь, это лучшее, что ты можешь сделать. Пока Пэкстон знает, где ты, ты его. Он никогда не отпустит тебя.

— Он отправил меня в тюрьму, — напустила я ему тоном, который должен был дать ему понять, насколько он глуп. Там, откуда я родом, где бы это ни было, отправлять своего супруга в тюрьму — явно не лучший способ удержать его или ее, если только они не были нелегалами.

Я услышала, как он с шумом выдохнул, уверена, что, если б я сейчас увидела его лицо, оно было бы напряженным, но почему? И почему он не мог просто рассказать мне все?

— Гэбби, скажи, что ты хочешь уехать, и я помогу тебе, чем смогу. Скажешь, что хочешь остаться — делай, как знаешь. Только не втягивай меня в это. Это все, что я могу сказать.

— Почему это все? Ты имеешь представление, как я себя чувствую? Я даже не знаю, кто я.

— Ты — та, кто вышел замуж за Пэкстона Пирса. Он заманит тебя в ловушку, как и прежде, Гэбби. Будь умнее. Пожалуйста, не ведись на эти подлые уловки. По закону ты больше не его жена. Он женился на Габриэлле Делгардо, не на Изабелле.

Меня передернуло от его последних слов. Я была обречена.

— Лейн? — спросила я голосом, который сама не узнала.

— Хочешь, чтобы я помог тебе забрать девочек и сбежать отсюда?

— Если я скажу да, ты мне все расскажешь?

— Нет, я помогу тебе убраться отсюда, и ты сможешь жить без этого багажа. Скажи да, Гэбби. Пожалуйста, скажи да. — В его голосе звучало отчаяние, но я не понимала почему.

— Дай мне переспать с этой мыслью, — проговорила я тихо. — Пока, Лейн.

— Пока, Гэбби. Береги себя.

Я повесила трубку с пониманием, что, что бы не происходило между мной и Лейном прежде, это прошло, и он только что сказал прощай. Возможно в последний раз. Все во мне говорило перезвонить ему и принять помощь, новую личность, новую жизнь с моими девочками. Это было бы логично, но нет. Любопытной Гэбби нужно было сложить все кусочки.

Я откинулась на кровать, закрыв глаза от отчаяния. Пара по телевизору обсуждала три дома, останавливаясь на втором. Как я и думала.

Я побродила по номеру некоторое время, ожидая, пока Ник окажется дома. Он был единственным, на кого я могла рассчитывать, единственным, кто мог залезть мне в голову. В четверть седьмого я, наконец, решила, что пропустила его. Естественно, он должен быть уже дома. Офис находился в двадцати минутах, и это с учетом пробок.

Быстро ободрив себя, я села, выпрямила осанку и успокоила нервы. Но они тут же возобновились. Я откинулась назад на кровать. Но они меня не покинули. И опять. Каждый раз, когда мне казалось, что я набралась достаточно храбрости, я оказывалась неправа. Но все же я продвигалась с каждым разом все дальше. Сначала до двери, затем на несколько шагов по коридору, потом к лифту, а после и к парадной двери, откуда направилась к углу. Ко времени, когда я вернулась к начальной точке, повторяя свои шаги из раза в раз, я прошла уже, по меньшей мере, полтора километра, а может и больше.

Я наткнулась на красный свет светофора и принялась за раздумья. Может, он тут даже не живет. Нет, должен. У него была собака, уродливая, но все же собака. Я перешла дорогу с другими людьми, ускоряясь, когда цвет сменился. Включая мозг на полную, я придумывала план, заметив потенциальную преграду. Мне нужно было пройти мимо швейцара, по совместительству охранника. На ум пришли цветы, но у меня не было денег для притворной доставки. Пицца тоже не сработает. Чем ближе к швейцару я подходила, тем сильнее нервничала.

Не знаю даже, откуда взялась эта история. Просто сорвалась с моих губ, словно я была профессионалом. Подождите. Это ложь. Я точно знала, откуда она взялась. Моя мать была профессиональным лжецом. Это была правда, если учесть несколько моих снов.

— Здравствуйте, где я могу найти персонал? У меня интервью для бара отеля. — Бум! Идеальная ложь.

Веселый, седой мужчина засмеялся до нелепости сильно. Его плечи и круглый живот затряслись, и он открыл дверь.

— Люблю красавиц с чувством юмора. Вы знаете, куда направляетесь, леди?

— О, да, на встречу с Ником.

— Ах, Ник Бенсон. Хороший человек. Приятного вечера, — произнес он с улыбкой настолько яркой, как и голубизна его глаз, после чего дружелюбно кивнул и открыл дверь. Есть.

Оказавшись внутри, я осмотрела первый этаж, не замечая ничего

особенного. Это было милое здание с большим количеством старинных вещей, но ничего сверхъестественного. Гладкая, черная гранитная стойка выделялась, отражая блеск люстры, справа от меня. За стойкой сидела девушка, зарыв нос в журнал. И снова ложь вырвалась естественно, размышления не понадобились.

— Простите, не подскажите, в какой квартире живет Ник Бенсон? Я случайно удалила сообщение, а он не отвечает на телефон, — проговорив это, как истинный хитрец, я улыбнулась молодой девушке, оторвавшейся от журнала сплетен.

— Хотите, чтобы я посмотрела? Или просто зайдете за угол и посмотрите на почтовых ящиках? — предложила она, подперев рукой подбородок. Язык тела и тон сноба подсказали мне ответ. Ее нельзя было отвлекать моими жалкими просьбами. Статья о Кортни и Скоте была важнее моей ситуации между жизнью и смертью.

— Я могу посмотреть. Спасибо, — в ответ я получила мычание. Прекрасный сервис.

Квадратная плитка золотого цвета покрывала пол стены за углом. Мой палец скользил по верхнему ряду в поисках имени Бенсон, пока мозг думал, что сказать. Господи, к моему списку обвинений можно добавить еще и преследование. Мой палец остановился на ящике с нужной мне фамилией. Двадцать первый номер, достаточно легко.

Вместе с дверями лифта открылся вид в большое фойе и двум дверям на втором этаже, одна справа, другая слева. Этот шаг я сделала спокойно, но спокойствия хватило ненадолго. Подняв костяшки пальцев к двери, я сделала глубокий вдох, наполняя легкие храбростью. У меня не было выбора, особенно учитывая новую информацию. Зачем Пэкстону селить меня в отель после того, как он донес на меня в полицию? Какова была роль Лейна во всем этом, и почему он не мог мне рассказать? Зачем все эти секреты? Все мысли исчезли, когда я услышала, как коридор наполняется эхом от моего стука.

Я нервно переминалась, выкручивая запястья и встряхивая пальцами в воздухе, чтобы успокоить нервозность. Я выдохнула, в очередной раз пытаясь вернуться к невозмутимости. В голову пришла великолепная мысль, идеальный подход, но тут же исчез. Когда дверь открылась, я не смогла выговорить и слова.

Я не ожидала увидеть жену или девушку.

— Оу, привет. Я просто... Ник дома?

— Нет, сегодня он работает допоздна. Я могу помочь?

Мужская рубашка с закатанными до локтей рукавами и высыхающий

разными оттенками серого клей указывали на то, что я что-то прервала. Проект. Она сдула упавший на глаза локон и улыбнулась. Это слегка заставило меня расслабиться и почувствовать себя лучше. Понятия не имела, что мне говорить. Ни одной идеи. Я просто выпалила слова, не задумываясь, надеясь перетянуть кого-то на мою сторону. Пусть даже это будет девушка незнакомого мне человека. Неряшливо выглядящая собака вышла в коридор и обнюхала меня, но я ее проигнорировала, выкручивая вместо этого кисти рук.

— Это прозвучит странно, но я встретила сегодня с вашим мужем и...

— Воу, подождите. Войдете на минутку? Мне нужно выключить стол и вымыть руки.

На мгновение этот добрый жест застал меня врасплох, и мне понадобилась секунда, чтобы ответить.

— Да, конечно.

— Я — Ми, — сказала она, пока я следовала за ней, рассматривая квартиру, в которой, я уверена, жила и она тоже. Белая кухня и просторная гостиная, обставленные женской рукой, выдавали это. Я стояла посреди комнаты, пока она выключала свой гончарный стол, и раздумывала о Ми и Нике. Странная пара. Ми была миниатюрной корейкой с блестящими черными волосами и полными губами. Ник был высоким и долговязым, с длинными волосами и острым носом.

Я молчала, пока ее косые глаза не встретились с моими.

— Гэбби. Приятно познакомиться.

— Вы его пациентка?

— Не уверена, возможно. У меня амнезия и проблемы из-за чего-то, что я не помню.

— Вы любите чай?

— Да, люблю.

Ми была моей манной небесной. Чуть больше часа за ромашковым чаем — достаточно времени, чтобы излить свою душу абсолютному незнакомцу, который оказался в правильном месте в правильное время. Вся моя жизнь была как на ладони. Я без остановки болтала, стараясь выговориться до прихода Ника. Моя новая подруга-корейка много вздыхала с широко раскрытыми глазами, когда я рассказывала определенные детали. Например, ту часть, когда я поняла, что моя сестра была со мной в машине; и часть, когда Пэкстон посодействовал моему аресту.

— Я даже не знаю, что сказать. Бедная девочка. И теперь ты думаешь,

что именно он заселил тебя в отель? Зачем ему это делать, если он хотел отправить тебя в тюрьму? Я не вижу в этом смысла. Понимаешь?

— Не знаю. В том то и дело. Поэтому мне нужен Ник.

— Что, мать твою, ты тут делаешь? — спросил Ник злым тоном, его взгляд метал в меня кинжалы. — Ми? Какого черта?

Я перевела взгляд на Ника, стоявшего в дверях, он был в ярости. Из-за меня. Ну конечно. Сумасшедшая девчонка из его офиса сидела на его кухне и пила чай с его девушкой. Сердце тяжело забилося в груди, отдаваясь звоном в ушах.

Ми встала, уперев обе руки в бока, и посмотрела на него. Высоко вверх. Ник был, по меньшей мере, на пол метра выше ее.

— Ник, перестань. С гостями так не разговаривают.

— Она не гость, Ми. Я больше не могу находиться рядом с тобой. Убирайся из моего дома.

Когда я думала, это уже невозможно, мое сердце забилося еще чаще и сильнее. Я не хотела, чтобы ее выгнали из дома.

— Замолчи. Где еда? Ты должен был привезти мне «Хиро Бас».

— Может, ты объяснишь мне, почему находишься у меня дома? Хотя лучше объясни, откуда ты вообще знаешь, где мой дом? — спросил Ник, отталкивая Ми в сторону.

— Мой отель прямо напротив. Я видела, как ты выгуливал собаку. Ник, пожалуйста. Ты моя единственная надежда, — тут же взмолилась я.

— Ты должен помочь ей, Ник. У нее больше никого нет. Ее муж забрал ее детей. Тебе бы понравилось, если бы я не подпускала тебя к нашим детям?

Ник дважды оглядел Ми, сузив глаза и нахмурившись.

— У нас нет детей.

— Есть. У нас есть Кинг. Что, если я не дам тебе видеться с Кингом?

— Ми, закрой на хрен рот. Ты не помогаешь. Мы не будем в это встречать. Пойдем. Я провожу тебя.

— Ник, ты ведь не серьезно. Ты хоть знаешь ее историю или вообще что-то о ней? Ей нужно, чтобы ты помог ей вспомнить. Разве ты не можешь хотя бы попытаться?

Ник положил мне руку на локоть и повел к двери.

— Нет, я не могу попытаться. Я не буду в это впутываться. Если она хочет со мной встретиться, может, назначить встречу, как и любой другой.

Я волочила ноги по полу, пока Ник вел меня к выходу. Я была обречена и никому не верила.

— Прости. Приходи завтра. Я поговорю с ним сейчас, — выкрикнула

Ми за спиной.

— Нет, не поговоришь, а ты не приходи сюда. Точка. Кажется, у тебя и так много проблем, не думаю, что ты хочешь, чтобы я вызвал копов.

— Прости, — снова повторила Ми, после чего дверь закрылась перед моим носом.

Я смотрела на большую коричневую дверь, а в голове звенел звук закрывающейся тюремной камеры. Тяжелое чувство рокового приговора опустилось на меня. Моя единственная надежда только что закрыла перед моим лицом дверь. Мой последний шанс на спасение. Выйти из здания оказалось так же тяжело, как и войти в него, а может и хуже. Тогда у меня хотя бы была искра надежды. Теперь не было ничего.

Седоволосого мужчины не было у входа, когда я вышла, его пост был пуст, как и я. Какой-то мусор попался мне на глаза, и я бросила его в урну, сев на скамью возле нее. Уставившись на окно своего номера в отеле, я гадала, почему Пэкстон поселил меня туда, зная, что вернуться в номер я не могла. Причины отказывались приходить мне на ум. Не было ни одной. Абсолютно ничего.

Небо потускнело до серого цвета, в то время как ночь опускалась на город, заменяя оживленный хаос темным спокойствием. Не знаю, что я видела, сидя там и раздумывая о девочках, о том, куда пойти и что делать. Вот тогда меня и осенило. Я так сильно скучала по ним, и сердце болело от того, что они грустят. Первая слеза скатилась по моей правой щеке, открывая бездну, которую я не могла контролировать. Я сломалась. Прямо там, на тротуаре, под тусклым светом уличных фонарей.

Ни слова не прозвучало, когда я подняла взгляд и увидела Ми и Ника. Он ненавидел меня, а ей было меня жаль. Она села рядом, обхватив меня маленькими руками. Добрый жест и такие необходимые объятия мало чем помогли моему срыву. Они сделали только хуже. Я рыдала на плече у Ми, ни в чем не уверенная. Я была так одинока, не зная, к кому и куда пойти, кому верить.

Не знаю, сколько прошло времени, пока я обливала слезами розовую кофту Ми, утонув в боли и отчаянии, которые я не могла объяснить. В голове был хаос — авария, дети, Пэкстон, Лейн, местонахождение моей сестры. Я плакала, потому что не знала, что еще делать, вот и все.

— Прости. Я в порядке, — наконец произнесла я, сопровождая слова отвратительными звуками сморкания. Ничего поделать я не могла. Или так, или нужно было позволить соплям течь из носа.

— Хочешь, я провожу тебя до номера?

— Нет, я не могу пойти туда, зная, что Пэкстон заплатил за него. У

него есть план, и я не позволю ему опробовать его на мне, — объяснила я, снова шмыгая носом.

— Куда ты пойдешь?

— Ми, пойдём, — сказал Ник в нескольких метрах.

Ми стрельнула в него злым взглядом и повернулась обратно ко мне.

— Куда ты пойдешь, Гэбби?

Я пожала плечами, вздохнув.

— Пока не знаю.

— Пойдем, останешься сегодня у нас. А утром что-нибудь придумаем.

— Ми, — бесполезно запротестовал Ник.

Ми могла быть маленькой, но чертовски сильной. Хотелось бы мне иметь хоть долю ее смелости. Она указывала ему что делать, а он слушал. Не потому, что хотел. Это было очевидно.

— Иди, принеси нам «Хиро Бас», — приказала она, ведя меня внутрь.

Я сидела на диване Ми с крошечной собакой, пока она готовила нам выпить. Настоящие напитки, а не чай — именно то, что мне нужно. Единственным минусом в этом была ее способность смешивать напитки. Они были ужасны: слишком много лимона, недостаточно колы и неправильный ром. Но, тем не менее, я его выпила, наверно, даже быстрее, чем стоило. Не понадобилось много времени, чтобы ощутить эффект.

Ник вернулся через двадцать минут с коричневым пакетом ароматной еды, и мой живот понадеялся, что он прихватил что-то и для меня. Я следила за Ми, накрывающей стол у окна. Три прибора. Одним глазом я смотрела за Ми, другим осторожно приглядывала за Ником. Он ненавидел меня.

— Ник, прости. Я не знаю, что еще делать. Мне не к кому больше обратиться. Ты гипнотизер. Это просто идеально. Я сделаю все, что захочешь.

— Я сделаю это, — сказала Ми из-за стола. — Пойдем. Нужно поесть. У них лучшие роллы, которые только можно найти в фургонах с едой. Лучшие.

Я подошла к столу, присоединяясь к Ми, и Ник засмеялся.

— Ты собираешься ее загипнотизировать? Как ты собираешься это сделать?

— Я много раз видела, как это делал ты. Я попытаюсь. Хорошо, Гэбби?

— Хорошо, — сказала я, пытаясь звучать восторженно. Я не хотела, чтобы Ми пробовала. Я хотела, чтобы это сделал Ник. Знала, что Ник сможет.

Развеселившись, Ник отодвинул стул рядом с Ми и сел на него. Я заняла свободное место, снимая крышку с моего пластикового контейнера и ожидая увидеть нежирный ролл без мяса. К моему одобрению, мяса не было. Брокколи, капуста, морковь и небольшие кусочки сельдерея. Рядом были макароны и картошка, нарезанная полосками.

— Где вторая сестра? — спросил Ник.

В моем тоне слышалась дерзость. Так я и хотела.

— Серьезно? Мы провели час в твоём кабинете. Ты уже спрашивал меня об этом, а я отвечала. Я не знаю.

Ник прожевал еду, прежде чем ответить.

— Я не об этом. Раньше. Где она была раньше?

— Ох, прости. Она была в Мичигане. Отправилась туда. Я осталась во Флориде.

Ми вставила свою реплику, не дожидаясь, пока закончит жевать.

— Она на самом деле другая сестра. Они поменялись местами, когда им было одиннадцать.

— Мне казалось, я выгнал тебя из дома, — сказал Ник, сузив глаза на свою назойливую девушку.

— Мое имя указано в документе на аренду. Хочешь выпить, Гэбби? — спросила Ми, царапая стулом пол.

— Оу, позволь мне. Сиди. Ты достаточно сделала, — настояла я, используя свою собственную психологию для манипуляции. Мне не хотелось, чтобы Ми готовила напитки. Она ужасна в этом.

— О, спасибо. Я не привыкла, чтобы для меня делали что-то хорошее.

— Заткнись и ешь свою полезную еду, которую я принес тебе, — настоял Ник. Ми засмеялась и поблагодарила его.

Я смешала три коктейля, пытаюсь разобраться в их отношениях. Постоянные препирательства, но в шуточном тоне. Ник был чудаковатый, я не могла сказать, когда он пытался шутить, а когда просто был странным. А Ми могла. Но, опять-таки, она, наверное, была не менее безумной.

Я отнесла коктейли к столу и сразу вернулась к разговору.

— Муж показал мне видео моей встречи с сестрой возле банка. Мы обнимались, затем она села в мою машину, оставив свою там.

— Где машина? Может, у нас получится найти что-то в ней, — предположила Ми, снова разговаривая с полным ртом.

— Это прекрасная мысль, — воскликнула я.

Но Ник поспешил поставить ее на место.

— Нет, ты ничего не будешь делать. Держись подальше от всего этого.

Ми сделала глоток, посмотрев на меня.

— Мм, это намного лучше моего, а ты мне не босс. К тому же, у меня недельный отпуск. Чем еще мне заниматься?

— Будешь убирать квартиру. Как и собиралась, забыла?

Я засмеялась, мысленно согласившись, что их кондо нуждался в хорошей чистке, и тут меня осенило.

— Ми, я помогу тебе прибраться. Я в этом эксперт. Если ты поможешь мне, я помогу тебе. У тебя есть машина? Я почти уверена, что Пэкстон сказал, что машина конфискована.

— Нет, нет и еще раз нет. Ми, ты не будешь принимать в этом участие. Держись подальше. Слушай, у меня есть предложение. Один раз. Я загипнотизирую тебя один раз, и все. День аварии, ничего больше. Поняла?

— Да, да, поняла. Спасибо, спасибо, спасибо, — сказала я, чувствуя, как тяжелейший груз упал с моих плеч. Наконец-то. Я узнаю, что произошло в тот день.

— А я помогу тебе завтра найти машину, — предложила Ми, выглядывая поверх бокала.

— Нет, не поможешь, Ми. Поэтому я сказал один раз, и все. На этом мы закончим. Ты не будешь бегать по городу в поисках подсказок.

— О, а что на счет родителей? Ты с ними разговаривала? Нужно выяснить, что они знают о твоей сестре. Думаешь, она вернулась в Мичиган?

— Никогда об этом не думала. Может, Иззи даже не было со мной. Может, я высадила ее где-то, но нет. Лейн сказал мне, что они пытались связаться с ними.

— Меня здесь нет. Просто игнорируйте меня, — обиделся Ник, вгрызаясь в вегетарианский ролл. Ми совершенно игнорируя его, вскочила и схватила блокнот.

— Нам нужен план. Сначала проведем расследование и выясним, была ли вообще Иззи с тобой в машине.

Тело Ника расслабилось, откинувшись на спинку стула в знак поражения. В тот момент я знала, что, как минимум, помощь Ми мне обеспечена, и я ее приму. Приму с большой благодарностью.

— Почему тогда ее машина будет на штраф площадке во Флориде, если ее не было в машине? В этом нет смысла. Из тебя ужасный детектив. Лучше продолжай доставать детей на свет.

— Ах, хорошо подмечено, но нам все равно нужно найти их. Знаешь в какой они части Мичигана? — спросила Ми, втягивая спагетти и записывая что-то в блокноте.

— Ой, Ми, ты акушер? Это круто. — Ми не была похожа на врача. Но

и Ник тоже.

— Да, да. В какой части Мичигана?

— Я помню это благодаря сну, но Лейн сказал, что это правда. Видимо, я рассказывала ему об этом до того, как забыла, кем являюсь. В любом случае, я помню фамилию Уолкерс и имя Брент, но не уверена, как зовут ее. И я не знаю, в какой части. Когда ты сможешь сделать это, Ник, когда ты загипнотизируешь меня? — я отодвинула наполовину съеденный ролл и отпила коктейль, ощущая сытость и нужду в выпивке больше, чем в еде.

— Попытаюсь сделать это завтра. У меня свободное утро, но весь день занят.

— Я не могу прийти к тебе в офис. Сейчас я не доверяю Лейну. Ты не можешь сделать это здесь?

— Конечно, может. Он эксперт.

— Ми, заткнись.

— Но ты можешь.

— Но не собираюсь, — сказал Ник высоким голосом, нахмурившись и драматично размахивая головой из стороны в сторону. — Я зайду к тебе в отель перед работой.

Ми совершенно игнорировала аргументы Ника. Отмахнулась от них, словно он и не говорил.

— Она туда не пойдет. Ты вообще ничего не слышал? Вынь вату из ушей на пару секунд. Думаю, сначала тебе нужно хорошенько выспаться. Я чувствую, как ты напряжена. Можешь лечь в моей дзен-комнате. Я включу звуки природы и водяной фонтан. Это поможет расслабиться.

— Она здесь не останется. О Боже, Ми, перестань.

— Нет, останется, и это ты перестань. Ты не очень-то гостеприимный хозяин.

— Я ей не хозяин. И ты тоже. Она не останется. У нее снят номер прямо напротив. Теперь, если ты доела, я провожу тебя туда.

— Я не вернусь в ту комнату. Если ты не разрешишь мне остаться здесь, я найду приют или еще что-то. Я не подарю этому ублюдку удовольствие.

Спасибо Господу за мою низенькую подругу-корейнку.

— Ты останешься здесь. У нас есть свободная спальня.

— Я сдаюсь. Пойдем, Кинг, прогуляемся.

С этими словами Ник взял свою маленькую собаку с большим именем и оставил нас наедине. Мы с Ми еще немного обсудили план на следующий день, после чего она показала мне свою комнату. Сложно было

скрыть мое выражение лица. Казалось, будто я вошла в спальню Далай Ламы. Фонтанчик тянулся вдоль стены возле закрытого бамбуком окна, кровать на платформе располагалась в полуметре над полом, и повсюду стояли керамические горшки разных форм и цветов, наполненные всевозможными камушками.

— Ми, это ты сделала? Так красиво, — сказала я, проводя пальцами по краю ярко красного горшка. Белые маргаритки с желтым центром и стебельками цвета сосны были нарисованы вдоль дна, все разной высоты. Камушки с оттенком ржавчины внутри маленького горшка были отличны от всего, что я раньше видела. Маленькие вкрапления золотого засверкали, когда я поднесла их к свету.

— Я сделала его после рождественской вечеринки, на которую ходила с Ником. Одна из девушек нагрубила мне. Цветы все разных форм и размеров, но они одинаковые. Ни один из них не лучше другого. Я зову его многоликость. Камни называются зеленый авантюрин. Они являются эмоциональными оздоровителями, помогают стабилизировать эмоции после того, как кто-то оскорбляет твои чувства. Знаешь, те девушки мне безразличны. В эту комнату я прихожу, когда забываю, откуда я, когда мне нужно расслабиться и вспомнить, что я не одинока. Ты медитируешь?

— Нет, но моя мама бы тебя полюбила. То есть, не думаю, что когда-либо медитировала. Знаю, что мама этим занималась, но не знаю, откуда мне это известно.

Ми подошла и повернула вершину длинной трубы. Я даже не поняла, что это динамик, пока не услышала тихие звуки флейты, разнесшиеся по комнате.

— Должно быть, это ужасно.

— Нет, ужасно — это когда ты не помнишь своих детей, но все равно любишь их так сильно, а теперь... — я остановилась, обдумывая, что было теперь. Понятия не имела.

— Теперь ты в растерянности, но не волнуйся. Я помогу тебе. Я честно верю, что люди появляются и исчезают из твоей жизни именно тогда, когда нужно. Это сила, которую мы, люди, понять не можем. Иногда нужно просто погрузиться в себя и позволить всему идти своим чередом. Ответы появятся.

Я грустно улыбнулась и кивнула, но, по правде говоря, я понятия не имела, о чем она говорит, как и сияющие камушки, улучшающие ее самочувствие. Ладно...

— Я найду, во что тебе переодеться, — сказала она, склонив голову и протискиваясь мимо меня.

Я проследила за Ми, выходящей из комнаты, и улыбнулась. Осматривая дзен-комнату с множеством глиняных горшков, я думала о своих вещах. В моем номере остались пятьдесят один доллар и новая одежда, но каждой клеточкой своего тела я знала, что не вернусь за ними. Мой взгляд переместился на источник звука, когда я услышала закрывающуюся дверь, затем вернулся к глиняному горшку. Он был синим, с маленькими серыми точками внутри, наверху было желтое кольцо, и одна маленькая серебряная точка располагалась на внешней стороне. Полубовавшись этой одной точкой и ее красотой, я поставила предмет обратно на полку, даже не заметив, что взяла его в руки. Взяв одинокий камушек из центра, я повернулась к Нику.

— Это символ того, что твое эго — твой худший враг.

— Что? — спросила я, возвращая одинокий камушек обратно в центр горшка.

— Точка на внешней стороне. Она такая же блестящая, как и другие, но она зазнавшаяся, слишком красива, чтобы смешаться с незамысловатыми точками.

— Ох, — произнесла я, как и до этого отвечала Ми. Чудаковатый — это я еще мягко о нем выразилась. Эти люди были странными вдвойне. Мне не приходил на ум ни один ответ. Что вообще можно было ответить на такое?

Ник рассмеялся и почесал голову.

— Ми думает, что все камни и горшки что-то символизируют. Она безумна, но я люблю ее и не хочу, чтобы она встревала во все это.

— Во что? Ты говоришь так, будто это нечто большее, чем кажется. Ты просто загипнотизируешь меня, чтобы помочь мне вспомнить что-то о моей сестре.

Выражение лица Ника изменилось на снисходительное, и он хотел что-то сказать, но сдержался.

— Что? Скажи, — приказала я.

Его ответом стал громкий вздох и еще больше лжи:

— Ничего, забудь.

Мгновение я мысленно боролась с собой, пытаясь отбросить подозрительность и не сказать, что он тоже что-то скрывает. Но ничего подобного не слетело с моих губ. Вместо этого я опять скинула все на свою паранойю, когда ожидала от каждого человека неприятностей.

— Прости за все неудобства, Ник. Я действительно не хотела втягивать тебя или Ми во все это. У меня никого нет. Абсолютно никого. Ты хоть представляешь, насколько это тяжело?

Ник оперся плечом на дверную раму и скрестил руки.

— Нет, и меня прости. Просто, ну, Ми все время заставляет меня делать вещи, которые я не хочу делать. Вещи, типа этих, которые могут быть опасными, а может и нет. Что, если я введу тебя в транс, а ты скажешь мне, что являешься убийцей или еще что-то? Что, если ты скажешь, что ты — настоящая Гэбби, но не выходила замуж за Пэкстона? Что, если ты скажешь, что убила сестру, чтобы занять ее место? Что, если...

— Ладно, ладно, я поняла, но я честно так не думаю. Мне снятся сны, или иногда я вижу что-то, что вызывает быстрые видения прошлого.

— Но кем ты была в этих видениях? Гэбби или Иззи?

Мне понадобилась секунда, чтобы обдумать это.

— Я была Гэбби.

— Гэбби после подмены? А что до этого?

Это мне тоже нужно было обдумать.

— Я... я была Гэбби. О Боже. Ник. Я не знаю. Я чувствую себя Иззи. Ты сможешь сказать? Когда загипнотизируешь меня?

— Нет, я вызову воспоминания дня аварии и все. Надеюсь, этого тебе будет достаточно.

Я нахмурилась и подошла к окну. Пальцами я раздвинула бамбуковые жалюзи и сделала глубокий вдох.

— Как я узнаю?

— Ты о чем?

Вглядываясь через дорогу, я отсчитала окно своего номера, осознав, что оставила включенным свет.

— Ты загипнотизируешь меня. Откуда я узнаю, что сказала? Я буду помнить?

— Я никогда не гипнотизировал никого с амнезией. Понятия не имею, что ты вспомнишь, но я все запишу. Сможешь послушать потом.

— Хорошо, это сработает.

Ник опустил руки и выпрямился.

— Ты не можешь здесь остаться. Одна ночь. Не более.

— Хорошо, — кивнула я, соглашаясь.

— Я набрала тебе горячую ванну с лавандовой пеной. Она поможет расслабиться, — пробубнила Ми, прыгая на руки Нику.

Его длинные конечности обернулись вокруг нее, и он поцеловал ее в голову.

— Я подготовлю все для тебя, — предложил он.

Я почувствовала быстрый прилив адреналина, сообразив, что он имеет

в виду.

— Ты сделаешь это сейчас?

— Да, если смогу. Никаких обещаний.

— Хорошо, — согласилась я, сердце громко билось в груди от волнения. Огромное количество «что, если» пронеслось у меня в голове, но я сфокусировалась на лавандовой ванне. Вот и все. Наконец, я узнаю правду.

Надеюсь.

Глава третья

Горячая вода и ароматная пена не сильно помогли успокоить волнение, бушующее в моем теле. Пузыри пены были больше похожи на иглы, пронзающие мою кожу. Тысячи игл. Из ванны я вылезла еще более напряженной, чем когда в нее залезла. Что, если это не сработает? Что, если у меня не получится расслабиться достаточно, чтобы войти в транс? У меня даже не получилось расслабиться для того, чтобы понежиться в потрясающей ванне. Она была из тех старых моделей с ножками в виде лап и с наклоном, который должен был нагнать сон.

Сомнения наполняли мой разум, пока я вытиралась и надевала мягкий хлопковый костюм с шортиками. Я засмеялась, увидев свое отражение и малиновых монстров, покрывающих розовый материал. Я едва знала Ми, но точно могла представить ее в забавных пижамах.

Я тихонько шла по паркетному полу. Не то чтобы я подслушивала, просто слегка замедлила шаг и прислушалась к препинаниям Ника и Ми.

— Ми, мне не нужно все это, чтобы загипнотизировать ее, — жаловался Ник.

— Это не для тебя. Для Гэбби. Хочу, чтобы она расслабилась и чувствовала себя уютно.

— Что мне с тобой делать, Ми? Ты сводишь меня с ума. Ты мне даже не нравишься.

Мои ноги замерли, когда я услышала поцелуй.

— Ты оставишь меня, потому что любишь. Вот что ты со мной сделаешь. И ты поможешь ей, потому что это правильно. Карма будет тебе благодарна. Я обещаю.

— Лучше бы ты была мне благодарна.

Больше поцелуев.

— Перестань, или я отблагодарю тебя прямо сейчас.

Я улыбнулась их игривости, тоскуя по мужчине, который не отвечал мне взаимностью. Глупышка. Вот кем я была.

— Можешь хотя бы выключить этот дурацкий фонтан? Из-за него мне хочется писать.

— Нет, но ты сможешь выключить его, если введешь ее в транс и выяснишь, что с ней произошло. — Условие «если» прозвучало с ноткой сомнения в голосе Ми, скрытый вызов Нику.

— Ты ведь знаешь, что я психиатр, да? Не получится манипуляцией

заставить меня поспорить с тобой.

— Ладно, спору на минет, что у тебя не получится выяснить, что произошло той ночью.

Отлично. Именно то, что мне нужно. Я потопталась по паркету, прерывая их, и прочистила горло.

— Спасибо, Ми. Никакого давления, — сказала я, присоединяясь к ним в освещенной свечами комнате. Голубой глиняный горшок размером с детский бассейн стоял слева от меня, наполненный лазурной голубой водой и цветами белого лотоса, плавающими вместе со свечами с ароматом лаванды. Должна признать, мне действительно казалось, что я вошла в комнату Далай Ламы. Мирная безмятежность окружила меня чувством благополучия. Может, Ми и не настолько безумна, какой казалась. Может, она просто сидит на чем-то? Звуки ветра, птичьего пения и океанских волн, разбивающихся о берег, слышались из стереосистемы. Если не считать мерцающих свечей и голубого света со дна бассейна, комната была погружена во тьму.

Ми рассмеялась из-за моего комментария, а лицо Ника стало на пять тонов краснее.

— Давайте покончим с этим. Ми думает, что должна сначала расслабить тебя, а потом будет моя очередь. Ты услышишь мой голос, когда она разрешит, — Ник закричал, когда Ми ударила его локтем в живот.

— Ты злой. Ты должен доверять мне.

Я не знаю, можно ли назвать его подкаблучником, но он тут же встал и извинился. Вау, Пэкстон бы никогда так не поступил.

— Прости, Ми. Не хотел, чтобы ты чувствовала себя менее важной. Конечно то, что ты делаешь, помогает.

Ми встала на носочки и поцеловала его.

— Ты прощен. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю. Продолжай свое вмешательство, — произнес Ник с улыбкой.

Ми вывернулась из его рук и принялась инструктировать меня.

— Ладно, Гэбби, ложись на кушетку и устраивайся поудобнее. Ты услышишь и почувствуешь разные вещи вокруг себя. Не открывай глаза и фокусируйся на моих словах и своих ощущениях. Вот и все.

— Разве мне не нужно сфокусироваться на моей сестре или ночи аварии? — я не помнила, откуда знала это, но знала, что где-то слышала такое. Наши сны вызваны последними мыслями перед тем, как мы засыпаем. Хоть у меня и не было доказательств, я верила в этот миф.

— Господи, нет. Это последнее, о чем тебе стоит думать. Хочу, чтобы

ты забыла обо всем. Не думай ни о чем, кроме моего голоса. Твои чувства отреагируют сами по себе, если дашь им время.

Кривая кушетка закачалась взад-вперед, когда я села на нее. Я вздохнула и тут же подскочила, чувствуя, что вот-вот упаду.

— Не волнуйся, она выдержит. Выдерживает Ника.

— Хочешь сказать, что я толстый? — спросил Ник, когда я снова села на шатающуюся кровать, но на этот раз аккуратно. Камера в углу комнаты мигала красным, она была моим источником получения информации. Ник больше не будет жертвовать ничем, кроме времени, отведенного мне сейчас. Но мне этого было достаточно.

Ми ничего не ответила ему, но я не видела, говорила ли она с ним тайным языком мимики. Кушетка была суперкомфортной. Она откидывалась в лежащее положение, и я устроилась поудобнее, закинув ногу на ногу. Мои пальцы переплелись на груди, и я сделала глубокий вдох, мысленно готовясь отдать контроль.

— Положи руки по бокам и распрями ноги. Нужно выровнять все чакры, чтобы они заработали.

— Что? — спросила я. В этот раз я посмотрела на нее. Посмотрела, словно она была сумасшедшей. А она явно была. Вся ситуация была безумной, но и единственной моей надеждой.

— Просто забудь. Такие люди, как ты, слишком заняты, пытаюсь угодить всем вокруг, вместо того, чтобы узнавать себя изнутри. Ты не поймешь.

Нет. Я даже не пыталась понять. Опустив голову на подголовник, я выполнила указания.

— Хорошо, теперь просто расслабься, сделай несколько глубоких вдохов. Вдох-выдох, вдох-выдох. Ты услышишь вокруг себя разные звуки. Эта комната оборудована так, чтобы максимально расслабить тебя. Все, что ты почувствуешь, реально. Просто нужно направить мысли, куда я скажу тебе. Если вдруг что-то всплывет у тебя в голове, просто произнеси: «Я спокойна». Сконцентрируйся на моем голосе. Поняла? — объяснила Ми, интересуясь моей способностью продолжать.

Я втянула нижнюю губу в рот, пытаюсь удержаться от смеха, но ничего не вышло. Все это так глупо.

— Смех — нормальная реакция. Это твое внутреннее Я ставит под сомнение твою веру. Твое подсознание не понимает этого. Ты не позволяешь ему. Тебе нужно посмеяться?

Я пыталась. Из всех сил пыталась сдержаться. Знала, что должна быть серьезной. Я была. Просто, я не знаю, как это вышло. Сперва

раскрылись мои губы, затем он вырвался. Смех настолько сильный, что даже выступили слезы.

— Прости, Ми. Я пытаюсь.

— Все хорошо. Я часто получаю подобную реакцию от новичков.

— Новичков? Ты часто это делаешь? — спросила я, открыв один глаз. Я сделала глубокий вдох и снова закрыла оба глаза.

— Я преподаю здесь медитацию по вечерам в четверг. Может, у тебя получится прийти как-нибудь.

— Да, конечно, — согласилась я, не совсем искренне. Миниатюрные иностранки с узкими глазами встали у меня перед глазами. Все сидят в позе лотоса и мычат «ом» и «а».

Ми сказала мне сделать еще несколько вдохов, готовя меня к погружению в сон. Я сделала, как мне велено, концентрируясь на ее словах и атмосфере вокруг меня. Слух наострился первым. Меня тут же окружили звуки океана. Голос Ми стал мягче, а чувства острее. Я с глубокими вдохами повторяла слова «Я спокойна», как она и говорила. Обращала пристальное внимание на ощущения, о которых она упоминала, и как бы безумно это не звучало, я действительно чувствовала то, о чем она рассказывала.

— Представь, как идешь по мягкой траве, но не простой — волшебной. Она мягкая, как детская присыпка. Иди к волнам. Великолепный частный остров ждет твоего прибытия.

В тот момент я даже не хотела смеяться, в какой-то мере мне казалось, что я действительно гуляю по детской присыпке. Когда Ми сказала сделать еще один вдох и обратить внимание на изменения в воздухе, я послушалась. Я действительно ощутила чистоту и позитивную энергетику, когда вдохнула этот волшебный воздух. В этот момент я поняла, что чувствовала моя мать. Об этом месте она говорила своим Клайдам, говорила, чтобы они не теряли его. На мгновение я задумалась, когда я его потеряла, затем повторила фразу «я спокойна».

Ми привела меня к пляжу с песком мягче, чем трава, к загадочному пляжу с такими же цветами и свечами, как плавали в глиняном горшке. Звуки воды становились ближе, расслабляющий бриз касался моей кожи, а запах гармонии наполнил мои ноздри. Все было именно так, как должно было быть. Спокойствие с чувством умиротворения во всем: от теплого солнца на моем лице до напряжения, которое воображаемое, волшебное солнце вытягивало из моего тела. Позитивная энергетика горячей планеты заняла место всех страхов, волнений и сомнений. Ко времени, как я слышала голос Ника, я была в незнакомом состоянии. Умиротворение,

которое я ранее никогда не ощущала.

— Гэбби, ты слышишь меня? — тихо спросил Ник.

— Да, — ответила я далеким голосом.

— Хорошо, помни, что ты контролируешь ситуацию. Когда бы ты не ощутила дискомфорт, помни, ты можешь проснуться. Стоит только открыть глаза.

Я ничего не произнесла в ответ. Слишком глубоко я погрязла в звуках волн, солнце, согревающим мою кожу, и спокойствии, которое я ощущала во всем теле. Даже дыхание мое было непринужденным.

— Я сделаю несколько пояснений, пока буду считать. Ты заснешь глубоким сном, но контроль за тобой.

Я слушала все, что происходило вокруг, но на голосе Ника я фокусировалась больше всего. Ник досчитал до семи, объясняя, что, когда наступит время просыпаться, он отсчитает в обратном порядке, но просыпаться не обязательно. Сказал, что мое подсознание подскажет, что делать, спать дальше или просыпаться. Честно говоря, думаю, я отключилась, когда услышала цифру пять. Должна признать, техника Ми творит чудеса для работы Ника. Она делала все проще, помогала легче открыть разум. После этого я ничего не помнила. Отключилась. Совершенно.

~~~

Теплые солнечные лучи ударили в лицо, прямо в переносицу. Я зажмурилась от яркого света и попыталась оценить свое состояние. Я все еще была в трансе? Это настоящее солнце или воображаемое солнце Ми? Я открыла глаза и увидела сверкающие щели в бамбуковых жалюзи. Я чувствовала себя очень отдохнувшей. Наверное, впервые в жизни. Моя качающаяся кровать зашаталась, когда я повернула голову, оглядывая ту же комнату, в которой заснула.

— Доброе утро. Ты любишь овсянку?

Я посмотрела на Ми, сидящую в позе для медитации — ее ноги были неудобно скрещены посередине круглого коврика, руки лежали на коленях, а пальцы формировали букву «О».

Я прочистила горло, прежде чем говорить.

— Сработало, Ми? Я поддалась гипнозу?

— О, да. Сработало.

— Я ему рассказала? Об аварии? О сестре?

— Да. Пойдем. Я сделаю чай. На полке тебя ждет новая зубная щетка.

— Все плохо? Я плохой человек, Ми?

Она склонила голову на бок и улыбнулась.

— Ты думаешь, ты плохая?

— Ну, я не чувствую себя плохой. Я бы никогда никому не причинила боли.

— Ты не плохой человек, Гэбби. Совсем нет. Можешь посмотреть видео, пока будешь завтракать. Я иду в душ, затем отправимся на поиски машины.

Я последовала за Ми, задавая вопросы ей в спину, в то время как мой мозг выполнял кульбиты.

— Машина Иззи? Разве нам не стоит сначала связаться с Уолкерсами? Они могут что-то знать.

— Посмотри сначала видео. Я скоро вернусь.

Ми исчезла, ничего больше не сказав. Она просто ушла, игнорируя мои вопросы, оставляя меня одну. Гигиена на втором месте. Чай и ноутбук на первом. Зубы подождут. Я отпила чай из сассафраса, скользнув пальцами по клавиатуре, но тут же выплюнула его в раковину, морщась от отвращения. Сполоснув чашку, я налила в нее молока, уверенная, что в том чае был кайенский перец. Боже правый. Кто вообще кладет в чай кайенский перец? Нормальный пакетик черного кофе возле кофеварки привлек мой взгляд, и я похозяйничала, сделав себе нормальный утренний бодрящий напиток. Не уверена, сможем ли мы с Ми стать друзьями. Она была слишком странной для меня.

Я перевела взгляд на комнату для медитации на экране, когда я услышала ту же успокаивающую музыку, что и накануне вечером. Слушая ту часть видео, что помнила, я добавила в кофе ложку сахара и немного сливок. Я была права. Я перестала слушать, когда Ник досчитал до пяти. Моя голова упала на бок, и тело расслабилось в качающейся кровати. Мои волосы раздувались вентилятором. Я фыркнула, попивая кофе. Я-то думала, что это воображаемый бриз. А это был просто вентилятор. Ми накрыла меня тем же мягким покрывалом, под которым я проснулась, и слушала, как Ник творит чудо.

— Гэбби, ты меня слышишь? — спросил Ник тихо.

— Да, — невнятно ответила я.

— Можешь рассказать, что делала утром в день аварии, прежде чем ты вышла из дома? Подумай об окружающей тебя атмосфере, звуках, людях, телепрограмме, обо всем, что поможет твоему подсознанию вспомнить. Можешь сделать это, Гэбби?

— Да, я была дома с девочками. Пэкстон работал дома из-за шторма.

— Шторма? Расскажи о шторме, Гэбби.

— В новостях только о нем и говорили, о тропическом шторме, который направлялся прямо на нас. Пэкстон все утро волновался, слушая погоду. Мы планировали уехать, если он не изменит курс, или залечь на дно.

Ник говорил тихим гипнотизирующим тоном, я же была будто пьяна — слова спутанные и медленные.

— Что случилось потом, Гэбби? Помнишь, как уходила из дома?

— Да, я была с девочками. Мы высматривали в небе приближающийся шторм. Я собиралась взять их с собой, но Пэкстон не разрешил.

— Куда ты собиралась, Гэбби?

Я слегка повернулась, отчего кровать зашаталась, и ответила.

— Нужно было купить кое-что в магазине. Десятиминутная дорога.

— Что произошло потом?

— Пэкстон подкупил их мороженым, и я уехала одна.

— В какой магазин ты отправилась?

Мои глаза зажмурились, пока разум усиленно думал.

— Не помню.

— Помнишь, как встретила сестру? Она была в магазине?

— Нет, — ответила я, и моя голова снова расслабилась, вернувшись в сонное состояние. — Она ехала за мной. На старой машине со странными номерами. Я проехала несколько улиц, пока поняла, кто был за рулем. Мое сердце колотилось со скоростью миллион километров в минуту, когда я свернула на парковку банка.

— Какой была твоя реакция, когда ты увидела ее?

— Было... было странно. Сначала я не знала: звать ее Иззи или Гэбби. Она первая обратилась ко мне Гэбби, а потому я стала звать ее Иззи. Я знала, что в итоге мы заговорим об этом, об обмене местами и прочем.

— Я слушаю, расскажи, что произошло дальше, Гэбби.

— Мы говорили о нашей матери, нашей безумной матери, — засмеялась я. — Я ехала все дальше и дальше от дома, игнорируя звонки мужа. Я знала, что он будет злиться на меня. Никогда не делала ничего настолько серьезного, пренебрегая им, но остановиться не могла. Так рада была видеть ее, говорить с ней. Поверить не могла. Она была там. Моя Клайд. Прямо там.

— Твоя Клайд? Что значит Клайд? — спросил Ник, используя тот же драматический тон.

Я объяснила ему про имя мамы — Джонни, и то, что она представляла

нас, как Джонни и Клайдов. Мой голос был таким счастливым, я говорила о матери и сестре с большой любовью и восхищением.

— Вскоре ветер начал усиливаться, но я снова проигнорировала это. Я совсем не боялась, даже Пэкстона. Время с сестрой значило для меня больше, чем его ярость, и я не слушала интуицию. Продолжала ехать, пока мы не оказались на объездной дороге. Иззи была первой. Мы так делали с мамой. Она первая вылезла в окно, я последовала ее примеру, ведя машину ногами, как делала наша мама. Мы едва двигались, ничего не предвещало опасности. Все было под контролем, до определенного момента. Я увидела впереди поворот на достаточном расстоянии. После этого все произошло так быстро. Мое платье зацепилось за что-то. Не получалось дотянуться до педалей, я крикнула Иззи, но было слишком поздно. Она схватила руль, но мы были уже в воздухе. Наши глаза встретились, и я отключилась, слыша отдающийся эхом шум вокруг меня, словно в замедленной съемке. Звук мнущегося металла, в тот момент, когда моя машина скатывалась к берегу. Прежде чем меня охватила темнота, я подумала об одном...

— О чем ты думала, Гэбби?

— О моих Клайдах, — заплакала я. Слеза скатилась по моей щеке, и я вытерла ее тыльной стороной руки. — Думала о том, что оставляю Роуэн и Фи. Они бы этого не поняли. Они нуждались во мне.

Тишина заполнила комнату, и я продолжила, ощущая каждую каплю боли, которую чувствовала в тот день.

— Следующее, что я помню, это дождь и ветер. Я открыла глаза в темноту, но не ночную. Небо затянули тяжелые тучи, изливающие дождь. Понятия не имею, сколько я пробыла там, или что случилось. Мимо текла неистовая река, слишком близко ко мне. Я не видела Иззи, пока небо не озарила молния. Ее голова была склонена на бок, а она лежала в неестественном положении.

Прежде чем позвать ее, я оценила собственные повреждения, но совершенно ничего не ощутила.

— Иззи? Иззи, ты меня слышишь?

Она не двигалась. Одна ее нога была прижата к талии, а лицо накрывали волосы. Я звала ее снова и снова, а затем заплакала. Тринадцать лет, и все закончилось за мгновение. Вот так просто меня снова разделили с моей близняшкой.

— Гэбби? — услышала я булькающий звук. — Гэбби? Где ты?

— О Боже, Иззи. Я здесь. Ты в порядке?

— Не думаю. Я не могу видеть, Гэбби.

— Это потому что твое лицо закрыто, Иззи. Это просто твои волосы. С тобой все будет хорошо. Нас кто-нибудь найдет. Все будет хорошо. Обещаю.

— Гэбби, послушай. Я приехала не просто так. Мне нужна твоя помощь.

— Хорошо, я помогу всем, чем смогу. Просто оставайся со мной.

Раздалось еще больше булькающих звуков, после которых ее вырвало.

— Помнишь, ты спрашивала, есть ли у меня семья? Я солгала. Есть, Гэбби. Ему почти пять.

Я не понимала, почему она солгала мне о ребенке. Совершенно не понимала этого. Я говорила о своих девочках больше, чем о чем-либо другом. Даже с незнакомцами.

— Хорошо, где он? Почему ты мне не сказала?

— Я не хотела, чтобы ты подумала, что я приехала только за помощью. Я не всегда была хорошей матерью, но я чиста впервые за последние годы и думаю лишь о нем. Ты должна забрать его, Гэбби. Пожалуйста, заведи его.

— Завести откуда?

Иззи сделала глубокий вдох и выдохнула с болезненным стоном. У меня перехватило дыхание, пока я ждала, когда она заговорит, и молилась, чтобы каждое ее слово не стало последним.

— Он в патронатном доме. Я связалась с плохими людьми и совершила ужасные ошибки. Я потеряла свой...

Я возненавидела эту тишину.

— Потеряла свой что, Иззи? Иззи?

— Я потеряла свой дом, бизнес и сына. Клянусь, я нашла бы тебя раньше, если бы могла. Дело не только в Вандере. Я люблю тебя. Каждый день последние тринадцать лет я думала о тебе. — Иззи замолчала и закашлялась, задыхаясь между словами.

Мое сердце забилося сильнее в груди, когда я услышала ее всхлип и после ничего.

— Иззи? Иззи, оставайся со мной. Расскажи больше. Иззи!

Ничего. Я не слышала больше ничего, кроме безумия, творившегося вокруг. Неистовая река, яростный ветер, льющийся, словно из ведра, дождь.

— Иззи, пожалуйста, — плакала я.

— Я здесь. Послушай меня, Гэбби. Ты должна забрать его. Должна позаботиться о нем. Он нуждается в тебе.

— Нет, я помогу тебе позаботиться о нем. С тобой все будет

хорошо. С нами все будет хорошо. Нас кто-то найдет, как только закончится шторм. Мы заберем его. Не волнуйся, Иззи.

Иззи фыркнула, издав смешок.

— Хочешь знать, как я тебя нашла?

— Конечно. Рассказывай. Я все хочу услышать.

— Просто совпадение. Увидела объявление твоего мужа на задней обложке одного журнала. Рождественская открытка с его логотипом и его семьей. Это была ты, Гэбби. Ты, твоя семья, вы стояли на фоне красивого двора, спереди бассейна с голубой подсветкой. — Еще один саркастический смешок. — Я даже не представляю, как этот журнал оказался в Мичигане. Это был какой-то журнал о садоводстве, издающийся в Сарасоте, во Флориде. Рождественское издание лежало в гараже, где я ждала, пока мне на машину поставят новые тормоза.

— Я помогу тебе. Мы заберем его, Иззи.

Ее тон стал отчаянным.

— Ты должна пообещать, что позаботишься о нем, Гэбби. У него больше никого нет. Ты его единственная семья. Он нуждается в тебе, Гэбби. Пообещай, что позаботишься о нем. Пообещай мне, Гэбби. Пообещай.

— Мы вместе позаботимся о нем, Иззи. Не сдавайся. Не смей.

— Он очень умный, но быстро начинает скучать. Похож на тебя. Ему все время нужно чем-то заниматься. Я столько раз ему рассказывала об этом.

— Ты говорила ему обо мне, Иззи?

— О, да. Он все о тебе знает.

Меня накрыло чувство вины, когда я не смогла ответить тем же. Я никогда не рассказывала Роуэн и Фи о своей сестре. Не могла.

— Не могу дождаться, когда встречу с ним.

— Он заслуживает гораздо лучшего, чем то, что я ему дала.

— Мы все исправим. Просто оставайся со мной. Я не могу потерять тебя снова. Мне столько всего нужно рассказать тебе.

— Ты не потеряешь меня. Ты носишь мое имя. Я всегда буду частью тебя. — Иззи захлебнулась и закашлялась, пока не потеряла способность дышать.

И снова звук моего сердцебиения в ушах стал слишком громким.

— Иззи?

— Гэбби, я просто закрою глаза и отдохну. С тобой все будет хорошо. Я это знаю.

Я попыталась оттолкнуть машину со своих ног, но безуспешно.

Чтобы сдержать крик, я прикусила внутреннюю сторону щеки. Не хотела пугать Иззи, но было очень больно. Достаточно, чтобы я отключилась на секунду, возможно, из-за задержки дыхания.

— Нет. Ты не будешь отдыхать. Продолжай говорить со мной, Иззи. Не бросай меня. Не смей. Ты нужна мне. Твой мальчик в тебе нуждается.

Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила. Мне показалось, что она умерла. Я так думала много раз во время этого испытания, похожего на ночной кошмар.

— У меня тоже есть мой Клайд, Гэбби. Не могу дождаться, когда ты встретишься с ним.

Я с облегчением выдохнула, счастливая, почувствовав, как моя грудь поднялась при выдохе.

— Поэтому с тобой все будет хорошо.

Иззи не шевелилась, ни малейшего движения.

— Иззи, ты слышишь меня? Иззи, проснись! Пожалуйста, не оставляй меня. Иззи! Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите! На помощь! — я кричала в агонии, снова и снова.

Ветер отправил локон волос мне в лицо, прямо в правый глаз, но я не могла убрать его. Одна рука застряла у меня за спиной, а другая держала что-то металлическое, чтобы уберечь тело от скольжения. Наверное, дверная рама. Поверх воя ветра раздался резкий вздох, и я запаниковала. Я не хотела терять ее. Я только ее нашла. Я столько хотела с ней поделиться. Ей многое нужно было мне рассказать. Она была нужна мне.

— Я здесь.

— Не делай так. Продолжай говорить. Нас кто-то найдет, — произнесла я пустое обещание. Никто нас не найдет. Здесь никого не было. Иззи нужна была помощь немедленно. Не на рассвете, не после шторма.

— Вандер Клайд Делгардо. Так его зовут. По большей части я называю его Вэн, если только он не натворит ничего. Он типичный мальчишка, всегда во что-то вступает. За ним нужно следить...

— Иззи? — повторила я в пятидесятый раз, когда снова услышала вздох и затем тишину.

— Иногда он еще та головная боль, но у него большое сердце. Он просто источает любовь, когда получается его замедлить. Но ты должна показать ему, кто босс. Он умный — заставит тебя есть у него с руки, если ты позволишь.

— Нет, не говори так. Я ничего не должна. Ты сама сможешь сделать это, — спорила я, метнув взгляд к деревьям, раскачивающимся

взад-вперед на ветру под дождем. Рука болела от постоянной опоры на дверную раму, но отпустить ее я не могла. Из-за илистой поверхности, размокшей под дождем, мое тело соскальзывало в неистовую реку. Реку, которая с каждой минутой все больше поднималась.

Мой мозг ничего не осознавал. Я даже не пыталась вникнуть в ее слова. Тогда у меня на уме было нечто иное. Я уставилась на нее широко раскрытыми глазами, не двигая ни единой мышцей, даже не дыша. О Боже. Я снова почувствовала это. Машина сдвинулась, едва, но сдвинулась. Оставались секунды, прежде чем нас смоеет штормом.

— Продолжай говорить. Расскажи мне больше о нем, — подталкивала ее я, пытаясь вытянуться и схватиться за хилую веточку, торчащую из берега. Я собиралась вытянуть себя из машины и добраться до небольшого участка земли справа от нас. Если бы я смогла сделать это, я бы могла позвать на помощь.

— Он любит книги, трансформеров и скейтбординг. Он очень хорош для четырех лет. Вот подожди, увидишь.

Я обдумывала нашу ситуацию, подталкивая ее к разговору.

— Продолжай говорить. Почему ты не рассказала мне?

— Я не хотела, чтобы ты разочаровалась во мне. Я стыдилась себя. Четыре часа прождала у края твоей подъездной дорожки, пытаясь уговорить себя подойти к двери. Я почти сделала это, когда ты... — сказала Иззи и замолчала. Тишина привлекла мое внимание, прежде чем она снова заговорила. — Когда ты вышла к почтовому ящику, но ты не увидела меня. Ты смотрела на небо.

Мысль о том, что развитие событий в том случае были бы настолько же плохи, как и сейчас, промелькнула в голове. Я представила лицо Пэкстона, когда бы он открыл дверь.

— Я не разочарована, Иззи. Просто хочу, чтобы ты была в порядке.

— Он боится штормов. Эти ночи я превращала в особенные — фильмы и пицца, чтобы отвлечь его.

При других обстоятельствах я бы рассмеялась и сказала ей, что делаю то же самое с девочками. Так поступала наша мама, но я, если честно, думаю, что боялась именно она. Делала это больше для себя, нежели для нас.

— Иззи, дай мне свою руку, — произнесла я взволнованно. Страх наполнил мои вены, но безысходность помогала сохранять спокойствие. Я снова почувствовала движение машины и повторила попытку. На этот раз получилось ухватиться за тонкую ветвь. Иззи не слушала. Ее голова склонилась, и я поняла, почему она не могла видеть. Мне пришлось

отвернуться, но не получилось сдержать испуганный вздох. С ее лица будто срезали кожу, оставив свисать на глаза. Молния осветила ее кровавые губы. Вид был словно из фильма ужасов, и она никак не была похожа на мою красивую близняшку.

— Иззи! Дай мне свою руку!

Когда машина снова сдвинулась, я поняла, что не была наполовину в ней и наполовину снаружи, как считала. На этот раз машина опустилась на несколько сантиметров. Я закричала от боли, когда машина соскальзывала с моего тела, но взяла себя в руки. Туманно помню, как схватила руку Иззи, когда автомобиль продолжил падать. Паника от безвыходности охватила меня, и я потеряла самообладание. Как это произошло? Почему это произошло?

Не знаю, откуда взялись силы. У меня даже времени подумать не было. Времени просто не было ни на что. Как и сама авария, все произошло очень быстро. Машина падала, а я крепко держала Иззи за руку, корчась от боли. Каким-то образом нам удалось не упасть в реку. Даже учитывая скользкие руки. Кто-то был там с нами в тот день, держал нас за руки. Что-то большее, чем я. Я держалась, сколько могла, но моя сила не шла в сравнение с болью в запястье и скользкой субстанцией между нашими руками. Мои пальцы медленно соскальзывали, и я отпустила ее. Я снова отпустила ее.

Я кричала ей, увидев, что она остановилась прямо подо мной, ее тело зацепилось за два дерева, росших бок о бок. Если бы не неловкое положение ее ноги и голова, прижатая к груди, можно было бы подумать, что ей удобно. Деревья словно цеплялись за нее, удерживая в безопасности от неистовой воды, бушующей в нескольких сантиметрах от ее сломанного тела.

Я лежала над ней на небольшом уступе, в нескольких десятках сантиметров от ее сломанного тела. Машина сдвинулась еще сантиметров на тридцать, деревья поймали ее, как и Иззи. Одно колесо застряло в болоте, другое — в дереве. Я слышала шум воды, пробивающейся через искореженную массу. Мы явно перевернулись минимум один раз. Может и два.

— Иззи? — прохрипела я, пытаюсь справиться с собственной болью. — Иззи? — повторила я отчаянно. Я опустила руку, и мы соприкоснулись пальцами.

— Мне нужно, чтобы ты послушала меня, Гэбби.

— Иззи, нет. Пожалуйста, не надо. Я только нашла тебя.

Взгляд вверх дал мне небольшое представление о том, что произошло.

Я все еще не могла сказать, где именно мы слетели с дороги. В любом случае, не при ветре и дожде.

— Ты слушаешь меня, Гэбби?

— Да, я тебя слышу, — пообещала я. Я убрала с ее лица волосы, почувствовав глубокую рану на ее голове. Ощущение чего-то теплого, как кровь, смешалось с прохладным дождем и тут же исчезло. Ее голова откинулась назад, и я снова вздохнула при виде ее лица. Было видно, что ей больно, и это разрывало мне сердце.

— Я так сильно люблю тебя, Клайд, — проговорила тихо Иззи. Я слышала глубокие вдохи, почти что хрип, затем тишина.

Я снова оглядела берег в поисках выхода. Чем больше я думала о том, что произошло, как мы оказались там, тем реальнее все становилось. Мы ехали, едва двигаясь. В одно мгновение мы были на вершине мира, летели словно птицы, а затем... Затем что? Что произошло? Я помню, как Иззи прокричала мое имя, но неясно. Словно во сне. А что потом? Помню, как запрыгнула обратно в машину, но не смогла вовремя дотянуться до руля. Моя рука коснулась руля одновременно с Иззи, но было слишком поздно. Мы уже скользили вниз по склону. Наши глаза встретились, и потом ничего. Темнота.

Мысль о том, как гладко мы съехали со скалы, промелькнула у меня в голове. Мы совершенно не коснулись ограждения. Никто нас не найдет. Они даже не будут знать, где искать. Я кричала тропическому шторму, пока в голове творился хаос. Пустые рыдания, потерянные в яростном ветре. Ее малыш. Он вырастет без матери. Все из-за меня. Я подумала об аллигаторах и дожде и снова закричала. Помогите. Снова и снова.

Мои зубы дрожали, но не думаю, что от холода, скорее от охватившего мое тело шока. Боль была невыносимой, и я была одна. Я закрыла глаза, когда единственным выходом было сдаться, найти что-то хорошее. Что-то внутри. Игнорировать боль. Игнорировать ветер. Игнорировать дождь. Игнорировать реку. Игнорировать Иззи.

— Если я завтра отсюда уеду, — запела я мягким голосом, едва ли не шепотом. Слезы смешивались с дождем. Уверена, произошедшее дальше было плодом моей травмы головы. До этого мой мозг и воспоминание были в порядке. Я слышала расщепление дерева и падение ветки. Все исчезло. Я не видела темноты, не слышала ветра или реки, не чувствовала дождя. Я ощущала теплоту и счастье. А затем умиротворение.

— Гэбби? Ты меня слышишь? Ты в порядке. Ты здесь, со мной и Ми. Я отсчитаю время назад, начиная с десяти. Когда досчитаю до одного, ты

можешь открыть глаза, если хочешь. Ты можешь продолжить спать, если захочешь. Все мысли исчезнут при цифре один. Ты или откроешь глаза, или будешь спать. Понимаешь меня, Гэбби?

— Я не хочу просыпаться. Она исчезнет.

Моя рука прикрыла рот, и я посмотрела на Ми, стоящую передо мной с грустной улыбкой на лице.

— У нее есть маленький сын, Ми. О Боже. Это произошло более трех месяцев назад. Что, если уже слишком поздно?

— Не начинай. Ненавижу эти «если». Я нашла ее машину. Она на стоянке возле Линкольн парка. Давай начнем оттуда.

Ничто не могло подготовить меня к этому. У меня был четырехлетний племянник. Иззи приехала за помощью, а я подвела ее. Я позволила ей умереть и оставила ее малыша без мамы.

— Ми, что произошло с Иззи? Я все еще не знаю, где она.

— Я не знаю, ты не сказала.

— Он должен снова сделать это. Мне нужно знать, что с ней произошло, — произнесла я отчаянным тоном.

— Не думаю, что ты знаешь, Гэбби. Думаю, пришла в себя ты уже в больнице. Пойдем проверим машину, хорошо?

Я кивнула в согласии и отпила кофе, чувствуя себя еще более потерянной, чем была. Боялась, что уже было слишком поздно. Слишком поздно для моей близняшки и ее ребенка.

Глава четвертая

Ми была сумасшедшей, я, конечно, знала уже это, но не думала, что настолько. Она была аферисткой похуже Пэкстона.

— Говорить буду я. Просто подыгрывай, хорошо? — настаивала она.

Конечно, я согласилась. Я всё равно не знала, что сказать.

— Привет. Я звонила ранее. Меня зовут Ми Чин, глава отделения диагностической медицины.

— Да, я немного занят, но вы можете пройти на задний двор. Ваша машина — Хонда без бампера возле забора, — объяснил парень, разыскивая ключ среди тысячи других. Не было ни единого шанса, что он найдет его в таком беспорядке. Ни за что. — Вот, держите. Вам повезло, что он застрял под передним бампером на одном из магнитов. С пути не сходите, не нужно рыскать там. Это опасно. Надеюсь, Вы чувствуете себя лучше, — добавил он, искренне посмотрев на меня.

Ми ответила, а я с улыбкой кивнула:

— Конечно, не будем, — согласилась она. Ми взяла ключ, толкнув меня при этом.

Я вышла через заднюю дверь за Ми, моля Бога, чтобы мы что-то нашли. Хоть что-нибудь.

— Я думала, ты детей на свет достaeшь, — сказала я. В основном из-за нервов. Нужно было отвлечься на что-то.

— Да, но я решила, что лучше будет сказать, что это твоя машина, и нам нужно найти объяснение твоему состоянию. Хаус все время врывается в дома людей, чтобы диагностировать их.

Я сдержала желание сказать, что она не Грегори Хаус, но вместо этого просто нахмурилась.

Меня охватила грусть, когда мы приблизились к машине. Это была машина не из лучших. У Иззи не было таких вещей, как у меня. Я даже представить не могла, как эта машина проделала путь из Мичигана во Флориду. Я почувствовала вину, думая, действительно ли я дала ей лучшую жизнь? Может, она была хуже моей? Может, мне стоило остаться Иззи?

Охватившее меня чувство, когда я села в ее машину, было нереальным, жутким, словно она сидела там со мной. Подняв взгляд и увидев фотографию темноволосого мальчика на козырьке, я мгновенно улыбнулась. С фотографии на меня смотрел стопроцентный Делгардо. Если бы не его костюм Супермена, его можно было бы принять за

маленькую девочку. Сверкающие черные волосы завивались у шеи, а его длинные ресницы закручивались кверху. Как у меня, Иззи и Офелии. И опять вина накрыла меня, что я подвела не только свою близняшку, но и его.

Я сняла значок с козырька и прицепила на свою рубашку. Рубашку Ми. На ней была написана какая-то ерунда об изменении взглядов на вещи. Именно в такой одежде я могла представить Ми.

Детское кресло на заднем сидении стало для меня еще большим ударом. Я не могла в это поверить. У меня был племянник. Я взяла папку, лежащую рядом с креслом Вэна, и открыла ее, обнаружив внутри приказы из органов опеки. Она встречалась с ним каждую неделю, готовясь забрать его домой. Еще была форма для подтверждения окончания наркотической реабилитации, предложение сменить работу. Мне стало интересно, почему они советовали ей сменить деятельность.

Я приподняла крышку консоли между сидениями и покопалась в содержимом, извлекая все. Синий свисток на желтом шнурочке; CD-диск с именем Вэна на нем, выведенным красным маркером; ее страховка; чек из кафе «Хутерс», объясняющий, почему органы опеки хотели, чтобы она нашла другую работу; маленький синий пластиковый галстук-бабочка, будто от какого-то костюма, и кошелек с мелочью. Ми собрала эту коллекцию в импровизированный кармашек из края футболки, пока я продолжала поиски, обнаружив джек-пот под водительским сидением. Серебряный кошелек с розовыми стразами. Ее водительское удостоверение, карточка социального обеспечения, кредитная карта, библиотечный пропуск, множество дисконтных карт из разных магазинов и девять долларов. Забрав все, что можно было унести, я закрыла дверцу, ощущая целый вихрь эмоций.

— Проверь багажник, — произнесла Ми, кивая головой. Ее руки были полны до отказа.

— Хорошая идея, — сказала я и вставила ключ в замок. И опять я почувствовала себя куском дерьма. Там был красный рюкзак и подарок на день рождения. — Она пропустила его день рождения, — произнесла я грустно, доставая вещи из багажника. Новенький скейтборд с символом Бэтмэна, рюкзак с ярлычками и обернутый подарок. Еще там была обувная коробка с новыми сандалиями, на них был изображен красный трансформер, а подошва мигала разными огоньками.

— Ты сможешь отдать это ему. Пойдем, думаю, с тебя достаточно на один день. Ой, можешь достать? Он в заднем кармане, — попросила она, поворачиваясь ко мне пятой точкой.

Я достала звонящий телефон из ее кармана и включила громкую связь.

— Отвечай, — сказала я, не желая разговаривать с Ником. У меня было больше вопросов, чем ответов, и как бы это ни было глупо, я злилась на Ника за то, что он оставил меня в таком состоянии. Это его вина, что он не загипнотизировал меня снова или лучше. Мне были ненавистны все эти безответные вопросы. Я продолжала собирать кусочки пазла, складывая их в кучу, так как они никуда не подходили.

— Привет, кексик. Как дела?

— Ми, ты где? Я хочу, чтобы ты держалась подальше от Гэбби. Тут кроется что-то намного большее, чем просто авария. Лейн только что сообщил об увольнении. Как гром среди ясного неба.

Мой взгляд встретился с Ми, и я заволновалась еще больше. Что теперь?

— Она тебя слышит, Ник.

— Аргх! Я знал, что не стоило сажать тебя в одно такси со мной. Нужно было оставить тебя мокнуть под дождем.

— Это было мое такси. Я позволила тебе подсесть ко мне. Ник, я не брошу ее в таком состоянии. Она только узнала, что у нее есть племянник. Ей нужна помощь. И я помогу ей.

— Ми, послушай меня. Это сложнее, чем просто мужчина с Альцгеймером. Здесь что-то происходит. Я слышал на лестнице, как Лейн разговаривал с ее адвокатом. Ее муж отозвал заявление, сказал, что это просто недопонимание, предоставил доказательства.

Услышав эту информацию, я поднесла телефон ближе к себе.

— Отозвал? Что за доказательства?

— Мне казалось, я сказал тебе уходить.

— Сказал, но Ми сказала, что я могу остаться. Что еще ты услышал? Он знает, что я у вас?

— Ни за что, и не узнает. Я не хочу больше этого и не хочу, чтобы Ми была в это втянута.

— Ми уже втянута, — прокричала моя новая лучшая подруга в телефон, широко улыбаясь мне.

— Я слышал, как он говорил твоему адвокату, что он перезвонит ему, так как ему звонили по второй линии. Это был Пэкстон. Он назвал его отморожком низшего класса, после чего они ругались из-за твоего местонахождения, и почему ты не ночевала в отеле прошлой ночью. Лейн поклялся, что ничего не знает, но не думаю, что твой муж ему поверил. Он все повторял, что сделал все, что должен был. Заплатил твой залог, дал тебе немного налички и удостоверился, что ты в безопасности добралась до

номера. Он сейчас едет за машиной. Ми, если ты слышишь меня, держись подальше от этой машины. Ты меня поняла? Что-то здесь не так, и мне это не нравится. Не хочу быть частью этого. Тебе нужно уехать.

— Она останется со мной, — сказала Ми, уведомляя его о своих намерениях. Боже, я ее обожала. Мы переглянулись и быстро ушли от машины, боясь натолкнуться на Пэкстона. Зачем ему нужна машина?

— Спасибо за информацию. Если услышишь еще что-то, дай мне знать, — проговорила я, игнорируя его слова, как и Ми.

— Я звонил не для того, чтобы проинформировать тебя. Я звонил, чтобы избавиться от тебя.

— Ми хочет, чтобы я осталась. Увидимся позже.

— Повесь трубку, — прошептала Ми.

С имуществом моей сестры и подарками на день рождения для моего племянника мы покинули ряды машин.

— Спасибо за помощь, — выкрикнула Ми парню, который впустил нас.

Парень поднял палец, и мы остановились.

— Я перезвоню тебе, Пит. А счет? Машина? Это не парковка, где можно оставить машину, пока она вам не понадобится.

— Машина на ходу? — спросила Ми, снова взяв контроль на себя.

— Ми, у нас нет времени. Нам нужно идти.

— Понятия не имею. Водитель буксира нашел ключ, когда цеплял машину. Мы не садимся за руль.

— Что мы Вам должны? — спросила Ми, закидывая вещи в маленький рюкзачок Вэна.

— Ми, я не могу позволить тебе сделать это. Ник убьет нас обоих.

— Это деньги не Ника. Сколько? — спросила она снова, абсолютно игнорируя меня.

— Она находится здесь почти четыре месяца. Мы берем сто пятьдесят в месяц за хранение. Машина занимает место, знаете ли.

— Да, все равно. Сколько?

— Пятьсот пятьдесят, сделаю вам скидку.

— Это не скидка. Я дам Вам три сотни. Берите или оставьте ее, — отчеканила она, возвращая ему ключ.

— Ладно, мне не нужен этот кусок дерьма здесь, да я и пятидесяти баксов вам не дал бы за нее. Забирайте и валите отсюда.

Ми достала пачку купюр из потайного отделения ее сумочки и отсчитала деньги. Ник бы весь фиолетовый стал, если бы увидел это. Мои широко раскрытые глаза метнулись к парню за стойкой, когда он попросил

мое удостоверение личности. Машина была зарегистрирована на Изабеллу Делгардо, и только она могла забрать машину без официального заявления.

Я даже не размышляла над этим. Достала удостоверение из ее кошелька и протянула ему. Самое забавное то, что это даже не было ложью. Я снова могла стать Изабеллой, если хотела. Если бы это не значило, что мне придется оставить моих малышей, я бы поразмыслила над этим.

Мы с Ми переглянулись, волнуясь без причины на то. Парень даже не догадался о подмене. А почему? Я выглядела именно так, как это фото.

— Что ж, теперь у тебя есть машина, — похвалилась Ми, пока мы спешили обратно к машине.

Клянусь, у этой девушки стакан никогда не бывает полупустым. В любой ситуации она находила что-то хорошее. Интересно, как бы она вела себя, оказавшись на моем месте? Спорю, она бы не отказалась так быстро от позитивного настроя.

Ми открыла заднюю дверцу и закинула на сидение все наши находки, затем протянула ключ мне.

— Что?

— Веди. Это твоя машина.

— Она на ручном управлении. Я не могу вести ее.

— Серьезно?

— Нет, — произнесла я уверенно.

— Ладно, это не так сложно. Садись за руль, так как тебе, возможно, придется ею пользоваться, а я помогу понять, что к чему.

Это была такая плохая идея, но впервые за долгое время я безудержно смеялась вместе с Ми. На YouTube можно найти видео для всего. Хотя я не думала, что и о вождении машины с ручным приводом тоже. Несмотря на то, что мы едва не встретились с Пэкстоном лицом к лицу, я смеялась до слез. Буквально. Ми переключила машину на первую, вместо четвертой скорости, и мы обе зарылись носами в переднюю панель. Мой истерический смех прекратился, словно выключили свет. Эмоции, таившиеся глубоко в душе, охватили меня, и я начала плакать.

— Ах, милая. Все хорошо. Мы со всем справимся. Обещаю, и я помогу тебе забрать этого мальчишку. Пожалуйста, не плачь. Это ужасная эмоция. Тебе нужно быть сильнее. Измени свой взгляд на вещи, и вещи, на которые ты смотришь, изменятся. Все образумится.

— Тебе легко говорить. Ты прям источаешь позитивный настрой на все, но это все равно не изменит тот факт, что моя жизнь — дерьмо. Лейн был прав. Это достойно театральных сцен. Спорю, я могу позвонить в «Нетфликс» и продать им свою историю за миллион долларов. Я не вижу

света в конце тоннеля, как видишь ты. Там темнота. Хоть глаз выколи, я ничего не вижу. У меня куча вопросов и ноль ответов.

— Поверни здесь, — сказала Ми, ее голос ни капли не поменялся. Она могла бы переехать кролика и все равно улыбалась бы. — Видишь ли, тут ты не права. Сегодня ты многое узнала. Посмотри на ответы, которые ты нашла. К тому же, думаю, ты нашла единственную причину, почему тебе нельзя сдаваться. Ты действительно хочешь получить все ответы сразу? Выдержишь ли ты это? Думаю, тебе стоит положиться на Вселенную и позволить Господу решать, когда достаточно. А тем временем, весь этот негативный настрой вгоняет меня в депрессию, тебе нужно Алоэ Вера.

Я вытерла слезы тыльной стороной руки и снова засмеялась.

— Что? — спросила я, сбита с толку.

— Я помогу тебе со всем этим негативом, собравшимся вокруг тебя. Привяжу также кристалл на пеньковый жгут позже.

Нет, я на это не соглашусь. Моя подруга была безумной, и я любила ее, благодарила ее, благодарила Бога за то, что он переплел наши дороги, когда она была нужна мне больше всего. Безумная или нет, Ми была моим спасителем.

Следующий звонок Ника принес еще больше невнятной информации. Пэкстон только что ворвался в офис и потребовал сказать, где Гэбби, и что это за толстая китайка помогала ей.

Ми, конечно же, слышала только одно.

— Толстая? Я не толстая.

— Ты и не китайка. Это единственное, что спасло мою задницу. Если бы он сказал о низкой кореянке, Лейн был бы уже тут. Вы забрали машину, да? Какого черта вы забрали машину?

— Ну, не знаю. Парень сказал забрать ее.

— Вы сглупили. Перестань, Ми. Пожалуйста, остановись.

— И что сделать, Ник? Хочешь, чтобы я отвернулась от нее? Оставила ее одну искать выход из этой ситуации?

— Да. Да, Ми, именно этого я хочу.

— Но ты знаешь, что я не сделаю этого. Ты бы мог нам помочь. Это бы облегчило задачу.

— Увидимся дома. Ее я там видеть не хочу, Ми.

— Увидимся.

— Я серьезно, Ми.

— Ми, мы только что разминулись с ним. Едва ли не столкнулись.

Голос Ми изменился, но я не знаю, почему именно:

— Да, нужно избавиться от этой машины. Что нам с ней делать?

Я снова засмеялась, но на этот раз нервно.

— Что он задумал? Почему отозвал обвинения? Зачем ему эта машина? Я не понимаю, что происходит.

Ми посмотрела в окно, сделав глубокий вдох, и я поняла, что она скажет.

— Я помогу тебе, чем смогу, Гэбби, но мне и Ника не стоит расстраивать. Я сниму тебе номер на свое имя.

— Не-а, тебе не нужно этого делать. Я придумаю что-нибудь.

— Нет, я сниму тебе номер, я не брошу тебя, — улыбнулась она.

— Все хорошо. Я понимаю. У меня есть свой план.

— Не уверена, что это хорошая идея. Рассказывай, — настояла она.

Я объяснила ей свою задумку, пока мы шли через стоянку возле ее работы.

— Мне не нравится этот план. То есть, если бы ты постучала ко мне в дверь в тот момент, когда я думала, что у тебя роман с моим мужем, я бы ударила тебя с колена. Думаешь, у вас был роман? Думаешь, ты изменяла с ним?

— Я честно не знаю. Он скрывает что-то, что не хочет, чтобы я вспоминала, и я не знаю почему. Он сказал, что я планировала бросить Пэкстона. Новые личности и все такое. Думаю, он помогал мне это сделать, но не знаю почему, — прояснила я.

— Мне все равно это не нравится. Давай ты останешься сегодня в номере, а завтра мы поговорим. — Ми открыла для меня дверь, и я вошла.

— Я не останусь в отеле, Ми. У меня есть где остановиться. Не хочу создавать тебе и Нику проблемы. Он очень переживает из-за всего этого.

— Спасибо за понимание, но у тебя нет денег. Где ты останешься?

— У меня есть девять долларов, — пошутила я, откидывая волосы назад и улыбаясь ей. — У нас есть небольшой коттедж возле работы мужа. Он и не узнает, что я там, а я надеюсь, мне повезет увидеть девочек. Я безумно по ним соскучилась, и я не знаю, что он сказал им. Они, наверное, волнуются обо мне, и мне это ненавистно. Не хочу, чтобы они чувствовали себя потерянно. Понимаешь?

— Да, я понимаю, о чем ты. У меня есть бинокль. Напомни мне дать его тебе.

Боясь того, что Пэкстон будет искать старую белую Хонду, я подвезла Ми к заднему двору школы, откуда она пошла домой. Я предприняла все, чтобы Пэкстон не увидел машину. Проехала в сторону дома и оставила машину на стоянке позади мексиканского ресторана, от которого пошла дальше пешком. Я шла окольными путями, неся сумки с вещами и детский

рюкзачок на плечах. Мне пришлось убегать от собаки, порвать шлепок и пройти через участок затопленного леса, чтобы выйти к пляжу. Это было не весело. Дикий боров напугал меня до чертиков, а паутина, через которую нужно было пройти, была самой здоровенной, что я когда-либо видела. Увидев ее, я вскрикнула, и тут же в голове возникла мысль о крокодилах.

Магазин Пэкстона был закрыт, когда я попробовала воспользоваться боковой дверью, но это ничего не значило. Я видела, как его ребята приходили в девять, а то и в десять часов вечера. Я прокралась дальше, гадая, закрыл ли он все, как это делал обычно, но надеялась, что нет. Главная дверь гаража была открыта, а роллет поднят. Это значило, что они перевозили оборудование. А также то, что Пэкстон был с ними. Еще один момент, который я просто знала. Как и место, где хранился ключ от коттеджа. Нет, подождите. Я знала это, потому что Пэкстон сказал мне. Я зашла за угол дома с кошачьей осторожностью, вспоминая день, когда я попросила его показать мне коттедж.

Он сидел в офисе с проектом на чертежном столе. Старинном столе. По какой-то причине я любила это. Наблюдать, как он делает набросок заднего двора карандашом в своих очках с темной оправой — для меня это было самое сексуальное в нем. Помню, как стояла в дверях, наблюдая за его работой. Он почувствовал меня быстрее, чем увидел. Я сказала, что девочки уснули, и спросила, где лежали ключи от коттеджа, объяснив, что хотела осмотреть его и прогуляться по пляжу. Он снял очки и опустил карандаш, приказав закрыть дверь.

— Господи, Гэбби, — проговорила я вслух. Я собиралась вторгнуться в единственное пустое место, о котором знала, и думала о порке, которую получила на коленях Пэкстона за то, что прервала его работу. По крайней мере, прежде чем наказать меня, он сказал, что ключи были в магазине. Пульсация между ног напомнила мне, что получила я куда больше. Вот вам и причина для порицания себя. Черт возьми!

Внезапное возбуждение исчезло, как только я осознала, что собираюсь сделать, его заменил глухой стук. Сердце вылетало из груди, пока я на носочках кралась вдоль внутренней стороны в поисках ключей. Когда я увидела ряд ключей у боковой двери, я выдохнула. Гараж был пуст, и я была одна среди различных инструментов и экскаватора. Тут было больше оборудования, чем могло понадобиться пяти бизнесменам. Я взяла ключ, выскользнула за боковую дверь и побежала к маленькому коттеджу. И опять-таки мои нервы успокаивались.

Воспользовавшись дверью с противоположной стороны от основного

дома, я в изумлении стояла в двухкомнатном коттедже, ощущая чувство дежавю, пронзающего воздух вокруг меня. Бледно-желтые шторы висели перед французскими дверями, и пусть сейчас ветерок не колыхал их, именно так я их видела. Знакомое ощущение убедило меня, что мы с этим коттеджем хорошо знакомы, но почему? Я прошла дальше, убирая от лица паутину, оглядывая причудливое пространство. Стены цвета песка были украшены пляжной тематикой. В углу висела большая сеть с коллекцией морских звезд, а ракушки лежали на каждой плоской поверхности.

Я включила свет на долю секунды, чтобы проверить электричество, и тут же выключила его. Это значило, что вода также есть, а это все, что меня волновало. Мне не нужно было видеть все вокруг. Я, по крайней мере, могла принять душ и воспользоваться туалетом.

Я ходила кругами по большой открытой комнате с потрясающим видом на океан. Ширма из рисовой бумаги отделяла двухместную кровать от гостиной и кухни, в кладовой со скрипящей дверью была швабра, а следующая дверь вела в крошечную ванную комнату. Небольшая душевая кабинка и отсутствие ванны. Я ненавидела бриться стоя. Осознав, что мне не нужно этого делать, я улыбнулась.

Я подошла к стеклянным дверям и остановилась, услышав подъезжающие грузовики. Я много раз смотрела в эти двери, пытаясь разглядеть, что внутри. Но это было невозможно. Не с улицы. Пэкстон мог стоять прямо передо мной и не узнал бы, что я внутри. Другие три окна не были односторонними, как двери, но они были слишком высоко, чтобы можно было увидеть что-то. Исходя из этого, свет я решила не использовать. Мне определенно не нужен визит Пэкстона.

Я смотрела, как он шел мне навстречу с переплетенными руками, затем обратно от меня, разговаривая по телефону. Лишь по его поведению можно было понять, что разговор шел обо мне. Он жестикулировал, а злость ясно читалась на лице. Улыбка, растянувшаяся на моем лице, была неконтролируемой. План Пэкстона не сработал, и это съедало его живьем. Мне это приносило своеобразное удовольствие. Пэкстону Пирсу нужно было опробовать своих же пилуль.

Я была бы рада сказать, что обыграла его, что я была умнее и не нуждалась в нем. Но он был мне нужен, вот только не в том смысле, которого он хотел. Я увидела, как Пэкстон возвращается к грузовику, психанула и ушла прочь, гадая, кто сейчас присматривает за моими девочками. Наверное, Триша. Мне она не нравилась. Мне совсем это не нравилось. Никто из моих соседей не был достоин моих девочек. Никто.

Я провела весь вечер, вглядываясь в основной дом, в надежде увидеть

их хоть на мгновение, как они играют или плавают в бассейне. Боже, как я по ним скучала. Мои глаза не отрывались от дома весь вечер, ожидая представления. Пэкстон только с наступлением сумерек зажег гриль. Слезы мгновенно заполнили мои глаза, когда я увидела их лишь на долю секунды. Из-за наклона двора я не могла видеть девочек все время. Их отлично было видно, когда они съезжали с горки, но, когда они качались на качелях, я видела только верхние части цепей, раскачивающихся взад-вперед. И временами можно было заметить ножку то там, то здесь, когда качели поднимались очень высоко, но это все.

Я прищурилась, переведя взгляд обратно к Пэкстону, и клянусь, он улыбался. Я достала бинокль из маленького рюкзака Вэна и вгляделась в него. Без сомнений, Пэкстон улыбался. Его бедра едва заметно двигались в ритм играющей на улице музыки. Ладно, скорее всего, это было самым сексуальным в Пэкстоне. Я любила, когда он так двигал бедрами, размахивая кулинарной лопаточкой, словно он такой крутой и даже больше. Это один из немногих моментов, когда я видела его в игривом настроении. Я резко втянула воздух и уронила бинокль, когда он посмотрел прямо на меня, наклоняя в мою сторону бутылку пива, словно знал, что я была там.

Я мгновенно развернулась в поисках камеры.

— Блядь, блядь, блядь, — проговорила я вслух, когда увидела ее. Едва заметная, но она была там. Нормальный человек никогда бы не заметил ее. Я же точно знала, что искать. Идеальный угол, точно в центре потолочного вентилятора. Пэкстон знал, что я была там. Я не сомневаюсь, что он все время следил за мной. Мое сердце начало сильно колотиться, удары отдавались в ушах, в то время как я думала, что же делать. У меня не было телефона, чтобы позвонить Ми. Она была единственной, кому я доверяла, хоть и безумной.

Я тихо собрала свои вещи, пытаюсь придумать план, я понятия не имела, что делать. Остаться? Бежать? Куда мне идти? Ник меня ненавидел, там остаться я не могла. И только я подумала о том, чтобы поспать в машине, мое сердце остановилось, когда я услышала стук в стеклянную дверь.

— Открой дверь, Гэбби.

Я закинула рюкзак-трансформер на плечо и замерла, остановившись вместе со своим сердцем. Я не могла отвести взгляд от его тела, в то время как мое отказывалось двигаться.

— Я знаю, что ты там. Открой дверь.

Как только сухой ком в горле опустился ниже, я собралась с силами и

выпрямилась. Щеколда отдалась громким щелчком в моих ушах, когда я подняла ее и открыла дверь, глядя ему в глаза. Не знаю, как я выглядела внешне, но внутри я сходила с ума, адреналин пульсировал в венах.

— Дай угадаю, камеры? — произнесла я сильным голосом. Сильным голосом, который звучал слабо и сломлено.

Пэкстон улыбнулся, глядя на меня сверху вниз, и скрестил руки на груди.

— Конечно тут есть камеры, и я знал, что ты придешь сюда. Куда еще тебе идти?

— Чего ты хочешь?

— Папа, Роуэн бросила яблоко в бассейн, — прокричала Офелия сзади.

Все мысли внезапно исчезли. Меня больше не волновало, что ему нужно. Меня не волновало ничего, кроме Роуэн и Фи, а теперь и Вандера Делгардо.

— Могу я пойти к ним?

— Конечно.

Я выставила ногу за порог, но его тело остановило меня.

— После того как я получу несколько ответов.

Я издала нервный смешок, плюясь в него сарказмом:

— Ты хочешь ответов? Встань на мое место.

— Папа, — снова позвала Фи. — Что ты делаешь?

Пэкстон неподвижно стоял передо мной, не давая мне обойти его. Он крикнул через плечо, но глаз от меня не отвел.

— Подожди, сейчас приду. Оставайтесь там.

— У меня есть право увидеть их.

— Ты не можешь просто так выбежать к ним после того, как бросила их. Они не поймут, если ты снова исчезнешь таким образом.

Я нахмурилась, гадая, обвинял ли он меня в том, что я оставила их.

— Что ты сказал им?

— Что тебе стало плохо. В какой-то мере это так. То есть, я даже не знаю, как мне тебя звать, черт возьми.

— Как и всегда.

— Шлюхой? Или ты имеешь в виду Габриэлла? Как тебе больше нравится, любимая?

— Пошел ты, Пэкстон. Я не половик, чтобы об меня ноги вытирать, и не собираюсь мириться с этим. У меня столько же прав на них, сколько и у тебя.

Намерение оставаться сильной и противостоять ему растаяло, когда

Пэкстон вошел внутрь. Я была вынуждена сделать шаг назад, но я не дала слабину. По крайней мере, не снаружи.

— Я разрешу тебе прийти, когда они заснут. Скажу, что ты будешь дома, когда они проснутся. Все кончено, Габриэлла. С этого момента ты играешь по моим правилам.

— Я не останусь в том доме вместе с тобой, — произнесла я, снова пытаюсь говорить сильным, однако надломленным голосом.

— Но придется. Ты останешься в моем доме и будешь делать все, что я скажу тебе. Как в старые времена.

— А если нет, то что, Пэкстон? Вызовешь копов? Может, снова арестуешь меня за проникновение? Давай, малыш. Я бросаю тебе вызов, — сказала я, наблюдая за венами, выпирающими на его шее из-за напряжения в сжатой челюсти. Я гордилась собой за свою храбрость. Я это сделала. Я противостояла ему, и это было приятно.

Я взвизгнула, застигнутая врасплох, когда Пэкстон схватил меня за горло и толкнул внутрь. Поясницей я врезалась в столешницу и скривилась от боли, опуская левое плечо, чтобы ослабить боль.

— Не дерзи мне, шлюха. Я даже, блядь, не знаю, как звать тебя. Ты лгала мне со дня нашей встречи. Я здесь решаю, как это всегда и было. Хватит этих игр. Ты поняла меня? Поняла, Габриэлла?

Его хватка под моей челюстью не давала мне ответить словами. Я простонала неразличимое «да» и кивнула, широко раскрыв глаза. Пэкстон улыбнулся и поцеловал меня в губы, убирая руку с моей шеи. Со своей неизменной улыбкой он достал из кармана мой телефон и бросил его мне в руки. Когда я уже думала, что мое сердце не может биться чаще, Пэкстон наклонился и прошептал похотливые слова, целуя меня в шею, проговаривая их, доказывая мне, как я ошибалась.

— Я позвоню позже. Мне нравится бахрома на этих шортах. Дождаться не могу, когда наклоню тебя в них перед собой. Хорошего вечера, миссис Пирс.

— Что ты здесь делаешь? — услышала я вопрос Роуэн, когда дверь закрылась.

Я подошла к ней, чтобы увидеть моих девочек, сидящих на полу в ожидании отца. Они обе встали и побежали к нему, когда он направился к ним. Пэкстон подхватил их и сказал что-то о ловле мыши, и чтобы они держались подальше от коттеджа.

— Пошел ты к черту! — произнесла я пустой комнате, но затем вспомнила, что я не одна. Камера посередине комнаты напомнила мне об этом. Я развернулась, погрязнув в воображаемый бассейн безумия.

Попытки понять, где было место этого кусочка пазла, выбивали из колеи. Что теперь мне оставалось делать?

Стоило предугадать это. Конечно в коттедже была камера, почему бы нет?

— Зачем нужны все эти гребаные тайны! — закричала я, словно обезумевшая. Мне было плевать, увидит ли это Пэкстон. Я хотела, чтобы он это увидел. Не могла просто оставить это так. Если я вернусь в тот дом, я пропала. Стану его жертвой, как он того и хочет, и никогда не найду Вэна. Я не могла позволить этому случиться.

Глава пятая

Я хотела к чертям разбить эту камеру, запереть все двери и угрожать вызвать полицию, если он приблизится ко мне. Это была единственная стратегия, которая приходила мне на ум, но почему-то баррикадироваться в маленьком домике без еды не показалось мне хорошей идеей.

Из горла вырвался стон, когда взгляд вернулся к чертовой камере. За стоном последовал громкий вздох охватившего меня неверия. Моя жизнь была обречена на вечный ад, и неважно, куда я поворачивала, все пути вели к одному конечному пункту. У моего ангела хранителя явно хреновое чувство юмора. Только мне кажется, что я вижу свет в конце туннеля, очередное препятствие преграждает мне его, и все снова погружается в темноту. Метафора моей жизни.

Затем последовала фаза жалости к себе, бедной Гэбби, потерянной и обреченной. Но я осознала, что эмоции — не лучший план; такое поведение может вернуть меня в начало. А я не хотела снова там оказаться, более того, на меня теперь рассчитывал совершенно новый для меня человек. Я не могла погрузиться в себя, может, раньше это работало, но не теперь. Не тогда, когда мне стало известно о Вандере. Он должен стать моей следующей целью.

С охватившими меня новыми силами я выпрямилась, схватила упаковку M&M с номером Ми и вышла на задний двор с телефоном. И, конечно же, он мгновенно зазвонил.

— Что случилось? — проговорила я жизнерадостно, когда пальцы моих ног коснулись теплого песка возле дорожки из галечника.

— Ты серьезно, Габриэлла? Вернись в дом! — приказал Пэкстон. Мне не нужно было видеть выражение его лица, чтобы понять его недовольство, я слышала это по его тону. Слишком часто он демонстрировал мне эту эмоцию.

— Я не могу. Мне нужно сделать несколько звонков, и я не хочу, чтобы ты слышал. Зайду в дом чуть позже.

— Иди, мать твою, внутрь!

— Поговорим позже.

— Гэб...

И снова мое тело охватило нервное напряжение — результат противостояния Пэкстону. Слава Богу, по телефону было легче стоять на своем. Не нужно волноваться о его сильных руках, сжимающих мое горло.

Думаю, это помогло мне побороть надломленность в голосе.

И снова я ответила на звонивший телефон, в этот раз с большим самоконтролем.

— Что, Пэкстон? Ты мне не хозяин.

Он засмеялся. Пэкстон смеялся, только я не до конца понимала почему.

— Я — твой хозяин, малышка. Если не желаешь проблем, то развернешься и войдешь в коттедж.

— Хватит этого дерьма. Я не твоя собственность, — парировала я, жестикулируя руками под стать повышенному голосу.

— Нет, детка. Ты моя. Я купил тебя, и заплатил свою цену не раз. Думаешь, та новая машина была бесплатной? Думаешь, бассейн во дворе появился сам собой? Думаешь, твои вещи волшебным образом оказываются в твоём гардеробе? Занеси свою гребаную задницу в дом. Лучше не вынуждай меня идти за тобой.

Это вывело меня из себя больше, чем что-либо. Я уже не боялась. Может, это из-за расстояния между нами, а может и нет. Думаю, что, скорее всего, да, но, тем не менее, я набралась смелости и использовала ее.

— Давай, Пэкстон. Приди сюда и затвори меня обратно в дом. Посмотрим, что случится.

Еще один смешок, но не такой, от которого самому хочется смеяться. Этот был бунтарский, излучающий зло. Достаточный, чтобы вызвать дрожь по позвоночнику.

— Ты угрожаешь мне, Габриэлла?

— Разве ты сам не угрожал мне только что? Послушай, я собираюсь сделать то, чего ты не поймешь. Я не вернусь в тот дом с тобой. Я увижусь с девочками, пока ты будешь на работе, затем вернусь в коттедж. Не знаю, какими были наши отношения раньше, но больше они такими не будут.

— Что это, нахрен, вообще значит, Габриэлла? Ты намекаешь на развод? Скорее ад замерзнет, чем я выполню это твое желание. Ты шлюха, я создал тебя, и я могу уничтожить тебя. Ты никогда не доживешь до дня, когда больше не будешь Пирс. Ты поняла меня? Мм? Ты поняла, шлюха?

И в это мгновение льющаяся из телефонной трубки злость пропитала меня той же яростью, которую изливал на меня Пэкстон.

— Как я уже говорила, пошел ты! Не я выходила за тебя. Габриэлла Делгардо выходила за тебя замуж. Ты ведь умный. Докажи это.

Пространство между нами заполнила тишина, и я поняла, что завела его настолько, что он лишился дара речи. На мгновение.

— Хочешь разыграть эту карту, Габриэлла? Действительно хочешь

этого?

— Ты знал, что у идентичных близнецов неодинаковые отпечатки пальцев? Ты это знал, Пэкстон?

— Почему ты не сказала мне? Для чего вся эта ложь, Габриэлла?

Я слышала, как Роуэн уже во второй раз звала его на заднем фоне.

— Не сказала что? Что у меня есть идентичный близнец? Это ты скажи мне, почему я не рассказала тебе. Я даже не помню дня, когда мы познакомились, не говоря уже о дне свадьбы. Почему, Пэкстон? Почему ты не знал, что у меня есть близняшка?

— Мне нужно разрезать стейк Роуэн. Куда ты собралась?

— Недалеко. Я планирую вернуться в коттедж, но не к тебе домой.

— Ты не можешь этого сделать, Габриэлла. Не на такой расклад я рассчитывал.

— Что? Тебе не нравится, когда я раскрываю твои карты? Так сам покажи мне их, Пэкстон. И я покажу свои.

Мы с Пэкстоном обменялись скрытыми угрозами, четко и ясно понимая их значение.

— Поговорим позже.

— Уверена, так и будет. Поцелуй от меня девочек.

Я зашагала по пляжу, думая о Пэкстоне и его глупых играх. Я точно понимала, куда вел его план — к моему подчинению и послушанию, выполнению каждой его команды. Если бы не Вэн, я бы, наверное, согласилась на это ради Роуэн и Фи. Но я не могу, пока нет, до тех пор, пока не найду ответы. Мне не нужна была помощь Пэкстона Пирса, я сама могла найти его. Он мог играть в какие угодно игры. Я с этим покончила. Я сдалась, отдала бразды правления своему неподатливому мужу, подавляя злость поражения.

Хмуясь своему почерку на скомканной конфетной обертке, я пыталась разобрать пятую цифру. Это была либо семерка, либо четверка, либо девятка. Я не могла понять, но Бог любит троицу. Пришлось сделать два ошибочных звонка, прежде чем я услышала голос Ми.

— Доктор Чин.

— Ми, это я.

— О Боже, Гэбби. Я чуть с ума не сошла, ожидая твоего звонка. Я даже медитировала на твой звонок. Наверное, ты и позвонила потому, что это сработало, — объяснила Ми, в ее голосе звучали счастливые нотки.

Я покачала головой ее взрослой версии дефицита внимания и ее безумству.

— Ми, почему? Зачем ты хотела, чтобы я позвонила?

— Эй, а откуда ты звонишь?

— Объясню позже. Ты что-то нашла?

— Да, но не думаю, что ты хочешь это слышать.

О Боже. Не это я ожидала услышать.

— Что? Скажи мне. Ты нашла Уолкерсов?

— Да и нет. Я нашла миссис Уолкерс. Мистер Уолкерс погиб в автокатастрофе восемь лет назад. Миссис Уолкерс теперь Миссис Филлипс.

Я даже не поняла, что остановилась, пока не почувствовала прикосновение прохладной воды к лодыжкам. Я посмотрела вниз и продолжила прогулку, спеша куда-то, не знаю куда.

— Хорошо, ты разговаривала с ней? Что она сказала?

— Она не общалась с Иззи более трех лет. Сказала, что пыталась помочь ей, но Иззи не принимала помощь. Она потеряла все — дом, бизнес, ребенка — все из-за наркотиков.

— Но я была с ней. Я ничего не заметила, когда Ник загипнотизировал меня. Ей теперь лучше, — сказала я, чувствуя мгновенное желание защитить сестру. Словно я ее знала.

— Мне тоже так кажется. Несмотря на трезвость Иззи, эта зацепка не поможет, но не волнуйся. Кое-кто уже ищет Вандера. Где ты?

— Ты не поверишь, если я скажу.

— Ты ведь не с ним, да?

— Нет, не совсем. Я решила устроиться в нашем небольшом коттедже, но у Пэкстона там оказалась камера. Он нашел меня раньше, чем у меня оказалась возможность исчезнуть.

— Ты в порядке?

— Да, все хорошо. Он хочет, чтобы я пришла домой, но я отказала ему.

— Молодец. Это твой телефон? Он отдал его тебе?

— В какой-то мере. Пэкстон ничего не делает для меня без личной выгоды. Это его способ отслеживать каждый мой шаг. — Может, я и не знала, кем была, но я была достаточно умна, чтобы уже выучить мотивы Пэкстона. Несомненно, его глаза сейчас следили за небольшой красной точкой на карте. Я была той красной точкой.

— Ладно, что дальше?

— Мне нужно встретиться с Кэндес.

— С женой парня, с которым ты изменила?

— Это еще не доказано.

— Да, ладно. Но мне это не нравится. Это плохая идея. Разреши пойти с тобой.

— Нет, все хорошо. Что такого плохого может случиться?

— Она может разбить тебе нос. Я акушер, а не пластический хирург.

На долю секунды я задумалась об этом, но не остановилась. Я не хотела создавать больше проблем между ней и Ником.

— Нужно идти прямо сейчас, пока его машины нет.

— Это еще более плохая идея. Она может скормить тебя акулам, а никто даже не будет знать, где ты. Лучше перезвони мне, как только выйдешь.

— Позвоню. Обещаю.

— Отключи телефон, пока не выйдешь от нее.

— Хорошая идея. Ты намного лучше соображаешь в этом, чем я.

— Поэтому тебе следует позволить мне пойти с тобой.

— Все хорошо, Ми. Спасибо тебе за все. Я перезвоню позже.

— Как только выйдешь от нее, — приказала она.

Совет — не дать Пэкстону отследить меня — было лучшим наставлением, которое Ми могла мне дать. Я даже не подумала об этом. Пэкстон за доли секунды появился бы на пороге Кэндес. Я выключила телефон, заметив полный заряд батареи в верхнем углу. Использовать это, как отговорку не получится.

Я чувствовала себя преступником, скрывающимся в лесу, пока зигзагами обходила наш район. Прячась за домами, летними кухнями и даже мусорными баками, я чувствовала себя еще большим изгоем, чем уже была. Если меня увидит Триша, она тут же позвонит Пэкстону, а затем и Кэндес. Поэтому я спряталась за ее мусорным баком. Она открыла дверь, разговаривая по телефону, но ей была нужна почта, не я. Адреналин пуще прежнего наполнил мои вены. Господи. Мое сердце много не выдержит. Люди, которые жаждали адреналина, словно наркоманы, были безумцами. Я ненавидела это чувство, и начинало казаться, что чувствую я его намного чаще обычного человека. Конечно же. Я кралась по задним дворам и пряталась за мусорными баками. Какая гадость!

Я сделала глубокий вдох, желая наполнить легкие смелостью, когда приблизилась к боковой двери. По визитам девочек сюда, я знала, что она вела к душевой для гостей бассейна. Только соседские женщины пользовались ею. Все остальные заходили через переднюю дверь.

Один нажим на звонок и два стука в дверь. Я крутила пальцы, пока ждала, и переминалась с ноги на ногу. Мое дыхание было поверхностным.

Блин. Я не ожидала, что дверь откроет Шанс. Я не знала, что говорить ее маме, а это было еще хуже. Но, слава Богу, Шанс облегчила мне эту задачу.

— Габриэлла! — закричала она, обрадовавшись мне, и обняла за ноги. Я улыбнулась и погладила ее по волосам.

— Привет, малышка. Как дела?

— Я давно не видела тебя. Где Роуэн и Офелия? Я хочу поиграть с ними.

Только я собиралась ответить, как в нескольких метрах от нас заговорила Кэндес.

— Они сейчас с их отцом. Иди, закончи урок игры на пианино. У тебя еще двадцать минут.

— Я хочу поиграть с Роуэн и Офелией, — заныла она, нахмурившись, и в защитном жесте сложила руки на груди.

— Может быть, Триша приведет их завтра. Иди репетируй, — снова приказала Кэндес, прогоняя ее легким толчком.

— Пока, Габриэлла, — произнесла Шанс, сдавшись, но слушая маму.

— Пока, малыш, — произнесла я с теплой улыбкой. В тот момент я поняла, что соскучилась по ней тоже. Не совсем по ее маме, но по ней определенно.

— Наглости тебе не занимать, — мгновенно начала Кэндес.

Уверенность, которой я набралась, исчезла, как только я взглянула ей в глаза. Я причинила ей боль, но даже не помнила этого. Мои плечи опустились, и последняя капля смелости покинула мое тело.

— Мне так жаль, Кэндес.

— Да, знаю. Тебе жаль, но ты не знаешь за что, да, Гэбби? Или лучше Иззи?

Я не ответила, потому что не знала как. Что на это можно было ответить? Это правда, я не знала, за что извинялась, и, по правде говоря, я была мошенницей. Я не заслуживала называться Габриэллой.

— Что тебе надо?

— Хочу знать, что тебе известно.

— Нет, не хочешь.

— Хочу. Пожалуйста, Кэндес. Я не знаю к кому еще обратиться.

— А пыталась обратиться к моему мужу? Уверена, он рад был бы помочь.

Я сделала глубокий вдох и опустила глаза на метлахскую плитку. С опущенной головой я заговорила тихим, но отчаянным тоном.

— Я знаю, что между мной и Лейном что-то произошло, но клянусь Богом, не знаю, что именно. Ты сказала, что наняла кого-то. Слышала, как ты говорила это другим девушкам. Скажи хотя бы, что он выяснил.

Кэндес ушла, оставив меня одну, абсолютно обескураженную. Я

огляделась широко раскрытыми глазами, гадая, что мне делать. Это все? Она просто так оставит все?

— Вот, я сказала Лейну, что уже избавилась от этого, когда согласилась переехать и попробовать все сначала. Это то, что у меня есть. Это не все, но я не стану той, которая выпустит кота из мешка. Поговори со своим мужем.

Я взяла золотистый конверт и нахмурилась.

— Ты не можешь так поступить. Есть ведь какой-то женский кодекс или что-то в этом роде. Ты не можешь сказать, что это не все, и промолчать. Разве это честно?

— Ты нарушила женский кодекс, когда трахнулась с моим мужем. К счастью для тебя, я верю ему, что это было много лет назад, когда мы только переехали сюда. Я не знаю, что происходит между тобой и Пэкстоном за закрытыми дверьми, да и не хочу знать. Я лишь хочу уехать отсюда и забыть все. Прощай, Габриэлла.

И снова я потеряла дар речи. Почему никто не мог быть со мной честен? Я не попрощалась в ответ. Я таращилась на нее, лишившись дара речи из-за новой информации, которую она предоставила мне. Информации, которая, я знала, лишь усилит желание знать больше.

Теперь я не кралась по району, пошла прямо по тротуару. Было неважно, кто увидит меня, за исключением девочек, но я была осторожна и не приближалась к своему дому.

Только я собиралась зайти за магазин Пэкстона, как мой взгляд упал на закат. Темноте преграждало путь целующее океан солнце, еще несколько минут и на окрестности упадет ночь. Красный, перемешанный с фиолетовым и желтым, отблескивал от воды, вызывая у меня чувство потери. Как после смерти моей матери. Я снова почувствовала себя сиротой, одинокой и испуганной.

Как только завораживающий вид исчез, я почувствовала влагу между ног. Это не хороший знак.

— Проклятье! — проговорила я вслух и продолжила дорогу к коттеджу, включая телефон, чтобы воспользоваться фонариком. Почему я не подумала об этом? У меня никогда не было задержек. Пунктуальность и мои месячные были лучшими друзьями. Мне нужны были тампоны, находящиеся в доме. Я ускорила, подсвечивая себе телефоном замок, чтобы открыть заднюю дверь, молясь при этом, чтобы в этой маленькой ванной нашлось хотя бы одно нужное мне средство гигиены.

Я сначала просунула в дом руку, нажимая на выключатель. Но свет не включился. Я не могла не засмеяться. Этот ублюдок отключил

электричество. Смех был вызван его глупостью. Я даже не задумывалась о том, что он может это сделать. Без света камера тоже не работала. Я продолжала смеяться, когда ответила на телефонный звонок, даже не сказав «алло».

— Что ты, нахрен, делаешь? Не смей больше отключать телефон, ты поняла меня, Габриэлла?

— Да, конечно, Пэкстон, — сказала я безжизненным тоном, направляясь прямо в маленькую ванную за разделителем из рисовой бумаги. Конечно, это было то, что я подумала. Маленькое красное пятнышко на моих новых трусиках. Я наклонилась, пользуясь светом телефона, пытаюсь что-то найти. Ничего. Ни единого гребаного тампона, ни единой прокладки, только наполовину использованная туалетная бумага на держателе.

— Куда ты ходила?

— Хочешь правды или продолжим лгать?

— Мне не нравится эта твоя сторона, Габриэлла. Тебе стоит остановиться.

— Да, но, видишь ли, я не настоящая Габриэлла, так что... — произнесла я, растягивая слова.

— Где ты, блядь, была?

— Ходила повидаться с Кэндес.

— Зачем?

— Потому что я хочу знать, что, черт возьми, происходит. Ты ничего мне не рассказываешь, так что я выясню сама. Ты знал, что Кэндес и Лейн уезжают? Лейн уже подал заявление об уходе.

— Мне плевать, куда они собрались. Что она тебе сказала?

— Включи электричество и узнаешь.

— Как? Что это значит?

— Она дала мне конверт от ее частного детектива. Ну, знаешь, того, которого нанял ты, чтобы узнать, куда я ездила в день аварии? Уверена, ты мечтаешь исправить этот день.

— И что, Габриэлла? Эти фотографии улучшат твое самочувствие? Знание того, что ты трахалась с мужем твоей подруги, именно тот ответ, который ты искала?

— Нет, даже не близко. Это лишь один кусочек пазла из тысячи составляющих. Пазла, который я пытаюсь собрать сама, — объяснила я, направляясь на кухню, где нашла пустой рулон бумажных полотенец. Черт. — Мне нужно прийти забрать несколько вещей.

— Хорошо, приходи, но ты уже не уйдешь.

— Забудь об этом, позвоню кому-то другому, — парировала я. Я не дала ему возможности ответить, так как по второй линии уже звонила Ми. Она могла принести мне тампоны.

— Ты все еще там? Я тут обезумела уже от волнения, — призналась Ми, когда я переключилась на ее вызов.

— Нет, но у меня только что начались месячные, а у меня ничего нет. Можешь принести что-то?

— Прости, у нас только одна машина. Ник только что уехал в шахматный класс. Что ты выяснила?

Я закатила глаза, увидев имя Пэкстона, мигающее на телефоне.

— Пока ничего. Она дала мне конверт, сказав, что это все, что у нее было, и чтобы я больше никогда не беспокоила ее.

— Что в нем?

— Пока еще не знаю. Пэкстон выключил здесь электричество. Я ни черта не вижу.

— Кретин.

— Это точно. Дай, я поищу свечу или фонарик. Я перезвоню тебе чуть позже.

— Ах, ладно. Я достала номер Мисс Чадвик. Это социальный работник Вандера.

— Потрясающе. Ты супер. Я люблю тебя, — возгордилась я. Почему — не знаю. Я не в состоянии сейчас позвонить ей и объяснить весь этот кавардак. «Здравствуйте, это Габриэлла, но я на самом деле Иззи. Я приеду за Вэном,» — это явно не работает.

— Да, да, знаю. Перезвони позже, но до десяти вечера.

— Хорошо, пока, — сказала я, переключаясь на звонок Пэкстона... снова. Я понимала, что имела в виду Ми. Ник в десять будет дома, и она не хотела, чтобы он знал, что она все еще помогает мне.

— Что? Я пытаюсь найти тампон.

— Уверен, у тебя есть парочка здесь. Иди домой, Габриэлла. Девочки надеются, что ты будешь здесь, когда они проснутся. Ты хотя бы ела сегодня? Тебя здесь ждет ужин. Твой любимый.

Я засмеялась на это.

— Ты забавный. Словно ты знаешь, что я люблю.

— Фарфалле с морепродуктами, только без морепродуктов. Просто немного соуса поверх этих бантиков, которые тебе нравятся. Еще немного брокколи для украшения, сверху тертый настоящий пармезан и чеснок с маслом, и все это сбрызнуто итальянским соусом.

Все мои движения прекратились, я замерла от шока. Могу поклясться,

я слышала рычание моего живота. Сказать, что я впечатлена — ничего не сказать. Я часто это готовила. Девочки очень любили это блюдо, а Пэкстон жаловался каждый раз, однако съедал больше одной порции.

— Ты не можешь завлечь меня домой шантажом, Пэкстон.

— Нет, могу, Габриэлла.

— Ты натравил на меня полицию. Даже не пытался поговорить со мной. Ты отправил меня в тюрьму.

— Приходи сюда. Я встречу тебя у бассейна с тарелкой еды и напитком.

— Не могу. Я не настолько сильна. Боюсь, я уже не уйду.

— Знаю. Приходи.

— Черт! — ругнулась я на мигающий телефон. Он повесил трубку. Я была в заднице и к тому же теперь еще и голодна. — Черт, черт, черт! — повторила я. Ублюдок.

Я воспользовалась туалетной бумагой для импровизированной прокладки, не собираясь идти к нему. Я знала, сколько контроля у меня было в присутствии Пэкстона Пирса. Ноль. Совершенно никакого. Я не собиралась делать этого. Ни за что.

Я обыскала все на предмет чего-либо, что могло бы мне дать хотя бы немного света. Ничего. Ни единой проклятой свечи, а в найденном фонарике были севшие батарейки. Совершенно нерабочие. Я сидела в темноте столько, сколько могла, израсходовав последний кусочек туалетной бумаги. Блуждая по комнате, словно слепая, я на ощупь прокладывала себе путь, вспомнив о небольшом шкафчике у кровати. Может, я оставила свечу или чертов тампон там. Мои пальцы нащупали дерево, а после и металлическую ручку. Мысль о чем-то страшном и ползающем промелькнула в уме, когда я коснулась пары вещей, пустой обувной коробки и неустойчивой задней стенки. Я отдернула руку, когда коснулась паутины, испугавшись на долю секунды, что меня укусит паук.

Я закричала и захлопнула дверцу, когда магическим образом вернулся свет, пугая меня до смерти. Весь шкаф затрясся, закачавшись взад-вперед, пока, наконец, не вернулся в изначальное положение. Я сяду в тюрьму. Пожизненно. За убийство первой степени.

— Ты невыносим. Я ненавижу тебя, — проговорила я в камеру. Камеру, которую не было видно за шкафом. Это привлекло мое внимание, вспоминая второй стук, когда хлопнула дверь. Подняв взгляд и убедившись, что за мной не следили, я приоткрыла дверцу и заглянула внутрь, заметив кусок деревянной панели на полу и точно такой же конверт, как и тот, что я положила на столешницу, спрятанный наверху

шкафчика.

Я не хотела связываться с Пэкстоном. Но я хотела узнать, что скрывала Кэндес, а теперь это. Я смотрела на новую информацию, спрятанную над моей головой, и размышляла о следующем моем шаге. Мне нужен был тампон. Вот был мой следующий шаг.

— Я приду, но не потому, что ты приказал мне. Я приду, потому что у меня кровь течет из вагины, и только поэтому, — убедила я камеру, отойдя от стены, зная, что он будет следить за каждым моим шагом.

И снова я со злостью отошла от столешницы, оставляя свои доказательства на потом. Или так я думала. Только я закрыла дверь, он снова позвонил.

— Принеси конверт.

— Ни за что. Ты заберешь его и не дашь мне посмотреть, что внутри. Я не принесу его.

— Ради Бога, Габриэлла. Принеси чертов конверт, или я приду за ним.

— Я увижу, что внутри, — потребовала я, в очередной раз подчиняясь его желаниям, сознательно и подсознательно. Это единственное поведение, которое мне известно. С психом забрав конверт со столешницы, я послала в камеру сердитый взгляд, после чего хлопнула дверью. Глупая, я даже закрыла ее, зная, что не вернусь сюда. Пэкстон не даст мне уйти снова. Никогда.

Я всю дорогу до дома бормотала себе подбадривающие слова, пока не увидела его.

Луна, находящаяся высоко над нами и отбрасывающая красоту на величественный океан, не могла сравниться с красотой, представшей предо мною. Мягкое сияние освещало темный силуэт. Он держал руки над головой, схватившись за верхнюю планку дверной рамы. По мере приближения мне открывался вид на его голый торс, джинсы и босые ноги. На лице сияла его глупая ухмылка. Мои внутренние подбадривания, уговоры оставаться сильной, не поддаваться ему и стоять на своем были забыты. Самобичевание заняло их место.

— Добрый вечер, миссис Пирс. Как дела? — спросил Пэкстон, прищурившись, его тело перекрывало проход.

Я изогнула губы в полуулыбке, гадая, было ли его обращение ко мне, «Миссис Пирс», вызвано тем, что он не знал, как меня называть. Изабелла или Габриэлла.

Никто из нас не заговорил. Я скрестила руки, пока он стоял, как вкопанный, преграждая мне проход своим твердым, как скала, телом. Без сомнений, я была обречена.

— Я сказал «добрый вечер», — повторил он.

Я подняла взгляд, намекая, чтобы он опустил руки. Эта поза подчеркивала слишком много его красивых черт. Например, линию загара и низко посаженные джинсы на его бедрах. Его выделяющийся пресс, четкие линии мышц. Все напряженные мускулы его груди и рук, напоминающие о том, как он выглядел, нависая надо мной. Образ моих обернутых вокруг его талии ног, пока он выглядит вот так, отказывался покидать мой разум.

— Господи, двигайся, — произнесла я, касаясь его руками — одной рукой его груди, другой — ребер. Его крепкое тело осталось неподвижным, не поддавшись моим попыткам отодвинуть его. Мои пальцы расслабились, а чувства заострились, по-настоящему ощущая его теплую кожу своей. Конверт в моей руке издал мнующийся звук, когда я бессознательно сжала его под мышкой.

Он не двинулся. Ни капли. Его глаза впились в мои, но я отказывалась встречаться с ним взглядом. Вместо этого я смотрела за его правую руку — на розовое Лего под кушеткой у бассейна.

Я сильно прикусила нижнюю губу, когда его руки опустились ко мне. Его пальцы слегка обхватили мои запястья, и он убрал их от своего тела. До этого момента я и не осознавала, что все еще касалась его, мне это нравилось.

— Поцелуй меня.

Я изо всех сил пыталась сдержать свой смех, сильнее прикусив щеку.

— Ты сумасшедший. Просто псих.

В этот раз Пэкстон рассмеялся. По-настоящему рассмеялся. Не тем фальшивым смехом, к которому я привыкла.

— Интересно, кто же ты тогда.

Я сглотнула ком в горле, наблюдая за тем, как его рот приближался к моему.

— Разумное замечание, — согласилась я, и наши губы встретились. Кем я была, что имела право называть других сумасшедшими? Тот факт, что я сейчас целовала мужчину, который всего пару дней назад упек меня за решетку, делал меня самой сумасшедшей из всех мне знакомых. Безумной лунатичкой. Я не ответила на его поцелуй, не сразу. Пэкстон раскрыл мои губы своим языком, и я впустила его. На это я была согласна. Но когда он приподнял мою рубашку и провел руками вверх к моим ребрам, я полностью расплылась перед ним. Глупые, глупые эндорфины. И вот просто так я превратилась в лужу возбужденных гормонов, в снедаемого любовью подростка в пылу.

Я ответила на его поцелуй, растворяясь в его теле, наслаждение искрилось между нами. События разворачивались быстро, и я совершенно забыла о своей проблеме. Но не Пэкстон. Он отстранился первый, оставляя меня задыхаться и с пульсацией между ног. Мягкие слова слетели с его губ:

— Хочешь принять душ, прежде чем поесть? Позаботиться о своей вагинальной проблеме?

— Это больше не моя вагинальная проблема.

Пэкстон усмехнулся и поцеловал меня одним быстрым чмоком.

— Знаю. Твоя одежда на кровати. Не буди девочек, — приказал он, забирая конверт из-под моей руки. Я попыталась схватить его, но он был быстрее и выше. Проклятье. Я не хотела, чтобы он первым заполучил его.

— Не открывай, пока я не вернусь.

Пэкстон снова поцеловал меня и сделал шаг назад.

— Не думаю, что ты можешь приказывать мне здесь.

Я прошла мимо него, качая головой и закатив глаза. Не на него, на себя саму. Что, черт возьми, со мной было не так? Причина должна быть в травме головы, ничто больше не могло объяснить мою глупость. То есть, я же должна была бороться с желанием сорвать с себя одежду. Господи. Мои мысленные упреки прекратились, когда я вошла в дом. С первым же шагом на меня навалилось ощущение того, что мне здесь было не место. Странно было находиться здесь, это было похоже на ложь, словно я была незнакомкой. Не сумев сдержаться, я выбросила недоеденное печенье и подняла Львицу Люси с пола, бросив ее на диван.

Как бы тяжело мне ни было, я удержалась от того, чтобы открыть хотя бы одну из их дверей, пока шла в конец коридора. Не потому что Пэкстон запретил мне, а потому что у меня была другая проблема, о которой нужно было позаботиться в первую очередь. Мне нужен был душ и тампон, затем я планировала открыть двери, обе.

Душ был потрясающим, мой лавандовый гель для тела был недостающим наслаждением, а мой дорогой шампунь был намного лучше того дешевого, что мне довелось использовать. Я думала, что я просто избалованная, но оказалось это правда — за что платишь, то и получаешь. Я даже не была против стринг, которые Пэкстон выбрал для меня — казалось, будто их тоже мне не хватало. В тот момент я решила, что действительно потеряла разум. Закрепила все это я макияжем и помадой. Не знаю даже зачем, ведь соблазнить его я не могла, у меня были месячные.

Я послушалась, отказавшись от выбранной для меня одежды. Мне не нужна была ночнушка, потому что оставаться я не планировала. Эта ложь

выскользнула из моей головы, когда я надела психоделический зеленый с голубым и оранжевым сарафан через голову. Пэкстон не даст мне уйти. Я знала это так же хорошо, как и он.

Мое сердце согрелось, как только рука соприкоснулась с прохладной дверной ручкой. И оно просто растаяло, когда я увидела спящую Роуэн, свернувшуюся в клубочек в обнимку с новым плюшевым котиком. Это объясняло, почему Люси оказалась одна на полу в гостиной. Ее заменили кошачьей сестрой. Я убрала волосы с ее лица и поцеловала маленькую щечку.

Ее глаза распахнулись и снова закрылись, прежде чем она осознала, что я правда была там.

— Мамочка! Ты вернулась. Папочка сказал, что ты не уедешь из больницы до утра. Тебе теперь лучше? Почему ты не позвонила мне? Ты сказала, что в следующий раз будешь звонить.

Я села на край кровати и крепко обняла ее, вдыхая тот же лавандовый запах, который исходил от меня.

— Прости, там не работали телефоны. Я сказала твоему папе, чтобы он каждый день крепко-крепко обнимал вас и говорил, как сильно я вас люблю.

— Он это делал, но я все равно скучала по тебе.

— Я тоже скучала по тебе. Очень-очень сильно, — призналась я, сжимая ее еще сильнее. Эти две маленькие девочки все меняли. Из-за них я хотела остаться. Я не хотела больше расставаться с ними. Никогда.

— Ты уже вообще не слушаешься, — сказал Пэкстон, стоя в дверях. Его поведение изменилось, и я знала, что он наблюдал. Он не был больше игривым Пэкстоном, даже его осанка была напряжена, а тело прикрывала футболка штата Флорида.

— Я не смогла сдержаться. Я соскучилась по ним, — призналась я Пэкстону, поворачиваясь обратно к Роуэн. — Ложись обратно спать. Увидимся утром, — пообещала я, целуя ее в носик.

— Обещаешь? — спросила она, желая освободиться из тугого кокона одеяла, в который я ее спрятала.

— Честно-престно. Сладеньких снов, милая. Люблю тебя до луны и обратно.

— Я тоже люблю тебя, — сказала она, зевая.

— Спокойной ночи, Роу. Люблю тебя, — произнес Пэкстон, пока я проходила мимо него, направляясь прямо в комнату Офелии, отмечая прозвище улыбкой.

— Ты назвал ее Роу, — обвинила я.

— Заткнись. Не разбуди ее, — приказал он, схватив меня за запястье, пытаясь удержать.

— Я должна. Попробуй ты не видеться с ними четыре дня. Посмотрим, как тебе это понравится, — ответила я и повернула дверную ручку.

Я услышала его громкий вздох, когда он отпустил меня. Уверена, он понимал, что этот бой не выиграет. К счастью для него, Фи заняла у меня две минуты. В отличие от Роуэн, она не пошевелила ни единой мышцей. Даже когда я подвинула ее ногу, лежащую в неловком положении, и укрыла ее. Я поцеловала Фи в лоб и прошептала, что люблю ее, пока Пэкстон ждал у двери.

— Твоя еда на улице, — произнес он, раскрытой ладонью указывая мне дорогу.

— И коктейль? — спросила я, отбрасывая волосы за плечо в попытке пофлиртовать и прочитать его одновременно. Он не ответил, а выражение его лица было неестественным. Не то, что я привыкла видеть. Оно не было злым, не было усмевающимся, не было игривым. Только эти были мне знакомы. Это выражение было похоже на то, будто его ударили в живот, что напомнило мне, вызывая волнение, об уликах, о которых он знал, а я нет.

Я увидела пачку фотографий, перевернутую лицевой стороной вниз возле моей тарелки, но меня больше привлекла паста в форме бантиков с моим любимым соусом. Лишь одного кусочка хватило, чтобы понять, что вкус был таким же божественным, что и вид. Искусство, поражающее мои вкусовые рецепторы. Он хорошо постарался, и я была впечатлена.

Я застонала от удовольствия, глядя на Пэкстона, который сел слева от меня.

— М-м-м-м, это очень вкусно. Ты приготовил?

— Триша. Я попросил ее.

Я бросила вилку, что вызвало характерный звук удара о фарфор, и отодвинула тарелку.

— Что? — спросил Пэкстон, словно не понимал в чем дело. Идиот.

— Ничего, я просто на минуту задумалась, ты хоть раз сделал что-то для меня.

— Я сделал. Я попросил Тришу приготовить это для меня.

— Ты попросил приготовить это для себя или для меня?

Тишина ответила на мой вопрос, и я закачала головой в неверии. К сожалению, я была голодна, а блюдо было очень вкусным. Я наколола кусочек брокколи на вилку и отправила его в рот, пронзая взглядом, словно кинжалами, его глаза.

— Какого хрена? С каких пор ты ревнуешь к Трише? В этом нет смысла.

— Это ты так думаешь. Наверно, потому что раньше мне было это безразлично? — снова тишина опустилась между нами, пока Пэкстон размышлял над моими словами. — И ее соус — отстой, — солгала я, обдумывая незнакомый вкус, пропитавший мою пасту. Возможно, Шардоне. Мне тайно понравился соус.

— Что это значит, Габриэлла?

Я взяла еще кусочек, и Пэкстон пододвинул тарелку ближе ко мне, чувствуя, что моя гордость и эго не позволят мне этого сделать. То же незнакомое выражение, что я видела ранее, вновь появилось на его лице; морщинки, вызванные волнением, стали видны в уголках его глаз.

— Это значит, что мой соус намного вкуснее ее.

Пэкстон улыбнулся, выдохнув.

— Я серьезно говорю.

Я подняла обе ноги на стул под себя и сделала глубокий вдох. Была не была.

— У меня нет такой привилегии, как у тебя. Я не знаю, как я относилась к Трише раньше. Сейчас она мне не особо нравится. Мне ненавистно то, как она флиртует с тобой, и она однажды пыталась сказать мне что-то обидное. Я поставила ее на место, и вид у нее был, будто я дала ей пощечину. Не думаю, что мы были подругами раньше. Не так, как с Ми. Ми — моя настоящая подруга.

Пэкстон моргнул и покачал головой, стараясь поспевать за мной.

— Для начала, что сказала Триша? Почему ты поставила ее на место?

— Мы наблюдали за тобой на тренировочной бейсбольной площадке. Она сказала, что с удовольствием покажет мне, как любить такого мужчину, как ты.

— И ты ответила?

— Что мне не нужна с этим помощь.

— И?

— Она сказала, что, очевидно, у меня ничего не выходит. Иначе бы я не спала в своей собственной комнате. Затем я сказала ей отвалить и спросила, как же она заботится о своем мужчине, в то время как думает о моем. Сказала, что ей не выдержать того, что ты делаешь со мной, и ушла. А потом ты заставил меня пойти на ее глупую вечеринку в честь дня рождения.

— Но раньше ты никогда не ревновала. Они все щеголяли своими избалованными задницами передо мной, примерно спустя месяц после

аварии это прекратилось. Теперь я понимаю почему. Ты заставила их, не так ли?

Я пожала левым плечом, пока он положил еще кусочек пасты мне в рот.

— Я не клеюсь к их мужьям.

— Кроме Лейна, — сказал он тихо. — Что значит твоя «настоящая подруга»?

— А?

— Ты сказала, они не были настоящими подругами, как ты.

— Нет, не сказала.

— Да, сказала. Ты сказала, что они «не такие, как я»^[4].

— Оу, Ми. Да, я не слышу голоса, — уверила его я с легким смешком. — Ми — это девушка Ника.

— Кто такой Ник?

— Он работает с Лейном. Они помогли мне, когда ты выгнал меня на улицу.

— Я не выгонял тебя на улицу. Лейн должен был убедиться, что ты вошла в отель. Я собирался дать тебе остаться там всего на одну ночь. Где машина? Зачем ты забрала машину?

Я сделала глубокий вдох и сказала правду.

— Мне нужно было то, что находилось внутри.

— Что там было?

— Я пришлю тебе видео. Если ты считал, что я трахаюсь с соседом, почему ты позволил ему отвезти меня в номер в отеле?

— Какое видео? Я не думаю, что ты трахаешься с ним сейчас. Думаю, ты трахалась с ним до аварии. Это так?

Мой взгляд метнулся к фотографиям, и мои легкие сами по себе наполнились воздухом.

— Я не знаю, Пэкстон. Я не знаю, почему я делала многие вещи до того, как забыла кем являюсь. Мне кажется, будто я жила ложью. И не одной. Огромное количество лжи нависло над нами, и я не знаю почему. Но ты знаешь.

— Я не знаю, в чем ты мне лгала. У тебя, черт возьми, есть близняшка, ради Бога. Ты не думала, что нам стоило обсудить это?

— Не знаю, потому что я не помню. Ты скажи мне почему, почему я считала, что мне нужно скрывать от тебя нечто подобное? Я любила ее, я знаю, что любила, и все еще люблю, и я хоть убей не понимаю, почему утаила ее от тебя.

— Ты никогда не думала, что все так изменилось, потому что ты не та,

на ком я на самом деле женился?

Я фыркнула в ответ на это, но знала, что он обязательно задаст этот вопрос.

— Думаешь, я Иззи?

— Я не знаю. Ты так изменилась, Габриэлла. Я совсем тебя не знаю.

— Я думаю, ты знаешь, и, думаю, ты боишься признать это.

Пэкстон покрутил мой напиток, опустив взгляд на стол. Мы какое-то время молчали, затем я забрала бокал из его руки и задала провокационный вопрос.

— Что, если я Иззи? Что тогда, Пэкстон?

В этот раз он пожал плечами и удрученно поник. Потянул руки, сделал глубокий вдох прохладного воздуха и похрустел костяшками.

— Я, черт подери, не знаю.

— Почему ты заявил на меня? Почему не мог просто поговорить со мной? Это больно, знаешь?

— Видишь ли, Габриэлла, это не должно быть больно. В этом и огромное отличие. Раньше ты не ощущала этой эмоции. Поэтому мы так хорошо ладили. У нас был уговор.

— Да, я это уже слышала. Чего ты ожидаешь от меня, Пэкстон? Чего ты хочешь? — спросила я, делая глоток своего напитка и размышляя, сделала ли его тоже Триша?

— Я не думаю, что ты моя жена.

— Думаю, ты ошибаешься, но только частично.

— Что ты хочешь этим сказать?

Не было легкого способа сказать ему то, что я должна была. Правда должна была открыться, но не этого я боялась. Мне хватало храбрости сказать ему о нашей подмене в одиннадцать лет, но я не могла заставить его поверить мне. Черт, да я сама себе не поверила бы. Я знала, что так или иначе наши жизни должны были измениться. Знала, что должна рассказать о том, что теперь мне было известно, должна была рассказать ему о Вандере и своих планах найти его. Меня до чертиков пугала его реакция. Как бы сильно я не хотела защитить свою гордость и эго от боли, он был мне нужен. Ради Вандера.

— Габриэлла? — привлек он мое внимание.

— Я вышла за тебя замуж. В этом я уверена, но я Изабелла.

Он даже не выглядел шокированным, и я увидела и услышала каплю злости в его ответе.

— Конечно, ты разыграешь эту карту. И я должен поверить в это, да?

Я пожала плечами, показывая, что не знала ответа на этот вопрос,

убирая мокрые волосы на одну сторону. У меня в груди образовался ком, когда наши взгляды встретились, и я ждала. Вопрос только, чего я ждала.

Глава шестая

Я стучала пальцами по листам бумаги, ужасно желая перевернуть их. Пэкстон не сказал ни слова, отчего я нервничала еще больше. Он смотрел на меня, ожидая моей реакции. Еще один глоток напитка, и я перевернула первый лист — выписку из больницы ДельМар в Калифорнии. Это была ложь. Я не помнила, чтобы кто-то говорил, что мы с Иззи родились на красивом острове в Бразилии, но я знала, что этими рассказами кормила нас мать. Я с легкостью могла представить нас с Иззи, сидящих в позе лотоса, поглощенных ее словами, пока она рассказывала нам эту ложь.

— Спорю, я никогда не была в Бразилии, — фыркнула я, читая больничный отчет из того места, где на самом деле я родилась. Калифорния.

— Что?

— Ничего, — произнесла я, сканируя глазами страницу. Возможная грыжа у ребенка номер два; в справке было сказано, что необходим повторный осмотр через шесть недель. Сомневаюсь, что это было сделано. Скорее всего к тому времени мы спали в ящиках какого-то комода в первом попавшемся на пути мотеле.

Я продолжила переворачивать страницы, поглощенная вопросами и ответами, находящимися в расследовании Пэкстона. Он был очень добр, разложив листы в таком порядке, в котором он хотел, чтобы я их изучила.

— Не молчи, Габриэлла. Мне нужно знать, что, черт возьми, здесь происходит. Говори со мной, — произнес Пэкстон, подталкивая меня к разговору.

— Это совсем не важно, просто глупость. Моя мама. Уверена, она говорила нам с Иззи, что мы родились в Бразилии. Я почти могу описать это, но не помню почему. Вот и все. Я не знала, что родилась в Калифорнии.

Пэкстон нахмурился, сведя брови к носу.

— Ты знала это. Когда мы женились, мы запрашивали твое свидетельство о рождении, помнишь?

Я наклонила голову и улыбнулась ему, отвечая с сарказмом:

— Забавно.

Я не помнила этого и, по правде говоря, не хотела. Мне нравился образ того, как мы с сестрой появились на свет в окружении Матери Природы и красоты. Я без труда могла представить, как мама на руках

убаюкивала меня и мою точную копию. Ее красивая улыбка могла сравниться с красотой лазурной воды, и я могла даже слышать плещущиеся волны. Мне хотелось придерживаться этой истории, наполненной умиротворением, представлять день, когда два крошечных младенца родились в эту безумную реальность. Черт.

Следующая страница рассказывала о степени в агрокультуре и ландшафтном дизайне.

— Объясни это. Если ты и правда не Иззи, откуда ты знаешь о деревьях, привлекающих птиц, или как создать искусственный водопад?

Я пожала плечами на это.

— Я вышла за тебя замуж. Думаешь, это не сказалось? Думаешь, я не слышу твоих разговоров по телефону, заказы бетона и плитки, деревьев и растений? Думаешь, я не слышу, как ты приказываешь своим рабочим куда идти, что делать и почему? Ты расписываешь в мелких деталях что и как ты хочешь. Может, я просто не так глупа, как ты считаешь. Может, я способна запомнить твои слова. Ты не думал об этом?

— Да, наверно. Это возможно, но я все равно не уверен. Ты никогда раньше не высказывала свое мнение по поводу моей работы.

— Скорее всего, я просто боялась, что ты сорвешься на мне.

— Но сейчас не боишься. Почему? Видишь ли, это меня и смущает. Габриэлла никогда бы не говорила мне, где посадить дерево, и не осмеивала бы мои решения, но Иззи... Теперь это кажется мне более логичным.

— Совпадение?! Это все, что я могу сказать.

— Еще бы.

Я отпила напиток и продолжила свое путешествие сквозь стопку бумаг, узнавая новые факты о моей жизни, о жизни Иззи.

— Она потеряла баскетбольную стипендию, — с грустью прочитала я вслух.

— Это тоже ставит меня в тупик. Ты очень хороша в баскетболе. Вы обе играли?

— Это уже начинает меня злить. Ты не можешь помочь мне с ответами, потому что сам ничего не знаешь. Тебя никогда не заботило это достаточно для того, чтобы узнать самому.

Пэкстон встал и провел пальцами по волосам, по своим недавно подстриженным волосам. Это тоже злило меня. Я была за решеткой, а он переживал о своем внешнем виде.

Он был разочарован во мне не больше, чем я в нем.

— Это не должно злить тебя, Габриэлла. Мы не гуляли часами вдоль

пляжа, держась за руки и разговаривая.

— Почему нет?

Еще большее раздражение мелькнуло на его лице, и он застонал.

— Потому что мы не были такими. Мы этого не делали, и не спрашивай почему. Что было в машине?

— Какой машине?

Еще один стон.

— В Хонде. Ты сказала, что тебе нужно было то, что находилось внутри.

— Можем мы сконцентрироваться для начала на одном? Я сказала, что покажу тебе видео.

— Какое видео? Где оно?

— Нужно попросить Ми, чтобы она прислала его мне. Просто подожди.

Пэкстон взял мой телефон и открыл сообщения. Я наблюдала, разочарованно качая головой. Сообщений не было, но ее телефон там был.

— Это он? Заканчивается на 931?

— Да, Пэкстон. О, боже мой. Ты сумасшедший.

— Продолжай. Я отправлю ей небольшое сообщение, попрошу прислать видео тебе на почту. Написать ту, что ты используешь всегда, или у тебя есть какая-то скрытая?

— Пошел ты.

От этих слов он замер, а у меня по венам побежал ненавистный поток адреналина. Мое сердце остановилось, когда он отвернулся обратно к телефону, наградив меня только предупреждающим взглядом, никакого физического контакта, которого я ожидала после такого взгляда.

— Не нужно, Габриэлла. Все и так плохо, не нужно подливать масло в огонь.

Я решила оставить свое мнение при себе, в своем воображении я переворачивала стол. Seriously? Это я подливала масло в огонь? Да пошел ты!

Я просмотрела еще две страницы расследования Пэкстона, прежде чем приступить к содержимому конверта Кэндес. Ничего нового я не узнала, по крайней мере, ничего полезного. Иззи трижды была на реабилитации, и ее обвиняли в вождении в нетрезвом состоянии. Ни слова о Вандере.

— Эти фотографии были сделаны за неделю до аварии. Почему ты заходила к Лейну в офис, и где в это время были мои девочки? О, да, ты ведь не помнишь.

Я не ответила. Не было смысла. Пэкстон носил шоры больше крыльев морской птицы. Он не слышал меня, ни слова, если только оно не было вырвано из контекста. Пэкстон придавал совершенно новое значение нарциссизму. Он с гордостью носит это звание.

На первом фото было именно то, что он сказал: я входила в здание, где располагался офис Лейна. Выражение моего лица было беспокойным, а взгляд сконцентрированным, я осматривалась вокруг, боясь, что меня могут увидеть. Следующая фотография была сделана в Саммит Парке, куда я иногда возила девочек. Они любили кормить уток обедом. Я закрыла лицо руками, словно плакала. Лейн прижимал меня к своей груди, соприкасаясь губами с моими волосами в утешительном поцелуе.

— Мои чертовы дети были там. Видишь это, Габриэлла? Ты встречалась с ним там, где играли наши дети.

Я даже не заметила этого, пока он не указал. Они были повернуты спиной к камере, но, без сомнения, это были они. Обе пытались запустить дешевых воздушных змеев. И снова я промолчала. Вместо этого перевернула следующее фото, качая головой. Это официально. У меня был роман с Лейном. Мы находились на парковке продуктового магазина, в котором я закупалась продуктами, в который ходила и Кэндес. Опять Лейн обнимал меня, а я прятала лицо на его груди. Следующая фотография была снята на публике: мы сидели за столиком на летней террасе кафе, которое я не узнавала. Мой взгляд был сфокусирован на его пальце, указывающем что-то на белом листе бумаги, под которым лежал золотой конверт.

— Я знаю, где он, — призналась я, не отрывая взгляда от фото.

— Кто? — спросил Пэкстон, скользнув в кресло рядом со мной.

— Этот конверт. Я знаю, где он.

— Где?

Устав от всей лжи, я подумала рассказать ему правду, пока не зазвонил мой телефон. На экране высветился номер единственной моей подруги в этом мире. Мы с Пэкстоном оба уставились на него.

— Ответь, — приказал он, подталкивая телефон ко мне.

— Привет, Ми.

— О, боже мой. Ты не согласишься в это, Гэбби.

— Не уверена, хочу ли это слышать.

— Хочешь. Это ответ на все твои вопросы.

— Что ты имеешь в виду?

Я перевела взгляд на Пэкстона, когда он забрал телефон у меня из руки, включил громкую связь и положил аппарат между нами.

— Ник знает. Он все знает, потому что работал с тобой больше года.

— Ми, ты на громкой связи, и Пэкстон сидит рядом, — внезапно сказала я по какой-то причине. Я даже не знала, откуда взялись эти слова. Словно какой-то защитный механизм мгновенно завладел моим разумом и ртом.

— Оу, привет, Пэкстон.

— Скажи, что значит — Ник работал с ней?

Ми, казалось, занервничала, когда Пэкстон заговорил.

— Мне пора, позвоню позже, Гэбби, — ее голос надломился, и она повесила трубку.

Мы перевели взгляд с мерцающего на экране номера друг на друга. Пэкстон выпрямил спину и оперся на локти, его лицо выражало злость.

— Что за хрень, Габриэлла? Я думал, ты хотела этого. Я думал, ты хотела ответов. Теперь меняешь свое мнение, поняв, что ты не более чем лживая шлюха? Вот как?

Мои глаза расширились, когда он приблизился, и мною снова что-то овладело, что-то внутри меня. Я была словно одержима. Или безумна. Да, просто сошла с ума. Иначе это не объяснить. Мои губы встретились с его губами, и мой язык ворвался в его рот. Не менее шокированный моими действиями, Пэкстон удивил меня еще больше, ответив на поцелуй, поглощая мой рот своим. Я даже не понимала, что мы встали, пока не почувствовала, как ветер задувает мне под сарафан, в то время как он поднимал его. Он повел меня на кушетку и толкнул назад.

— У меня месячные, — напомнила я, взбираясь на кровать, машинально раздвигая ноги, пока мой разум находился в отключке.

— Ты больная. Вот, кто ты. Что, блядь, с тобой не так?

— Что не так с тобой? — парировала я, тяжело дыша. Я чувствовала жар, согревающий меня изнутри, наполняющий меня ядом, к которому я так пристрастилась. Я была больной. Сумасшедшей лунатичкой.

На этот раз Пэкстон не ответил словами. Он отодвинул мою правую ногу и уткнулся своей твердостью мне между ног. От этого стало только хуже, еще более запутанно. Свидетельства моих отношений с Лейном на столе, новая информация Ми, конверт, скрытый в крошечном шкафу — ничто из этого больше не имело значения. Ни для меня, ни для Пэкстона. Мы целовались, пока наши руки изучали тела друг друга, словно в первый раз. Я запустила руки под его футболку, желая почувствовать его грудь, а он поднял мое платье выше груди. Я бессвязно застонала, когда его зубы впились в мой сосок, посасывая и оттягивая его губами.

Его бедра прижались к моему пульсирующему клитору, и я отреагировала, двинувшись навстречу его эрекции, скрытой джинсами.

Пэкстон на мгновение остановился, сместившись немного в сторону. Его пальцы скользнули по атласу между моих ног, пока я продолжала круговые движения бедрами.

— Твои трусики влажные, — прошептал он самым сексуальным и хриплым голосом, который я когда-либо слышала от него.

— Заставь меня кончить, — отчаянно взмолилась я, пододвигая свои бедра к нему.

— Я хочу устроить тебе порку.

— Нет, у меня месячные, — пожаловалась я, пытаясь оттолкнуть его.

— И что? Думаешь, мы не занимались раньше сексом в это время месяца?

— Эм, занимались? — спросила я, осознав, что не помнила этого.

— Конечно.

В следующее мгновение он повернул мое тело, как ему хотелось. По своему усмотрению он перевернул меня на живот, подтянул к краю и завел мои руки за спину, держа их, словно в наручниках, своей рукой.

— Это просто безумие, — вслух призналась я, когда почувствовала, как он связывает мои руки неизвестным предметом. Возможно, ремнем. Но я поняла, что это была одна из завязок на занавеске, когда луна исчезла за плотной тканью.

— Тшш, молчи, малышка.

Мои глаза закрылись, и я снова мысленно отчитала себя. Я была слаба. Чертовски слаба. Я не смогла бы противостоять этому мужчине, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Я не могла бороться с этим, потому что не хотела. Я любила его. Господи, почему я это делала?

У меня перехватило дыхание, когда я почувствовала, как мои трусики были медленно извлечены из щели между ягодиц. С той же скоростью Пэкстон растер мою попку, и я снова попыталась раздвинуть для него ноги. Я с удовольствием предоставляла ему доступ ко всему. Он мог делать, что захочет. Я просто хотела кончить.

Я снова застонала, почувствовав, как его палец проскользнул между моих влажных складочек к задней дырочке и вернулся к ягодицам. Я натянула свои путы на кистях и вскрикнула, почувствовав первый удар, после чего он помассировал место, убирая боль. Мучительное удовольствие охватывало мое тело при каждом новом шлепке, каждом проникновении пальца между моих складочек, каждом поцелуе и засосе на моем теле.

— Сколько уже было, детка? — спросил он, прошептав горячие слова у моего позвоночника.

— Пять, — ответила я сквозь эротический стон.

— Сколько, думаешь, ты еще заслуживаешь? А? Сколько, шлюха? — Сильный щепок за мой клитор не дал мне ответить на вопрос. Он знал это. Поэтому уделял особое внимание той зоне, в которой я нуждалась.

— Пять, — сказала я, потянувшись навстречу его пальцам. Не знаю, почему пять, это число просто пришло мне в голову, к тому же столько я уже получила. К десятому удару моя попка уже горела, а нужда в оргазме стала невыносимой.

Пэкстон поцеловал мои горящие ягодицы мягкими губами, осторожно облегчая боль. Мои глаза открылись, когда я почувствовала, что он сдвинулся, оставляя мой обмякший пламенем зад остывать на вечернем бризе. Звук его расстегивающейся ширинки заставил ритм моего сердца ускориться от нетерпения. Я знала, к чему все это ведет, и я хотела этого. Мой взгляд встретился с его, но тут же опустился на член в его руке. Словно изголодавшееся животное, желающее его плоти, я потянулась к нему, взяв его в рот до основания, постанывая от удовольствия. Стоны Пэкстона вторили моим, пока он удерживал мою голову, контролируя мои движения. Он тяжело дышал и кряхтел, скользя в мой рот и обратно.

— Не торопись. Тебе нравится, когда я трахаю тебя в рот, так ведь, шлюха?

Нет, ни слова.

Его руки толкнули меня в плечи, я перевернулась на спину, лежа слегка под углом из-за бортиков за моей спиной. Мои ноги снова раздвинулись сами по себе, и Пэкстон ударил меня по точке между ними, его член проник мне в горло в то же время, как его пальцы коснулись моего пульсирующего бугорка. Он играл со мной, казалось, целую вечность, входя и выходя из моего рта, пока его пальцы жестко орудовали на моём сокровенном месте.

Когда я достигла пика, пути назад не было. Я бы сама закончила дело, если бы Пэкстон отказал мне. Я почувствовала приближение первой волны удовольствия и выпустила его ствол изо рта.

— О, да. Продолжай. Вот так. М-м-м-м, да, да, правильно, детка, — стонала я, пока он шлепал меня по взрывающемуся клитору. Он несколько раз пытался скользнуть обратно мне в рот, но я не могла. Я приближалась к оргазму, и моя сжатая челюсть просто отказывалась впускать его.

— Ах, открой рот, шлюха, — зарычал он и принялся дробить, выполняя мою работу.

Конечно, я послушалась. Ничто не возбуждало меня сильнее, чем вид того, как он онанирует. Я чертовски обожала это. Мои губы раскрылись

как раз в тот момент, когда нас обоих накрыла первая волна. Он стонал, изливая свое удовольствие одновременно со мной. Я кончила сильнее, чем когда-либо в жизни, ощущая волну за волной, пока мы оба не обессилили. Мое напряженное тело расслабилось, как и его твердость у меня во рту.

— Ты не должна была кончать, — произнес Пэкстон, выскальзывая из моего рта и надевая джинсы, не заботясь о нижнем белье. Мне нравилось, когда он так делал. Пэкстон никогда не носил дома нижнее белье. И это тоже невероятно возбуждало меня, особенно когда он был в джинсах.

— Назовешь меня шлюхой еще хоть раз, и я откушу его. Почему ты это делаешь? Развяжи меня, — приказала я, ощутив, как мои эротические мысли и чувства исчезли с оргазмом.

Пэкстон встал и отошел от меня.

— Нет, потому что ты такая и есть. Доказательства ты только что получила. Все вы — изменяющие шлюхи. Не твоя вина, что ты родилась с киской.

С выбросом глупого дофамина вернулась рациональность суждения. Я проклинала себя за то, что позволила этому случиться. Ах. Как глупо.

— Развяжи меня, Пэкстон, — потребовала я во второй раз.

— Нет, я снова позвоню твоей подруге, и ты поговоришь с ней. Спросишь, что она имела в виду.

— Нет, не спрошу.

Два шага и Пэкстон снова был возле меня, его пальцы впились мне в челюсть.

— Спросишь. С этого момента ты будешь делать все, что я тебе скажу. Ясно, Габриэлла, или кто ты там? Поняла?

Я отдернула голову вправо, застав его врасплох, и подняла колени. С силой толкнула его ногами, заставляя отступить на несколько шагов. Я села, растягивая свои путы, пока не освободила одну руку, затем другую. Пэкстон снова рванул ко мне, но в этот раз я была готова. Мои ноги взлетели вверх, уткнувшись ему в грудь, и по выражению его лица стало ясно, что это было больно.

— Чего, мать твою, ты хочешь от меня? Что за хрень, Габриэлла? Будь ты проклята! Будь проклята за то, что сделала с нами! Будь проклята за то, что устроила весь этот переворот!

— Нет, будь ты проклят за то, что устроил это, Пэкстон. Пошел ты к черту! — повторила я его слова, вот только мои слова были мягкие и невинные, в отличие от его — полных злости. Он оттолкнул мои ноги от своего тела и отступил назад, проводя руками по волосам и глубоко вздыхая.

Я встала на ноги, пряча грудь в платье.

— Ничто на этих фотографиях не указывает на то, что я изменила тебе. Ничто.

Взгляд, которым он меня наградил, был истинным неверием.

— Серьезно, Габриэлла? Посмотри снова, — приказал он, с силой схватив меня за руку. — Видишь? Посмотри на это. Его руки касаются тебя. На каждой хреновой фотографии он касается тебя.

— Ты говорил с ним, Пэкстон? Конечно, говорил, но это ведь огромный секрет, да? Что-то, что ты не хочешь, чтобы я узнала когда-либо. Что ты знаешь, Пэкстон? Почему бы нам не начать с этого? Я расскажу тебе, а ты расскажешь мне. Хочешь поиграть? А? — спросила я, когда мои эмоции снова изменились, на этот раз на ярость. Как он смеет? Кем он себя возомнил?

— Он солгал. Как и ты, Габриэлла. Он солгал.

— Но ты не скажешь мне, что он рассказал, так ведь?

— Тебе не нужно знать.

— Конечно же, мне не нужно это знать, но тебе нужно знать все, что я скрывала, — ответила я с раздражением. Это было так запутанно. Я даже не знала, что я вообще скрывала от него, он же хотел знать все. Он хотел ответов, которых у меня не было, тем не менее, делиться тем, что знал, он не собирался. Как запутанно.

— Позвони своей подруге.

— Нет, я вернусь в коттедж, а ты можешь идти к черту. Я знаю, во сколько ты отправляешься на работу. К этому времени я буду тут.

Пэкстон издал что-то похожее на злобный смешок.

— Ты никуда не пойдешь.

Я схватила телефон со стола и пронзила его взглядом, словно кинжалом. Затем разблокировала телефон, мы смотрели друг на друга, пока он ожидал, когда же я позвоню Ми. Вот только я не звонила Ми. Я набрала три цифры — девять-один-один — и навела палец на кнопку вызова.

— Я не твоя шлюха, Пэкстон. Ты мне не нужен. Мне нужны только мои девочки и все.

— Ты шутишь. Ты никогда не забереешь их. Только через мой труп. Дай сюда телефон.

— Ни за что, и мы можем продолжать это, сколько захочешь. Тебе не забрать их у меня, и если мне придется попросить помощи извне, то я это сделаю, — пригрозила я, указывая на него телефоном, бросая ему вызов, что, если он пошевелится, я тут же наберу экстренный номер.

— О, да, ты умеешь просить помощи извне, особенно с дополнительными привилегиями. Видимо, у тебя было больше одного помощника. Тебе нравится мужчина Ми, да?

Нет, на это я уже не поведусь. Пусть будет идиотом, я же ниже пояса бить не буду.

— Не выключай электричество, я буду здесь к шести утра.

— Габриэлла, не делай этого. Нам нужно поговорить обо всем этом дерьме.

— Ты ни о чем не хочешь говорить, Пэкстон. Ты хочешь полный контроль, хочешь решать, что нам нужно обсуждать, а что нет. Меня это не интересует.

Пэкстон говорил со мной сквозь стиснутые зубы и сощуренные глаза, его голос менялся от мягкой мольбы до злости в мгновение ока.

— Я по уши сыт этой идиотской игрой. Если бы ты раньше грозила мне копами, я бы запер тебя в клетке на неделю. Что за хрень? Я больше не хочу играть в эту твою гребаную игру, Габриэлла.

Я откинула телефон в сторону и тихо ответила, направляясь к двери за закрытыми занавесками.

— Это не моя игра. Я давно из нее вышла. Ты не умеешь достойно проигрывать.

— Останься здесь, — взмолился Пэкстон более дружелюбным тоном, когда я ступила на влажную траву.

Я не осталась, я не развернулась. Я продолжила идти с чувством, будто только что совершила огромное достижение. Так и было. Уверена, в прошлом я никогда не уходила от него, особенно не в другой дом. Я прошла ровно пять шагов, прежде чем поняла, что у меня все еще была проблема с тампонами.

— Черт, — произнесла я вслух, повернувшись к Пэкстону, стоящему в дверях, как и когда я пришла.

— Вагинальная проблема?

— Пожалуйста, не заставляй меня оставаться, Пэкстон, — взмолилась я тихо, надеясь смягчить немного его сердце. Хотя и не думала, что оно у него есть.

— Предлагаю сделку. Ты останешься здесь, где я буду знать, что ты в безопасности, а я буду давать тебе тампон, когда он будет тебе нужен. И тебе не разрешается посылать меня, — добавил он со своей известной ухмылкой, зная, что снова обыграл меня. Ублюдок. Я была так близка.

— Я позвоню копам, — пригрозила я с намного меньшей уверенностью, чем раньше.

— Давай.

— Я ненавижу тебя.

— Нет, не ненавидишь. Спокойной ночи, миссис Пирс, — сказал он спокойным, но все же высокомерным голосом, приближаясь к моим губам.

Я отвернула голову, не позволяя нашим губам встретиться, и прошла мимо него в свою комнату со смежной ванной. Я меньше всего ожидала, что он заставит меня остаться, размахивая перед моими глазами упаковкой тампонов.

Тем не менее, моя кровать была блаженством. Я забралась в нее со смешанными чувствами, достав планшет из прикроватного столика. Я снова обыскала на нем все, надеясь, что где-то была скрытая папка, но безрезультатно. Ничего, кроме моей любви к чтению, нескольких рецептов и напоминания, что Роуэн вскоре пойдет в первый класс, а Фи начнет последний год в садике. День, когда я планировала покупки для школы, прошел два дня назад. Я отключила устройство, когда батарея дважды замигала, сообщая о низком заряде.

Я уставилась на луну над океаном, заметив пляжный мяч в бассейне, имитирующий силуэт полной луны. Мысли о моем существовании, всей лжи и о всем, чего я еще не знала, заполнили мой разум. Я не знала, куда идти, к кому и ради чего. Часть меня просто хотела забыть все это. Забыть прошлое и вернуться к той роли, в которой хотел меня видеть Пэкстон. К той жизни, где моя сестра и ее сын были далеко и не нуждались в моей помощи. И по правде говоря, я не могла двигаться дальше с Пэкстоном, пока не знала нашего прошлого. Настоящего прошлого, а не этой выдумки, которую мы представляли нашим друзьям.

Я бросилась к телефону, когда он зазвонил. Знала, что Пэкстон скорее всего наблюдал за мной, и знала, что ему не составит труда прийти и забрать его у меня.

Ми: Ты в порядке?

Гэбби: Да. Все хорошо. Прости, не хотела ставить тебя в такую ситуацию.

Ми: Не волнуйся. Можем встретиться за завтраком? Нужно поговорить.

Гэбби: Да. Я буду с девочками, но мы можем поехать в парк Саттон.

Ми: Там, где красный мост?

Гэбби: Да, именно. В девять?

Ми: Идеально. Увидимся.

Мои глаза поднялись прямо к камере над дверью, уставившейся на меня. Я посмотрела на нее, словно это сам Пэкстон стоял передо мной, и ждала, когда он откроет дверь. Он этого не сделал. Пэкстон так и не пришел, а мои глаза начали закрываться. Мысли о моей маме на бразильском пляже освободили мой разум от всех волнений. Я представила, что слышу ее мягкие слова, как она описывает нам с Иззи тот пляж. Так я погрузилась в глубокий сон. Мирное, расслабляющее забытие.

— Габриэлла? Габриэлла, проснись.

Мои глаза не слушались мозга, который приказывал им открыться. Я слышала, как Пэкстон зовет меня по имени, просто не могла выйти из своего коматозного состояния.

— Габриэлла, — повторил он снова, на этот раз дергая меня за плечо.

— Что? — спросила я, приоткрыв глаза совсем немного, когда лампа у кровати зажглась. Яркий свет не давал мне рассмотреть его. Я видела только одно черное пятно, но знала, что это был он. Его запах окутал меня, пока глаза закрывались из-за непрошеного света.

— Проснись. Нужно поговорить.

Я посмотрела на неоновые числа в противоположной стороне комнаты сквозь маленькую щель между век.

— Сейчас? Сейчас два часа утра.

— Знаю, но я должен кое-что сказать.

— Ладно, что?

— Я не знаю, — сказал он, садясь на кровать, убирая мою ногу с пути. Его голова опустилась на руки, и пальцы сжали волосы на затылке.

— Ты разбудил меня в два часа ночи, чтобы поговорить, но не знаешь, что хочешь сказать? — спросила я, сбитая с толку, почувствовав, как мое лицо нахмурилось. Я повернулась на бок и приподнялась на локте.

— Я посмотрел его.

— Ты посмотрел его? — переспросила я. Я понятия не имела, что он там посмотрел. Абсолютно.

— Да, твоя подруга прислала тебе письмо. Ник загипнотизировал тебя.

— А, это. Да.

— Это правда, Габриэлла. У тебя действительно есть сестра-близнец. Она была с тобой. Где она?

Грусть мгновенно охватила меня, когда я вспомнила, как я рассказывала ту историю, а слезы струились по моему лицу, умоляя ее не умирать.

— У нее есть сын.

— Я слышал. Я не знаю, что чувствую сейчас. Тебе было так больно не из-за полученных травм. Из-за нее, правда?

— Да. Она провела несколько часов на улице, убеждая себя постучать в дверь. Почему она просто не сделала этого? — задала я мучивший меня вопрос, и слеза скатилась по моей щеке.

— Где она, Габриэлла? — снова спросил Пэкстон. Его решимость была сильнее моей.

— Я не знаю. Согласно моему подсознанию, последнее, что я помню, это хруст ветки и то, как я прикрыла лицо, увидев это. Не знаю, что произошло после этого, клянусь, не знаю, Пэкстон.

— Я верю тебе, но она была с тобой. Где, черт возьми, она?

Я пожала плечом, теребя атласный уголок простыни.

— Я перебрала уже все варианты. Ее смыло в реку. Крокодилы съели ее. Кто-то нашел ее и похитил. Ее унесло течением в море, и акулы полакомились ее плотью. Я не знаю, что произошло с ней.

— Ты искала записи? Какую-то Джейн Доу того времени?

— Ми искала. Пока ничего не нашла. Много было пострадавших за те несколько дней после шторма.

— Он был такой сильный, Габриэлла. Так резко начался и так сильно. Я прожил во Флориде всю свою жизнь и никогда не видел подобного шторма. Я знал, что ты была где-то там. Девочки тоже это знали. Они были напуганы до смерти. Я был напуган до смерти. Ты даже представить не можешь, какую злость и облегчение я почувствовал, когда получил тот звонок. Я не знал, что с тобой произошло.

— Ты думал, что я с Лейном, не так ли?

— Ты бы тоже так думала.

— Но я не была с ним.

— Знаю. Почему ты не рассказала мне о ней?

— Не знаю, Пэкстон. Я едва ли помню ее. Даже не помню, просто знаю, что она была частью меня, и я безумно любила ее. Помнишь, когда я рассказала тебе о сне, в котором меня отвезли в какую-то студию и сделали снимки?

— Да, ненавижу эту историю.

— Иззи была со мной. Мы обе стали жертвами. Я вижу подобные вещи, словно фильмы о маме, Иззи и себе, но не могу назвать их воспоминаниями. Она реальна, она мой близнец, и я не знаю, где она.

Пэкстон со стоном откинулся назад на мои ноги. Он провел руками по лицу, словно это могло помочь ему забыть все, затем повернулся ко мне с

серьезным выражением лица и сконцентрированным взглядом.

— Ты хочешь этого? Ты хочешь этого со мной, Габриэлла?

Мне, если честно, не приходилось думать об этом. Я хотела. Как бы безумно это не звучало в моей голове, я хотела его. Я любила его.

— Да, — призналась я тихим голосом.

— Тогда нужно выложить все карты нам обоим. Я хочу знать, откуда ты взялась.

— Да, не думаю, что ты этого хочешь, но ради интереса, мне бы тоже хотелось узнать о тебе. Я знаю о тебе столько же, сколько и ты обо мне, а мы ведь женаты. Как такое вообще может быть?

Пэкстон симитировал мой голос, украв мои же слова.

— Да, не думаю, что ты этого хочешь, но ради интереса, давай начнем с тебя.

— Конечно, и никогда не доберемся до тебя, да?

— Что знает Ми?

— Не знаю. Я встречаюсь с ней завтра в парке за завтраком.

— Мне нужно быть на работе в семь. Я не договаривался с Тришей.

— Я возьму их с собой, затем мы поедем за покупками для школы. У нас осталось две недели до начала учебного года.

— Ты не повезешь их на встречу со своей подругой. Не хочу втягивать их в весь этот кавардак.

— Хватит говорить об этом так. Иначе из этого ничего не выйдет.

— Лотос растет из болота.

Мое выражение лица нельзя было не заметить.

— Что?

Пэкстон закачал головой, словно сам не мог поверить в то, что сказал это.

— Ничего, просто какая-то глупость, которую ты говорила девочкам.

— Из самой грязной воды вырастает лотос, нетронутый грязью из которой прорастает.

— Глупо, да? — улыбнулся он, приподнимаясь на локте над моими ногами.

Тишина опустилась на нас, когда мы встретились взглядом впервые за время его нахождения здесь, и я прошептала:

— Поцелуй меня.

Что-то пало в ту ночь с моей груди. Мне стало легче, и впервые с нашей поездки в Дисней мне показалось, что все будет хорошо. Словно мы можем справиться с этим, если будем вместе. Что бы не предвещало будущее, что бы не таило прошлое, мы могли преодолеть это, пока будем

вместе. Я знала, что мы могли.

Наш поцелуй начал перерастать в большее, и я понимала, к чему это приведет, когда он вытащил из меня тампон и сам скользнул внутрь. Мне было плевать на причину влажности между нами, мне было плевать на простыни, и мне было плевать, что это было противно. Все было не так. Совсем по-другому. Целиком и полностью. Пэкстон занимался со мной любовью, не обращая внимания ни на что между нами. Это было потрясающе, нечто красивое, что я разделяла с мужчиной, любить которого не должна была. С мужчиной, за которого была готова умереть. Пэкстон держал мое сердце и душу в своей руке. Он вторгся в мое пространство, в меня, и я ничего не могла с этим поделать. Я была влюблена.

Увидев время на телефоне, я резко поднялась. Было уже восемь тридцать. Ми ждала меня в парке через полчаса, а я еще даже из кровати не выбралась. Я подскочила, приняла двухминутный душ и оделась. Мысль о том, что Триша была с моими девочками в моем доме, пронзила меня, словно ружье с заряженными яростью пулями. Пэкстон сказал, что не позволит мне взять их с собой. В этом я была уверена. Еще я была уверена в том, что он сказал ей дать мне выспаться. Придурок.

Глава седьмая

У меня аж закружилась голова, когда я услышала крик. Крик, который вызвал мгновенную улыбку на лице. Что бы это ни было, видимо, Офелия получила этот предмет первая. После быстрого двухминутного душа я оделась в самостоятельно выбранные шортики и свободную футболку, нанесла легкий макияж, просунула ноги в кожаные шлепки и пошла на запах какой-то выпечки и...

— Пэкстон?

— Мамочка!

— Мамочка!

Оба моих Клайда соскочили со своих табуретов и побежали ко мне. Я быстро взглянула на него, улыбающегося и переворачивающего блинчики то ли с голубикой, то ли с шоколадными чипсами. Я в замешательстве закачала головой и перевела все свое внимание на маленьких девочек, тут фруктовый запах и достиг моего носа. Голубика.

— Привет, малышки, — обратилась я к ним, обеими руками гладя их длинные мягкие волосы, одни светлые, другие темные.

— Я видела ее ночью, а ты нет, — похвасталась Роуэн, пытаясь незаметно толкнуть сестру локтем.

— Я тоже видела.

— Не-а, потому что ты не знала, что она здесь. А я знала.

— Перестаньте, — прервала их я. — Я видела вас обеих. Кто хочет пойти в парк? Доедайте свой завтрак, нам пора.

Я взглянула на ухмылку на лице Пэкстона и увидела, как он подмигивает правым глазом. Он что-то задумал, и он знал, что я это заметила. Я хотела, чтобы он понял это и по моему выражению лица. Это, конечно, не имело значения, но все же.

Роуэн первая выболтала его секрет.

— Но нам придется подождать. Папочка сказал, что твоя подруга придет сюда скоро.

Я даже не удивилась. Ни капли. Раздраженная, но не шокированная. Я поцеловала обе их головки, когда они вновь уселись на свои табуреты, обратно к своим блинчикам с голубикой, довольные тем, что их мамочка была дома. Я подняла голубой карандаш и четвертак с пола, наблюдая за Пэкстоном через сощуренные глаза. Голубой карандаш отправился в кучу к остальным цветам на кухонном острове, а монету я положила ему в руку.

— Это за прошлую ночь. Что ты на этот раз сделал? — спросила я, отворачиваясь от его губ.

Пэкстон засмеялся, когда промахнулся, поцеловав угол моего несговорчивого рта своими липкими губами. Я высунула язык, пробуя вкус кленового сиропа, пока он проговаривал тихие слова мне в шею.

— Господи, что же мне придется сделать за доллар?

Возможно, я слегка улыбнулась, хотя и не хотела, ведь я была серьезной. Пыталась, по крайней мере.

— Что ты сделал, Пэкстон? Я думала, ты должен быть на работе? — спросила я, наблюдая, как он перекладывает блин на тарелку.

— Я сделал тебе блинчик любви. Смотри, это сердце.

Я перевела взгляд на тарелку в своей руке и смущенно уставилась на нее, склонив голову и сощуриив глаза.

— Похоже на опоссума.

Это определенно заставило меня улыбнуться. Самой большой улыбкой. Обе девочки истерически засмеялись над попыткой их отца сделать сердечко.

— Не похоже. Это сердце.

— А что это за длинный хвост?

— Это не хвост. Это стрела. Неважно, иди ешь своего опоссума.

Я настороженно наблюдала за ним, взяв телефон в руку, и открыла сообщения. Я закачала головой, прочитав их, в последнем был адрес нашего дома.

Гэбби: Эй, приезжай ко мне домой.

Ми: Почему? Что насчет твоего мужа?

Гэбби: Он тоже хочет поговорить с тобой.

Ми: Это ведь не Гэбби, так?

Гэбби: Возможно, но я не дам ей встретиться с тобой в одиночку.

Мы женаты.

Ми: Да, я слышала. Бедная девочка.

Гэбби: Я не изверг.

Ми: И это говорит парень, который упек свою жену за решетку, так что-о-о-о...

Гэбби: LOL Ты мне нравишься. Приезжай к девяти.

Ми: Я приеду только из-за Гэбби, не из-за тебя.

Гэбби: Хорошо, так что-о-о-о увидимся в девять.

— Я правда ненавижу тебя, — призналась я, пронзая блинчик в виде

опоссума вилкой и проворачивая ее.

— Это больно, — сказал он, приложив руку к своей груди, и, дважды постучав по ней, улыбнулся. Той сексуальной ухмылкой, которую я ненавидела.

— Что ты тут делаешь? Ты сказал, что будешь занят.

— Так и должно было быть. Это все из-за тебя. И если парни облажаются с планировкой, злость я вылью на твоей попке.

Я удержалась от реакции на эту угрозу, тайно надеясь, что его парни напортачат.

— Мм, настоящая голубика. Я впечатлена. Ты рецепт в гугле нашел?

Он указал носом в сторону девочек и их спора. Блинчик Офелии был больше, а у Роуэн было больше ягод.

— Да, именно. Они ходили со мной в магазин. Обе уверяли меня, что их мама не покупает замороженную голубику. Только органически выращенную. Ты такая странная.

Моя идея ответа изменилась при его последних словах. Я думала похвалить девочек и сказать что-то о его игнорировании моего вопроса, что он задумал что-то. Но вместо этого я со смехом выдала:

— Подожди, пока познакомишься с Ми.

— Ми странная?

— Мамочка, у меня зуб шатается. Смотри, — объявила Роуэн из другого конца комнаты, привлекая мое внимание к себе, вместо моего упрямого мужа.

— Увидишь, — ответила я Пэкстону и пошла к девочкам. Боже, я соскучилась по ним.

Мой блинчик был безумно вкусный, и я поверить не могла, сколько всего пропустила менее чем за неделю. Клянусь, они росли все быстрее с каждым днем. Роуэн не лгала, ее передний зуб должен был выпасть в ближайшие пару дней. Офелия разбила коленку, и я ужасно себя чувствовала. Это была не царапина, которую стоило только поцеловать, заклеить лейкопластырем и сразу станет лучше. В этот раз она сильно поранилась и, без сомнений, очень плакала. Она плакала, а меня не было рядом. Это привело меня в ярость. Теперь у них обеих были новые плюшевые игрушки из фургона-зоопарка. Я слушала в пол уха, что это вообще за фургон такой, наблюдая за Пэкстоном. Какой-то автобус приезжал к библиотеке, заполненный животными, выручка с продаж которых отправлялась в зоопарк. Я не удивилась выбранной Роуэн кошке. Она годами просила завести котенка. Но у Пэкстона аллергия, ну, или так он говорил. Но я смеялась, когда Фи сказала, что она выбрала рыбку. Из

всех животных зоопарка мои девочки выбрали кошку и рыбку. Офелия побежала за своей новой рыбкой, в то время как Роуэн начала спор.

— Моя кошка лучше, потому что она может съесть твою рыбку.

Конечно, Фи остановилась.

— Нет, не может. Моя рыбка больше твоей кошки. Моя рыбка съест твою кошку.

— Рыбы не едят кошек. Кошки едят рыб.

— Некоторые рыбы едят. Акула может съесть кошку.

— Кошки не плавают в океане.

— О, боже мой. Хватит. Иди, принеси свою рыбку, — сказала я, осознав, что их спор может длиться еще долго. Часами. Днями. Неделями.

— Твоя кошка могла выпасть с корабля, — прокричала Фи. Точная копия своего отца. Клянусь, эта девчонка никогда не даст Роуэн сказать последнее слово.

Мы с Пэкстоном обменялись взглядом, когда зазвонил дверной звонок.

— Это твоя подруга? — спросила Роуэн.

Я положительно ответила, негодуя, качая головой на Офелию, когда услышала голос Ми. Пэкстон первый отчитал ее, а не я. Я стояла на месте, пытаюсь показать Ми взглядом, как сильно я извиняюсь за своего мужа-идиота. Она поняла меня, я увидела это в ее глазах.

— Офелия Доун Пирс. Больше не делай этого. Тебя ведь учили. А если бы это был плохой человек, и он хотел бы ворваться к нам в дом? — спросил он строгим тоном, приподнимая рукой ее подбородок, чтобы она смотрела на него.

— Но это не плохой человек, это она.

— Ты этого не знала. Не открывай двери незнакомцам. Поняла меня?

Фи посмотрела на него щенячьим взглядом и произнесла грустным тоном:

— Да. Я больше не буду.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-то случилось. Хорошо? — сказал он, попавшись на ее уловку. Его голос смягчился с каждым словом. И именно поэтому мне всегда приходилось быть строгим родителем. Он таял, как шоколад в ее руке.

— Привет, Ми. Входи. Это Офелия и Роуэн, а это мой любезный муж Пэкстон, — сказала я, приглашая ее жестом в дом и представляя ее моей семье.

Ми проигнорировала Пэкстона и наклонилась к Роуэн и Фи, пожимая их маленькие ручки, взяв их по одной в каждую свою руку.

— Я так много слышала о вас. Очень приятно познакомиться с вами.

Роуэн не ответила. Она просто увернулась, не отреагировав.

Но с назойливой Офелией другая история, она вовсе не стеснялась.

— Мне нравится твое ожерелье, — сказала она, взяв ее кристалл в руку.

— Спасибо. Я не знала, какую энергию застану в вашем доме. Кристаллы защищают меня от плохой энергии.

Я поджала губы, когда взгляд Пэкстона резко метнулся ко мне.

— Что. За. Черт? — проговорил он одними губами, без единого звука.

— У нас тут хорошая энергия, — уверила Фи Ми.

Я улыбнулась ее уверенности. Словно она знала все, что нужно знать об энергии в нашем доме. Уверена, она раньше об этом даже не слышала.

— Санта принес нам в прошлый раз кристальные ожерелья, — проговорила Роуэн.

— Правда? — спросила я, переводя внимание на Пэкстона.

Он пожал плечами и указал на меня, давая понять, что это я купила их. В тот момент они что-то значили для меня, но я не знала почему. Может, мне просто понравилась мысль о покупке им того, что, предположительно, должно защищать их от зла.

— У вас очень хорошая энергия. Я удивлена, — сказала Ми, посмотрев на Пэкстона. Она осмотрела его с головы до пят, пока он смотрел на меня в замешательстве.

— Хорошо, девочки. Помните, о чем мы говорили? Вы пойдете репетировать ваш танец для концерта, не ругаясь, а мама и папа поговорят с Ми. Хорошо?

— Мы тоже хотим поговорить с Ми.

Ми убрала волосы Офелии ей за спину и улыбнулась.

— Давайте сделаем вот что. Вы позволите нам поговорить немного о взрослых вещах, а я потом научу вас фокусу. Согласны?

— Настоящему волшебному фокусу? — спросила Роуэн, проявив интерес.

— Да, и вы сможете показывать его всем своим друзьям, но только нельзя рассказывать им волшебный секрет. Только вам можно знать, как он делается. Хорошо?

Мне понравилось, как Ми общалась с моими девочками. Мгновенная связь, в отличие от моих притворных соседей, и она понравилась им.

— Хорошо, — согласились они в унисон.

Мы все смотрели им вслед, пока они убегали вприпрыжку из комнаты, счастливые, что выучат фокус, когда вдруг моя копия обернулась. Офелия внезапно остановилась и повернула ко мне свои взволнованные глазки.

— Ты ведь не уйдешь, да, мамочка?

Боль пронзила меня в самый центр сердца, и я снова возненавидела Пэкстона.

— Нет, детка. Я обещаю.

Она улыбнулась и убежала за своей сестрой.

— Черт, — проговорила Ми, услышав те же тревожные нотки в голосе Фи.

— Я ненавижу тебя, — произнесла я, метнув взгляд в Пэкстона.

По выражению его лица было видно, что он сам себя ненавидит. Ну и хорошо. Глупый мудака.

— Пройдемте на патио, — предложил Пэкстон, указывая в сторону французских дверей, и Ми пошла первая. — Ты сказала, что она странная, а не сумасшедшая, — прошептал он.

Я толкнула его локтем, сдерживая смех.

— Давайте сядем на той стороне, чтобы мы могли видеть девочек.

— Нет, они будут тут через две минуты, — высказался Пэкстон.

Я повернулась и наградила его холодным взглядом.

— Меня это устраивает, — я правда была не против. Я не хотела терять их из виду, но он тоже был прав.

Не прошло и тридцати секунд, как мы сели, а Фи открыла дверь.

— Мы закончили. Можно нам теперь поиграть на улице?

Я посмотрела на Пэкстона, и он ответил.

— Вы не тренировались. Можете пойти на качели.

— А в песочницу? — спросила она.

— Песочница прямо перед качелями.

— Ты сказал, что мы можем пойти только на качели.

— Офелия, — произнес он тоном, который, как она знала, означал конец разговора. Она перестала себя вести, как он, и побежала к большой игровой площадке, которую Пэкстон построил на нашем заднем дворе. Он не мог сделать обычную. На этой было все, что только приходило на ум. Достаточно, чтобы занять их, пока мы будем вести беседу, из-за которой я была на грани нервного срыва.

— Что, Ми? Что тебе известно?

— Во-первых, вы должны поклясться, что не позвоните Нику и не донесете на меня.

— Конечно, я этого не сделаю. Ты единственная моя подруга во всем мире.

Пэкстон толкнул мою ногу коленом и посмотрел на меня с... любовью? Что за черт?

— Я твой друг, Габриэлла.

Я снова толкнула его, посмотрев ему в глаза, и убедила его в обратном. Это было сказано легкомысленно, но с уверенностью. Он понял смысл, благодаря упоминанию Офелии о том, что я оставила ее.

— Ты мне не друг.

Он искренне улыбнулся мне, но я на это не купилась. Я была зла. Вместо этого я повернулась к удивленной Ми.

— Что?

— Я просто, я... я не уверена больше, хорошая ли это идея.

Я нахмурилась, сбитая с толку.

— Что ты имеешь в виду?

— То есть, я не ожидала этого. Я думала, ты ненавидишь его. Я думала, что помогу тебе вспомнить что-то из твоего прошлого. Я больше не уверена, хорошая ли это идея, может, мне стоит просто уйти.

Я наградила ее таким взглядом, будто я только что съела кислый лимон.

— Что? Ты с ума сошла? Я правда ненавижу его. Ты должна сказать мне. Что значит «что-то из моего прошлого»?

Грудная клетка поднялась от втянутого воздуха, и она посмотрела на Пэкстона, затем снова на меня.

— Мы можем сначала поговорить наедине?

— Это бессмысленно. У него везде камеры.

Пэкстон не стал лгать, хотя я думала, он будет отпираться. Он усмехнулся и указал на одну из камер наблюдения над нашими головами, прямо в углу, напротив Ми.

— Просто скажи мне, Ми, пожалуйста.

Она опустила взгляд на свои ногти, когда начала говорить.

— Хорошо, но я не хочу, чтобы у вас появилось еще больше проблем. Вчера утром мы с Ником поссорились, и я хотела извиниться перед ним. Я заехала к нему в офис с его любимым сэндвичем и услышала их с Лейном разговор. Только поэтому я стала подслушивать. Он сказал Лейну, что те видео не могут попасть в чьи-то руки ни при каких обстоятельствах, что файлы находятся на его старом ноутбуке, которым он больше не пользуется. Лейн сказал, что ему все равно, и он хотел, чтобы Ник уничтожил видео. Конечно, я поняла, о каком ноутбуке он говорил. У нас в шкафу лежит два. Он все время повторяет, что перенесет с них файлы, и мы сможем выбросить их, но никак не сделает этого.

— Какие файлы? — спросила я, нахмутив брови.

— Я не смотрела их. Открыла только первое и просмотрела всего

несколько минут. Затем я отправила их на свой имейл, чтобы переслать тебе.

Я знала ответ еще до того, как задала вопрос.

— Что это за видео? На них я?

— Да, в кабинете Ника.

— Почему я находилась в кабинете Ника?

— Я не знаю. Как я и сказала, я посчитала это не своим делом. Я не смотрела их.

— Перешли их ей на имейл, — приказал Пэкстон.

Я ожидала, что Ми размажет его доминирующее эго.

Она посмотрела на него именно так, как я думала. Надменно.

— Прости? Повтори, кто ты? Наверно, ты и это контролируешь. Да?

— Пришли их мне, Ми, — сказала я, не желая начала перепалки между Ми и Пэкстоном. Это может продолжаться часами, как и между Роу-Роу и Фи.

— Ник не может узнать об этом.

— Ссора была из-за меня?

Она перевела от меня взгляд, давая понять, что так и было.

— Да, но ты знаешь, что я не брошу тебя. Я не собиралась бросать тебя на растерзание львам. Вот только я не понимала, что он на самом деле просто кот.

— Что это, черт возьми, значит? — ответил Пэкстон, встав на дыбы, когда Ми подавила его эго.

— Это значит, что ты любишь ее. Я читаю людей по окружающей их энергии. Он не плохой парень, Гэбби, просто чертовски глуп, — сказала она, ее глаза смягчились, переключаясь между Пэкстоном и мной.

И вдруг он выпустил свои когти с внезапной реакцией.

— Ты не знаешь меня. Ты ничего обо мне не знаешь.

— Успокойся, тигр. Мне не нужно знать тебя. Вот, вам нужна пара гематитов, — сказала Ми. Она достала свою косметичку из сумочки, надетой на плечо, и вытащила оттуда тканевый мешочек. С этого мешочка мне улыбался Патрик из мультфильма «Губка Боб». Это ведь Ми. Пэкстон посмотрел на меня взглядом, говорящим, что моя подруга слетела с катушек, пока мы слушали, как в этом мешочке стучат камушки. Камни. Ми носила мешочек с камушками в своей сумке. Она точно была сумасшедшей.

Девочки осторожно подошли к нам, поглядывая на отца, чтобы знать, придется ли им убегать. Я подняла руку, разрешая им подойти. Мы не говорили ни о чем, что им нельзя слышать. Не раскрывались никакие тайны. Ни единой. Сначала мне нужно было подождать. Я смотрела, как

Ми положила что-то в одну руку, продолжая другой искать в мешочке остальные камни. Ну и ну.

— Это магнитные гематиты. Они всегда должны быть вместе. Если я дам вам по одному, вы обещаете соединять их вместе? Хотя бы раз в день? Если вы будете делать это, они никогда не потеряют своей силы, и вы всегда будете вместе. Можете сделать это? — спросила Ми девочек, которые стояли с широко раскрытыми глазами и открытыми руками, кивая в согласии. Ми рассоединила пару камней и протянула им, не сводя с них сосредоточенного взгляда. — Этот зовет к тебе, а этот к тебе, — объяснила она, кладя камушки им на ладони.

Роуэн и Фи осмотрели черные самородки в их руках и последовали инструкции Ми.

— Соедините их.

Магнетические камушки клацнули, соединяясь с большой силой, и девочки наблюдали за этим с восторгом, только я не понимала почему. У нас по всему холодильнику висели магнетики. Они уже были знакомы с этим минералом.

— Вау, это магия, — воскликнула Роуэн.

— Нет, это не магия. Смотрите, — сказала она, доставая еще два камушка, по одному в каждой руке. — Какой из этих камней зовет к тебе, Пэкс?

Я оглянулась, ожидая увидеть злость в реакции на прозвище. Ошеломленная, я наблюдала, как он сконцентрировался на двух камнях, выбирая.

Пэкстон взял один камень с руки Ми, и она протянула мне второй. Тот, что был поменьше. Его это было слишком большим, чтобы выбрать меньший камень.

— Не удивлена, что ты выбрал именно этот, — призналась она, разделяя камни Роуэн и Фи. — Вот магия, — сказала она чудаческим голосом, окончательно втягивая моих девочек в ее странные верования.

Ми порылась в сумочке, доставая сделанный вручную брелок для ключей.

— Поднесите камни к нему, — проинструктировала она девочек.

— Они не цепляются, — сказала озадаченная Фи.

— Правильно, потому что они недостаточно сильны по отдельности. Теперь поднесите их к камню вашей мамы.

Девочки улыбнулись, когда все три камня соединились. Ми попросила Пэкстона следующим попробовать поднести свой брелок к его камню. Он был достаточно сильный, чтобы притянуть его, когда Ми расслабила руку.

Девочки восхищенно ахнули, пока Ми объясняла, что у их папы самый сильный камушек, но все их нужно соединять хотя бы раз в день, чтобы перезаряжать, и чтобы наша семья оставалась сильной. Она говорила драматичным голосом, соединяя наши руки, позволяя камню Пэкстона собрать все наши вместе.

Конечно же они сцепились. Это были магниты. Четыре руки держали четыре камня, соединяя их вместе, но без всех четырех маленькие не хотели держаться за колечко.

— Вот это магия, — прошептала она.

— Никакого давления, — пробурчал Пэкстон, пряча свой камень в карман джинсов. — Ты пришлешь те файлы? У меня нет времени сидеть и обсуждать камни. У меня есть работа.

Ми проигнорировала его и продолжила говорить с девочками, которые соединяли свои камушки.

— Вы можете хранить их где-то в безопасном месте. Просто убедитесь, что будете соединять их каждый вечер перед сном, хорошо?

— Хорошо, — согласились девочки. Я улыбнулась тому, как такие пустяки могли увлечь их. Такие простые вещи.

— Молодцы. А теперь разрешите мне немного поговорить с вашими родителями?

Роуэн и Офелия убежали со своей магией, счастливые и довольные.

— Это не магия, — убедил ее Пэкстон, внося свою ложку дегтя в бочку меда. Но на меня это не подействовало, и, учитывая поведение Ми, ее это тоже не задело. Для меня это была магия, как и для девочек. Я знала, что они никогда не потеряют свои камушки.

— Да, я не собиралась этого делать. Я хотела научить их вытягивать четвертак из-за уха. Какой твой знак?

Пэкстон нахмурился.

— Прости?

— Думаю, стрелец или скорпион, как я.

— Он скорпион, — проболталась я, не зная почему. То есть, я читала эти глупые гороскопы в газете каждое утро, но не считала это более чем просто развлечением.

— Так и знала. Скорпионам никогда не стоит жениться. Они слишком жестоки и манипуляторы. Вспыльчивые и холодные, скрытые и мстительные. Едва ли эти черты хороши для брака. Думаю, все скорпионы должны получить хороший пинок под зад, прежде чем разрешать им жениться. Мы очень верные и любящие, но большинству из нас нужно сначала хорошенько выбить эти отрицательные черты. Обычно нас

притягивает к слабым. Я удивлена, что у тебя столько воли рядом с ним, Гэбби. Я не ожидала этого. Я была уверена, что в его присутствии ты будешь слабой.

Не знаю почему, но мне было так приятно слышать от нее это. Все равно Пэкстон не повелся на ее безумные слова. Но она была вполне права в описании его. Я даже видела в ней немного этих черт, в том, как она вела себя с Ником. Счастливая версия Пэкстона.

— Мне пора работать. Приятно было познакомиться, — сказал Пэкстон с кивком головы.

Я смотрела, как он уходит, понимая, что направляется он в кабинет, а не на место работы. Он бы поцеловал девочек и попрощался бы с ними.

— Это правда камера? — спросила Ми, вытянув шею и прищурившись, направив взгляд в хорошо скрытую камеру.

— Все ради моей безопасности, — ответила я саркастически.

— Точно. Мне не стоило приходить, Гэбби. Тебе здесь хорошо. Я правда верю в это. Думаю, у вас с Пэкстоном все будет хорошо, если вы просто поговорите. Ты должна сказать ему, что ты думаешь. Он не умеет читать мысли.

— Да, вот только у нас не такие отношения.

— Нет, такие. Он без ума от тебя. Он не может ясно думать, настолько он влюблен в тебя.

Ми была сумасшедшей. Я не видела того, что видела она.

— Я провела ночь в тюрьме. Ты помнишь это? Я та сумасшедшая, которая умоляла твоего парня загипнотизировать меня.

— Да, хорошо. Ты права, но... Мне кажется, он сожалеет, будто знает, что зашел слишком далеко. Просто хочу сказать, что не думаю, что тебе стоит смотреть те видео. Лучше притвориться, что их никогда и не было.

— Но почему? Я не понимаю, Ми.

— Слушай, по тому, что я поняла из разговора Ника и Лейна, эти видео очень подробны. Как то, где ты описывала свою аварию. Думаю, там кроется какая-то тайна. Тайна, которую лучше оставить в прошлом. Езжай, забери своего племянника и забудь о видео.

Я опустила взгляд, сделала глубокий вдох, наполняя легкие влажным воздухом, и снова посмотрела на нее.

— Я не могу. Что, если там есть что-то о моей сестре? Мне нужно посмотреть их. Это может быть единственным способом узнать что-то о моем прошлом. Мне нужно это.

Я слышала, как она тяжело вздохнула, наполняя легкие тем же воздухом.

— Хорошо, но я буду присылать их по одному. Таким образом решать будешь ты, а не он, — сказала она в камеру в углу. — Я не отправлю следующее видео, пока не услышу от тебя. Просто напиши кличку моей собаки, и я пришлю следующее. Он ее не знает. И также я считаю, что тебе стоит посмотреть их вместе с Пэкстоном. Я все еще думаю, что это лучше оставить в прошлом и продолжать жить, но, если ты настаиваешь, по крайней мере, раздели эти тайны со своим мужем. Нельзя построить благоприятную среду на лжи. Просто говорю.

— Сколько их там?

— В папке семь файлов. Они подписаны сессиями. От одного до семи.

— Не знаю, что бы я делала без тебя, Ми. Спасибо. За все.

— Ты не можешь возненавидеть меня, если то, что ты увидишь, не понравится тебе. А тебе это явно не понравится.

— Я должна увидеть их.

Ми кивнула, словно знала, что это будет моим ответом. Она осталась на обед, и Роуэн и Фи с большим вниманием слушали каждое ее слово и следили за всем, что она делала. Они полюбили ее, ее безумие, и я была чрезмерно рада этому. Никогда я не видела, чтобы мои соседи разговаривали с девочками, как это делала она. Она окружила их обеих заботой так, будто знала их всю жизнь.

Ми пообещала прислать файл к девяти, чтобы у нас было время обсудить с Пэкстоном наши проблемы, пока девочки будут спать. Это испугало меня. Она убедила меня, что уже самое первое видео будет не самым приятным. Только этого мне не хватало помимо всего прочего. Еще больше масла в разразившийся вокруг нас пожар.

Я пыталась занять себя девочками, приготовлением новой запеканки с брокколи, а после поиском на планшете, пока девочки смотрели «Холодное сердце» — снова. Пэкстон сидел в своем кабинете за столом, все время встречаясь со мной взглядом, или это я встречалась взглядом с ним. Я так же часто смотрела на него, как и он на меня.

Как раз после одной такой встречи взглядами кое-что на планшете привлекло мое внимание. Я просматривала старые газеты времен моей аварии, когда нашла то, что искала. Бездомная Джейн Доу, принятая в ту же больницу, что и я, только три дня спустя. Стук из груди отдавался эхом в ушах, когда я думала об этом.

— Ты куда идешь, мамочка? — спросила Роуэн, когда я встала.

Я приложила палец к губам и указала на ее спящую сестру, прошептав ответ.

— Поговорить с папочкой минутку. Смотри фильм и отдыхай.

— Хорошо, я подержу ее камушек, пока она спит.

Одобрением для нее стало подмигивание и улыбка.

Пэкстон как раз отодвинулся от стола к канцелярскому шкафу, когда я вошла. Я приняла это, как приглашение, и села ему на колени, притягивая свое колено к груди.

— Посмотри на это, — сказала я, заметив при этом удивленное выражение на его лице. — Что не так? — Я перевела взгляд на его пальцы, осторожно схватившие меня за лодыжку, и обратно на его глаза. Его удивленные глаза. Что за черт?

— Ничего. Что ты хочешь?

Я расслабила позвоночник, изо всех сил пытаюсь скрыть улыбку. Это было серьезно. На этот раз никаких игр. Тем не менее, я улыбнулась.

— Слишком интимно для тебя?

— Нет, заткнись. Что ты хочешь?

И снова мой позвоночник выпрямился, и я вновь осознала серьезность своей находки.

— Эту девушку приняли в ту же больницу три дня спустя после меня. Я вспомнила, что одна из медсестер говорила мне о девушке, за которой никто не пришел. Ее отправили в лечебно-реабилитационный центр или что-то в таком роде. Я была зла, слишком зла на нее за то, что она дала тебе забрать меня, и не придавала этому значения.

Пэкстон проигнорировал мой последний комментарий и просмотрел статью.

— Сорокалетняя бездомная женщина?

— Что, если ей не было сорока? Помнишь, как я описывала Иззи Нику? Она сильно пострадала. Что, если они не знали? Мы можем хотя бы проверить?

Пэкстон смотрел на меня, думая о том, что я хотела до него донести. Поворачивая стул, не спуская меня с колен, он открыл папку на своем ноутбуке одним пальцем. Я смотрела, как он открывал больничные записи, пролистывая инструкции, с которыми меня выписывали. Его палец скользил по странице, пока обе наши пары глаз сканировали слова.

— Это была та милая медсестра, что тебе так нравилась?

— Да, что ты делаешь? — наконец спросила я, гадая, как с этим были связаны мои больничные записи.

— Я позвоню ей.

— Джули Шел?

Его рука мертвым грузом опустилась на клавиатуру, а глаза метнулись ко мне.

— Ты помнишь ее имя и все равно даешь мне искать его на протяжении десяти минут?

— Ты не спрашивал, — огрызнулась я.

Его голова склонилась на бок, и он зарычал, как медведь гризли, мрачным рыком где-то в глубине горла.

— Что? Ты не спрашивал.

Пэкстон разблокировал свой телефон и набрал номер больницы. Я была удивлена увидеть этот номер в его контактах. Не видела, чтобы он звонил туда и узнавал о моем самочувствии.

— Пятый этаж, пожалуйста, — сказал он в телефон, сощутив глаза на меня.

Мое сердце затрепетало от адреналина, когда я поняла, что сейчас произойдет. По какой-то причине я знала, что это была она. Чувствовала, называйте это близнецовой связью, но это так. Где-то в глубине. Внезапно мне понадобилось выпить воды, так как в горле пересохло, и я подумала о вероятностях.

— Отделение интенсивной терапии на линии, это Джули.

Я передвинула телефон Пэкстона ближе к моему уху, и прислушалась к каждому слову. Он раздражительно посмотрел на меня, но не остановил.

— Здравствуйте, как раз Вы мне и нужны. Я не уверен, помните ли Вы меня. Это Пэкстон Пирс. Моя жена была у вас весной.

— Конечно, я помню вас. Как Габриэлла?

— Она в порядке, но она узнала несколько вещей, на которые пытается найти ответы.

— Ох, я надеялась, что вы скажете, что к ней вернулась память.

— Пока нет, но мы уверены, что ее сестра была с ней во время аварии. После происшествия она пропала. Габриэлла нашла статью, где сказано о женщине, поступившей через три дня после нее. Она сказала, что вы говорили ей о девушке, которую отправили в реабилитационный центр, потому что не нашли ее родственники. Мы уверены, что она очень сильно пострадала, возможно до неузнаваемости.

Мое сердце остановилось, когда настала пауза.

— Хотелось бы мне сообщить вам хорошие новости. Ту даму сбил автобус, это темнокожая женщина потеряла память. Мне жаль.

Мое тело расслабилось на коленях у Пэкстона, пока он благодарил ее и прощался. Вот вам и близнецовая интуиция.

— Мне жаль, Габриэлла, — сказал Пэкстон, обнимая меня — милая попытка улучшить мое самочувствие.

— Все хорошо. Я продолжу искать, — ответила я грустно.

— Думаю, у меня есть кое-что, что заставит тебя почувствовать себя лучше.

— Я не доверяю тебе.

Хоть это не должно было быть смешно, Пэкстон засмеялся.

— Кое-кто из госдепартамента приедет сюда через три дня, чтобы осмотреть дом.

Я нахмурилась и отстранилась немного.

— Госдепартамента? Зачем им осматривать наш дом?

— Они хотят удостовериться, что мы можем позаботиться о Вандере. Ну, знаешь, убедиться, что мы сможем его обеспечить и прочее.

Я встала от этих слов, чувствуя, будто из моих легких выбили весь воздух.

— Что ты имеешь в виду?

Он сказал это так, будто просто сообщил, что у нас закончилось молоко.

— Мы заберем Вандера.

Я не была готова купиться на это.

— Я не верю тебе, — повторила я. И опять я не пыталась шутить. Я не понимала эту сторону Пэкстона или этот его тон. Пэкстон не говорил со мной так, будто переживал за меня. Не так. Я не лгала. Я не доверяла ему. Совсем нет.

— Габриэлла, когда я увидел то видео, услышал, как ты описываешь, как была содрана кожа с лица твоей сестры, услышал звук твоего голоса, когда ты описывала, как она молила позаботиться о нем. Я... я...

Я помогла ему своими словами, пытаюсь понять, что он хотел до меня донести.

— Ты почувствовал сочувствие?

— Я всегда его чувствую. Как и сегодня, когда моя дочь думала о том, не уйдет ли снова ее мама. Я не хотел причинять ей боль.

— Только мне.

— К тебе я никогда не чувствовал его. У нас не было такой связи.

— Я даже не знаю, что это значит, Пэкстон.

— Что, если на этих видео будет сказано, что ты не моя жена, что ты на самом деле мать Вандера, а не Роуэн и Офелии?

— Не будет.

— Как ты можешь быть так уверена? Может, я не любил тебя раньше, потому что ты не была тобой. Может, поэтому и ты никогда не любила меня. Может, ты была своей сестрой.

Я закачала головой и заморгала.

— Заткнись. Ты сбиваешь меня с толку. Почему ты сделал это? Этим ты занимался тут весь день? Поэтому двери были закрыты? Чтобы я не могла слышать?

— Да, я не хотел давать тебе надежду, на случай, если ничего не выйдет. Но это правда, мы станем гордыми опекунами пятилетнего мальчика. Что не так? Я думал, тебя это взбодрит.

Я прочистила горло, прежде чем заговорить. Это помогло, но голос все равно был надломленным.

— Но мне не удалось испытать этого с ней. Это отстой.

— Это не моя вина, Габриэлла. Ты не можешь винить в этом меня. Я даже не знал о ней.

— Почему, Пэкстон?

— Не знаю, но думаю, скоро мы это узнаем. Что, если я прав? Что, если мы узнаем, что ты не моя жена? Что тогда, Габриэлла?

Я раздраженно выдохнула, пытаясь убедить его в моей личности.

— Подумаем об этом, когда придет время.

— Мама, можно мне банан? — позвала Офелия, со стоном вытягивая ручки и ножки. Клянусь, этой девчонке снилась еда. Она всегда просыпалась голодной.

Я вышла из кабинета Пэкстона и пошла к девочкам с новой парой сотен вопросов в голове. Я даже не была уверена, что готова смотреть те видео. У меня было достаточно загадок на всю жизнь, и я не думала, что была способна выдержать еще. Я даже была не уверена, хотела ли я все еще этого. Ми была права. Может, мне стоит радоваться, что Вандер будет с нами, и продолжать жить. Может, но я не могла, и я знала, что только девочки лягут спать, мы с Пэкстоном перевернем следующую страницу. Какими бы ни были сомнения, я была готова к этому. Если был готов он.

Глава восьмая

Наш вечер был немного странным, тихим и полным предчувствия чего-то страшного. Мы поели на веранде, после чего Пэкстон пошел играть с девочками в бассейн, а я занялась уборкой. Я действительно начинала думать, что мне нужно какое-то лекарство от постоянной нервозности. Самолечение в виде свежего апельсинового сока и большого количества водки помогло мне пережить этот вечер.

Я немного прибралась в доме, пока Пэкстон с девочками бросали свои волшебные камни в воду, наперегонки доставая их. Пэкстон никогда не выигрывал. Я улыбнулась, услышав, как он стонет, словно разочарован, что проиграл — снова. Когда я потянулась, чтобы выключить настольную лампу, мое внимание привлекла папка на столе.

Хоть кабинет Пэкстона был запрещенной зоной, и я это знала, я вошла, села на его стул и открыла папку. Улыбка мгновенно растянулась на моем лице, когда я увидела счастливого мальчика на ковре с изображенной железной дорогой. Вэн толкал грузовик по тканевой серой дороге, губы были вытянуты трубочкой. Я почти слышала звук двигателя, который он издавал, пока играл.

Моя улыбка сменилась хмуростью, когда я прочитала о Тилли и Джоне Мартинах. Вандера забрали из приемной семьи, которую обвинили в жестоком обращении с детьми. Ничто, из того, что я узнала, не вызвало у меня таких эмоций, какие вызвал этот факт. Мое тело задрожало от того, что я не чувствовала ни разу в своей жизни. Злость сильнее, чем я когда-либо испытывала к Пэкстону. Огонь ярости, который пронесся по моему телу стихийным бедствием. В тот момент я ощутила все эмоции, которые только может ощутить человек.

— Это было еще в июне. Теперь он не там. Марша сказала, что с ним все хорошо, он здоров и невредим.

Я подняла взгляд от ужасных следов, покрывающих маленькое тельце, на Пэкстона, обернутого в полотенце вокруг талии, его тело было влажным, а мокрые волосы взъерошены. Моя нижняя губа задрожала, пока я пыталась сдержаться, не сломаться и не расплакаться.

— Ему причиняли боль?

— Тебя здесь не должно быть.

Тыльная сторона моей руки не особо помогла скрыть текущие по щекам слезы.

— Ему причинили боль в июне. Он тогда уже должен был быть у меня. Я не защитила его. Я обещала Иззи, что уберегу его.

— Ты не знала, Габриэлла.

— В чем дело, мамочка? — спросила Офелия из-за папы, вода стекала с ее мокрого тела на пол.

Пэкстон остановил ее, положив руку ей на плечо.

— Иди возьми полотенце. Мама выйдет через минуту.

— Все хорошо, Фи, — сказала я, пытаюсь успокоить ее.

— Тебе не больно? Тебе не нужно возвращаться к доктору?

— Нет, детка. Я никуда не уйду. Пойдем примем ванну. Думаю, мне станет лучше после теплого пудинга на ужин. Что думаешь?

— И ванильные вафельки? Я сказала папочке в магазине, что они нам нужны, правда, папа?

— Да, иди за полотенцем.

Офелия ушла, неохотно слушаясь отца, оставив за собой мокрые следы. Я тоже попыталась обойти его, но он не пропустил меня. Рука вокруг моей талии остановила меня.

Мышцы моей челюсти напряглись, когда я сжала ее, глядя мимо него.

— Когда мы сможем забрать его? Сколько времени на это уйдет?

Пэкстон заговорил спокойным голосом, и, я уверена, он делал это ради меня.

— Не знаю. Есть определенный процесс, но социальный работник сказала, что проблем возникнуть не должно. Мы — его ближайшие родственники.

Я метнула в него злобный взгляд, пытаюсь вырваться из его руки.

— Не говори так. Не говори так, будто она мертва. Она не мертва. Я бы знала это. Я бы почувствовала.

— Я ничего не говорю, Габриэлла. Просто не хочу, чтобы ты винила себя.

— Зачем кому-то делать это? Как кто-то мог ударить его? Почему? — я не понимала этого. Ему было пять. Четыре на тот момент.

— Я не знаю. Давай просто сконцентрируемся на его возвращении.

— Я больше не хочу того, что есть у Ми.

— Хорошо. Что насчет ответов? Я все еще хочу знать, что случилось с Лейном. Мне нужно знать.

Моя попытка обойти его снова была остановлена его рукой, сильнее сжавшей мою талию.

— И что, Пэкстон? Что тогда? Что, если мы узнаем, что все это правда? Что я спала с твоим лучшим другом? Что тогда?

— Он не мой лучший друг.

— Боже мой. Просто отпусти меня. — Это чертовски разозлило меня. Мои мысли крутились вокруг того, что мы потеряем из-за этих ответов.

Пэкстон снова вернулся к своему брутальному эго.

— Просто интересно, смогу ли я смириться с этим. В смысле, если ты действительно она, а не моя жена.

Вместо того, чтобы попытаться снова обойти его, я сделала шаг назад.

— Ты хочешь, чтобы я была ею, не так ли? Ты боишься, что не сможешь простить меня, если я изменила тебе, ведь так, Пэкстон? Это правда? Ты надеешься, что я окажусь настоящей Габриэлкой, той, которая переехала в Мичиган жить с Уолкерсами. На это ты рассчитываешь, да?

— Я честно не знаю, на что я рассчитываю, Габриэлла. Клянусь Богом, не знаю. Посмотри, что ты вывалила на меня за последние несколько месяцев! Посмотри на все секреты, раскрываемые слой за слоем. В одну минуту ты принадлежишь мне, в другую — ты попадаешь в аварию, у тебя появляется близнец, и она пропадает без вести. Или это ты пропала без вести? Ты, вероятно, изменила мне с нашим соседом, или это была твоя близняшка. Есть конверт, который ты, очевидно, спрятала где-то в коттедже, в котором еще больше безбожной лжи и тайн, но у меня не хватает воли пойти и взять его. И теперь это! Я забираю ребенка и не знаю, хорошая это идея или нет. Я не знаю, что пережил этот ребенок. Я просто должен привести его в дом к моим дочерям? Seriously, Габриэлла. Ну же, когда уже будет достаточно?

Я не произнесла ответ, который крутился у меня в голове. Я была зла, мне было больно, вся ситуация такая глупая. Пэкстон никогда не изменится. Пэкстон всегда будет сукиным сыном.

— Да, конечно, Пэкс. Мы просто должны оставить его там.

— Проклятье, Габриэлла. Разве я не провел весь день, договариваясь об опеке над ним? Я делал это не для себя.

— Ты сказал, что никогда не сможешь полюбить ребенка другого мужчины.

— Я так же говорил, что никогда не смогу полюбить тебя.

Я скрестила руки, когда ярость исчезла, и задумалась над фразой, которая ударила меня, словно тонна кирпичей.

— Ты не влюблен в меня, Пэкстон.

— О, но это так, красавица. Я не могу и десяти минут провести, чтобы не подумать о тебе. Все это должно было быть не так. Ты должна была провести всего одну ночь в тюрьме, пару ночей в отеле, а после вернуться сюда. Сюда, где я знал, что смогу использовать девочек, чтобы прекратить

все это безумие, использовать их, чтобы удержать тебя в узде. Ты не должна была искать помощи у незнакомцев. Я не должен был услышать о тех часах, что ты провела наедине со своей мертвой сестрой.

Я потеряла контроль над собой. Каждый болтик, который слабел все эти последние месяцы, вылетел. Все они вылетели одновременно, и я взорвалась.

— Пошел ты, Пэкстон. Иди к черту! Она не мертва! Ты мне не нужен. Мне не нужно ничего, что у тебя есть. Я ненавижу тебя. — Я не осознавала, что мой кулак полетел в его лицо, пока он не врезался в его левый глаз. Но не это остановило меня. Это были Роуэн и Фи, плачущие с другой стороны гостиной. Блядь.

Пэкстона тоже вывел из себя не мой кулак, а их плач. Он отвернулся от девочек, с силой схватил меня за кисти.

— Счастлива?

Я отдернула руки, награждая его таким же взглядом, каким посмотрел он на меня, и пошла к детям.

— Прекратите плакать. Простите, что мы напугали вас. Пойдемте, примем ванну.

— Я не хочу, чтобы вы с папочкой так ругались, — плакала Офелия.

— Я сказала, простите. А теперь перестаньте плакать. Вы ведь не видели, чтобы я плакала, когда вы с Роу-Роу ругаетесь, правда? Вы двое все время ссоритесь. Я бы плакала весь день.

— Но ты тоже плакала. Я видела твои слезы, — сказала Роуэн, уставившись на меня решительным взглядом.

— А ты плакала сегодня, когда Офелия сорвала бирку с твоей кошки.

— Я не хотела отрывать ее.

— Но ты завела ссору и начала плакать. У взрослых тоже есть чувства. У нас все наладилось. Ссора закончилась. Хорошо?

Они обе кивнули в согласии, и я сменила тему, чувствуя себя плохо от того, что они увидели это, но в то же время радуясь, что они тут же оправились. Роуэн решила, что нам нужно перезарядить наши волшебные камушки. Ми сказала ей после того, как стала свидетелем ссоры из-за бирки, что Роуэн бы даже не заметила этого, если бы не видела, как Фи срывает ее. Она заставила их встать друг напротив друга и соединить камни. Они должны были только смотреть друг на друга. Никаких слов. Сначала они просто бросали друг на друга взгляды, потом рассмеялись, а потом обе попросили прощения и обнялись. Они были уверены, что это все магия камней.

Я сидела на унитазе, пытаюсь улыбаться и поспевать за тем, что

рассказывали мне из ванной Роуэн и Фи. Иногда мне приходилось переспрашивать, что они сказали, а иногда я просто смеялась, притворяясь, что услышала. Я не могла поймать даже мыслей, крутящихся в моей голове, не говоря уже о том, чтобы беспокоиться о первом дне школы. Черт, школьная одежда. Я должна была вспомнить, что ее нужно купить.

— У вас все хорошо? Ссориться не будете? — спросила я спустя двадцать минут, указывая на каждую пальцем. Не было необходимости оставаться с ними в ванной, но это дало мне достаточно времени вдали от Пэкстона, чтобы остыть. Их смех мог успокоить даже безумца.

Роуэн вытащила пробку, и они обе встали, решив закончить процедуру. Я обернула их мягкими полотенцами, сначала одну, потому другую, и сказала почистить зубы. Офелия напомнила мне, что я обещала теплый пудинг, и я закрыла глаза на гигиену рта, сказав им одеваться.

Дверь в кабинет Пэкстона была закрыта, но я открыла ее, не постучавшись, пока девочки одевались. Он ничего не делал. Положив руки за голову, он смотрел в потолок с напряженным выражением лица.

— Я не знаю, как исправить это, Пэкстон. Ты внушаешь мне, что я не Габриэлла, которая вышла за тебя. Словно ты прекратишь любить меня, если я окажусь не той, кем ты меня считаешь. Это даже нелогично, Пэкстон. Ты видел видео. Я даже сказала, что не знаю, как называть ее, Иззи или Габриэлла. Я весь сеанс обращалась к ней, как к Иззи. Ты слышал.

— Когда ты пришла в себя после комы, ты сказала, что твоя фамилия Делгардо. Тебе сказали, кто ты. Откуда ты знаешь, что это не сыграло злую шутку с твоим подсознанием или еще что-то?

— Пэкстон, я не она. Я вышла за тебя. Это легко можно доказать, взяв мазок. Я уверена, что Офелию родила я.

— А если нет?

— О, боже мой. Это была я. По какой-то необъяснимой причине я вышла за тебя замуж. Я в этом уверена. Единственные мои сомнения вызваны твоими словами. Прекрати заставлять меня сомневаться в том, кто я.

— Я не серьезно говорил, что не смогу полюбить ребенка другого мужчины. Мне жаль, что я сказал это. Я не хочу оставлять его там.

Я опустила руки и подошла к нему.

— Я все равно не знаю, как исправить это, — призналась я, когда Роуэн и Фи протиснулись мимо меня, держа волшебные камни в руках.

— Потому что тебе нужно перезарядить свой камень, мамочка, — уредила меня Фи.

Конечно же, Роуэн помогла.

— Мы должны соединить их. Так сказала Ми.

Пэкстон улыбнулся им, доставая своего магнитного лидера из кармана и приглашая их обеих к себе на колени.

— Давай, мам, — позвали обе девочки, когда я осталась стоять на месте. Я не хотела перезаряжать камни с Пэкстоном. Пока нет.

— Я пойду в душ. Заряжу его позже.

— Пожалуйста, — взмолилась Офелия, выглядя взволнованной. Ей нужна была магия, в которую можно верить, и я не могла отказать в этом.

Я пододвинула табурет от чертежного стола к ним и села, позволяя нашим четырем камням соединиться, глядя на Пэкстона. Четыре щелчка — все, что нужно было Офелии. Мгновенная улыбка убедила ее, что у нас все хорошо. Волшебные камни сделали это. Конечно же. Они ведь были волшебными. Ми так сказала.

Я особо не участвовала в беседе между Пэкстоном и девочками. Я проживала этот момент, не зная, где именно мой камень. Моя рука прикрывала две маленьких, а рука Пэкстона — мою, пока девочки снова обсуждали школу. И опять я сделала себе мысленную заметку выяснить про школьную одежду, принадлежности и все остальное, что касалось подготовки.

Я знала, что это была вовсе не магия. Это была наша семья, наши руки, соединенные вместе. Пэкстон поглаживал большим пальцем тыльную сторону моей руки. Мне это понравилось. Я любила его и любила нашу магию. Даже если все было запутанно. Это были мы, и ничто не могло изменить этого до определенного момента.

~~~

— Поднимись ко мне, — произнес Пэкстон, как только я вышла на патио. Я не видела его с тех пор, как ушла из его кабинета с девочками. Ждала, пока он уложит их спать, прежде чем самой пожелать им спокойной ночи. Избегать неизбежного — единственное, что мне оставалось. Нам столько нужно было обсудить, столько сказать, и все же никто из нас не знал, что и тем более как. Чем дольше я избегала видео, которое, я знала, появится у меня на электронной почте через несколько коротких минут, тем дольше я избегала «что за черт» момента. Не имело значения, сколько я уговаривала себя. Адресованные себе обнадеживающие мысли всегда сменялись полупустым стаканом.

Я посмотрела вверх, не отвечая, и развернулась. Я пошла к нему не потому, что хотела, а потому что я не хотела оставаться одна и, в какой-то мере, хотела быть с ним. Пэкстон стоял на фоне полной луны, глядя на дверь, пока ждал меня.

Я прямиком пошла к нему и уткнулась в его объятия, и все мысли исчезли. Мы простояли так несколько минут — моя голова на его груди, его губы на моих волосах, а руки вокруг моей спины. Никаких слов, просто мгновение для чего-то. Сближения? Я не знаю, что это было, но это было нужно.

Я подняла все же взгляд. Причиной тому стал щелчок в наших карманах. Я улыбнулась ему и обвинила его в робости.

— Ты ненамеренно сделал это.

— Что? Соединил наши камни? Да, намеренно.

— Уверен, что не пытался ощутить контакт?

Пэкстон был крайне настойчив в своей защите.

— Богом клянусь. В этой маленькой вещице больше магнитной силы, чем я когда-либо видел. Я почувствовал, как он движется, когда твой притянулся к нему. Я правда сделал это намеренно.

— Прости, что ударила тебя, — сказала я, касаясь подушечками пальцев небольшой шишки над его глазом.

— Было больно, — признался он, поцеловав меня в нос.

— Неженка, — подразнила я его с полуулыбкой.

— Мы делаем это?

Я сделала глубокий вдох и снова опустила голову ему на грудь.

— Да. Мы должны.

— На улице хорошо. Хочешь сесть здесь?

Я кивнула и пошла к мягкому двухместному диванчику. Камень в моем кармане занимал мои мысли, пока Пэкстон доставал ноутбук и покрывало. Я перебирала его между пальцами, надеясь, что он поможет. Если в какой-то момент мне и нужна была магия, то этот момент настал. Небо было глубокого темно-фиолетового цвета с оттенком янтарного, воздух был прохладным. Идеально для мрачного настроения.

Пэкстон сел рядом со мной и открыл мою электронную почту. Пока ничего, но у нас еще было десять минут. Зная Ми, она не нажмет «отправить», пока на часах не будет точно то время, в которое она обещала это сделать.

— Думаешь, она отправит?

— О, да. Ми обязательно сделает то, что обещала.

— Как вообще ты познакомилась с ней?

— Я же говорила. Я пошла искать Ника, не ее. Мне просто повезло. Кстати, я хотела спросить тебя насчет школы. Разве мы не должны сделать необходимые покупки? Я даже не знаю, куда они идут.

— Они обе были там в прошлом году. Ты купила им форму в конце прошлого учебного года, сказала, что снимают с производства юбки, которые тебе нравятся, или что-то в этом роде. Во вторник мы встречаемся с учителем Роуэн.

— Да, я знаю это, — солгала я. Я отругала себя за то, что добавила еще больше ненужного хаоса в свою голову. Конечно, обо всем уже позаботились. Я никогда не встречала более организованного человека, чем я. Ну, разве что Пэкстон. Он, без сомнений, мог вести домашнее хозяйство без меня, но я определенно не хотела этого. — Я знаю по поводу чего мы встречаемся?

Пэкстон наклонился и поцеловал мои губы, изогнувшиеся в улыбке.

— Видимо, не знаешь. Они хотят снова протестировать Роуэн. Ей было невероятно скучно в садике. Они считают, что ей не нужен первый класс. Она все делает на уровне третьего.

— Да. Я знала, что эта девчонка — гений.

— Так и есть. Но не Фи, — сказал он, качая головой из стороны в сторону, улыбка появилась на его губах.

— Фи умная, — сказала я, мгновенно вставая на ее защиту.

— Фи — аферистка. Это будет сплошное удовольствие. Она не может усидеть на месте достаточно, чтобы что-то выучить.

Я засмеялась над его словами. Это была своего рода правда.

— Она аферистка с тобой, потому что ты позволяешь ей. Она сама способна надеть те узкие штанишки на ее Барби. Я говорю ей найти что-то другое, что надеть, когда она начинает ныть «я не могу», — я имитирую тот жалобный голосок, каким Офелия заставляет своего отца одевать ее Барби в сложную одежду и узкие штанишки, которые нужно натягивать по ее ногам.

— Ненавижу иметь Барби. Кому вообще пришла в голову идея с этой куклой?

Я очень сильно засмеялась, но над собственной шуткой. На секунду мне показалось, что он сказал, будто ненавидит иметь Барби, то есть заниматься с ними сексом. Это глупо, но помогло снять немного напряжения между нами.

— Я не это имел в виду, — парировал он незамедлительно, точно зная, над чем я смеюсь.

Не знаю, что случилось после этого. Мы затихли и уставились друг на

друга, улыбки растаяли из-за внезапного изменения в воздухе вокруг нас. Пэкстон склонился, чтобы поцеловать меня, и я встретила его на полпути, раскрывая губы для его языка. Его тело заставило меня лечь на спину, а его руки опустились на мои ребра по обе стороны. Мои пальцы запутались в его волосах возле шеи, в то время как другая рука лежала поверх его сердца, сжавшись в кулак, скрывая внутри волшебный камень.

— Мы все можем исправить, Габриэлла. Неважно, что произойдет, мы сможем, — произнес он тихо напротив моих губ.

— Мне страшно, — призналась я.

Тишина, глубокий вздох и тот же самый страх.

— Мне тоже, — признался он.

Я почувствовала, как напряглось его тело, когда мы услышали оповещение. Письмо, которое могло разлучить нас.

— Мы справимся, — пообещал он, убедительно подмигивая и оставляя быстрый поцелуй на моих губах. Пэкстон поднял меня, и я села рядом с ним, держа в руке волшебный камень. Мне нужна была вся помощь, которую я могла получить, сверхъестественная она или нет.

Пэкстон наклонился и открыл письмо, а его магнетический камень в кармане притянулся к моему. Это был знак. Хороший. Мы пройдем через это вместе и в итоге станем лучше.

Он достал этот глупый камешек из кармана и соединил его с моим, пока загружалось видео. Рука в руке, сердце к сердцу, и я, прижавшаяся к его левой стороне. Мы оба сделали еще несколько глубоких вздохов. Набрались храбрости для того, что нам предстояло, и оно было уже недалеко от нас. Оно было здесь. Смотрело нам прямо в лицо.

Камера стояла в углу, направленная на награду, которую Ник получил за помощь мужчине с Альцгеймером в поисках дома. Я сглотнула, когда увидела, как он встал из-за стола и направился к открывающейся двери. Видно было только наши тела от пояса и ниже, но я знала, что это были я, Лейн и Ник, к тому же было слышно каждое сказанное слово.

— *Это Ник, он сможет помочь тебе.*

— *Я сказал, что постараюсь, Лейн. Я ничего не могу обещать.*

Пэкстон склонился, упершись руками о колени.

— Это Ник?

— Да, — ответила я, принимая ту же напряженную позу, что и он. Локти на коленях, глаза и уши направлены к голосам.

— Где, блядь, мои дети?

Я потянулась и нажала паузу, останавливая видео.

— Вот как это будет? Мы еще даже не начали, Пэкстон. Я не знаю, где

они. Я сама только что задала себе этот вопрос. Полагаю, они были на одном из тысячи кружков, в которые ты записал их. Не знаю.

— Ты должна была быть с ними.

— Да, но не была, и я не помню почему. Так, ты хочешь сделать это или нет? Я думаю, что из этого не выйдет ничего хорошего, если ты и дальше будешь так вести себя.

— А чего ты от меня ожидаешь, Габриэлла? У тебя было что-то с Лейном последний год, а теперь это. Я даже не знаю, что ты тут делаешь или почему ты не с нашими детьми.

— С меня хватит. Наслаждайся просмотром в одиночку, — сказала я, оттягивая свой камешек от его, и встала, словно это было так просто.

Пэкстон дернул меня обратно на место за юбку, его рука легла мне на горло, и он сказал мне, как это будет. Не по-моему.

— Ты, блядь, сделаешь это. Ты пришла сюда со всей этой ложью и секретами. Давай выясним, что ты скрывала. Поняла? Мы сказали, что сделаем это вместе. Так мы и поступим. Уяснила?

Я не могла произнести в ответ ни единого слова. Даже не могла кивнуть. Мои глаза закрылись, в горле словно ком встал, и слезы потекли по лицу.

Пэкстон внезапно остановился, отпустил меня и встал.

— Блядь, Габриэлла. Черт. Прости. Блядь. Я просто так взвинчен из-за всего этого. Ты забываешь остановиться и подумать, каково переживать все это мне. Посмотри на то, что ты привнесла в этот дом за последние несколько месяцев. Каким, по-твоему, я должен быть?

Слова вылетали из моего рта, пока слезы текли по щекам:

— Это не сработает, Пэкстон. Давай прекратим. Я не могу больше так. Я вызываю худшее в тебе, и ты делаешь то же самое со мной. Это не честно по отношению ни к кому из нас. Мы можем быть хорошими родителями друг без друга.

Пэкстон посмотрел на меня так, словно я ударила его во второй глаз.

— Мы не бросим это. Нет, Габриэлла. Мы не бросим. Даже не думай, что ты когда-то уйдешь от меня. Ты никогда не уйдешь, даже если мы выясним, что ты не та жена. Ты сделала это. Ты никуда не уйдешь.

— Не все в твоей власти, чтобы остановить меня, Пэкс. Я не могу сделать это с тобой.

Я слегка подпрыгнула, когда он приблизился ко мне, на секунду испугавшись его.

— Прости, Габриэлла. Прости. Я не хочу, чтобы все было так. Прости. Клянусь, я не буду злиться. Я знаю, что ты не помнишь ничего из этого,

но... черт возьми, это так разочаровывает. Где, черт возьми, был я? Почему я не заметил, что все это происходило у меня под носом?

— Пэкстон, я не знаю.

— Знаю, прости. — Еще один слышимый вздох, и Пэкстон снова нажал кнопку «пуск», пытаясь вернуться в позу, в которой нам было так комфортно несколько мгновений назад. Я уже не чувствовала той безопасности, мой камень был скрыт от его в крепко сжатом кулаке, и мое тело не прижималось к его так, как раньше. Все изменилось. Он знал это, и я знала. Я смотрела постановку на экране сидя рядом с ним, но в то же время находясь на расстоянии нескольких миль от него.

Мой голос звучал взволнованно, когда я поблагодарила Ника за помощь.

— Да, я понимаю. Я благодарна за эту попытку. Спасибо.

Голос Лейна раздался следующим.

— Я останусь с тобой, пока ты не погрузишься в транс, затем уйду.

— Спасибо. Я бы хотела этого, — ответила я.

Я смотрела на ноутбук, забыв о Пэкстоне, и склонилась вперед, поглощенная тем, что я должна была рассказать ему. Это явно было что-то личное, раз я хотела, чтобы он вышел. Ник подвел меня ближе к камере и указал на кушетку. Он сказал мне, чего ожидать — те же инструкции, которые он дал мне в прошлый раз в комнате Дзен. Только в этот раз Ми там не было. Был Лейн.

— Как далеко ты зайдешь? Есть только один момент, который я хочу забыть.

— Даже если я заставлю тебя забыть об изнасиловании, это не значит, что я смогу решить твою проблему, — объяснил Ник.

— Стой, какое изнасилование? Какую проблему?

Пэкстон склонился ближе, и моя рука снова опустилась в его. Наши камни соединились, а пальцы переплелись.

— Тшц, я не знаю. Прекрати. — Я внезапно почувствовала себя беспокойно, словно собиралась изменить Пэкстону у него на глазах. Я чувствовала напряжение, когда мы смотрели, как я ищу взглядом Лейна, после чего мои глаза закрылись.

— Да, знаю, но я думаю, это поможет.

Ник сел напротив меня, но мы не могли видеть его лица, только колено и коричневую туфлю.

— Мы можем попробовать другие вещи, чтобы помочь тебе научиться наслаждаться сексом со своим мужем.

— Что? — спросил Пэкстон шокированным тоном. — Ты пошла к

Нику потому, что тебе не нравился секс со мной?

— Пэкстон, прекрати. Я не знаю ни одного ответа. Заткнись и слушай.

Ник начал отсчет, как делал это раньше, и так как он был экспертом, я поддавалась контролю.

— Гэбби, ты слышишь меня?

— Да, — пробормотала я далеким тоном.

— Ты можешь уходить, Лейн.

— Я уйду, продолжай, — ответил Лейн решительным голосом.

— Ты сказал ей, что уйдешь.

Черные слаксы Лейна приблизились, и его тело нависло надо мной.

— Я уйду. Можешь вырезать меня, прежде чем отсылать. Я уйду.

Продолжай.

Ник продолжил сеанс, в том, как он говорил, слышалось раздражение.

— Гэбби, ты помнишь, как ты потеряла свою девственность?

— Да.

— Сколько тебе было?

— Тринадцать.

Мне пришлось толкнуть локтем Пэкстона, чтобы он не начал говорить.

— Тишц, я не знаю. Просто жди, — повторила я, прежде чем он успел сказать хоть слово.

— И ты думаешь, что это была банда, да?

— Нет, не в этот раз. Я давно была с Фалконом. Почти четыре года. С ним я потеряла свою девственность.

Мое тело оставалось расслабленным в глубоком сне, пока Лейн и Ник обсуждали мою ситуацию со мной в комнате.

— Спроси ее о Фалконе. Я не знаю, кто это. Она только сказала, что это было групповое изнасилование.

— Гэбби, что ты можешь рассказать мне о Фалконе? Ты боишься его?

— Нет, совсем нет. Он в тюрьме на пожизненном. Он помог мне, — объяснила я во сне, грудь вздымалась и опускалась в расслабленном дыхании.

— Как Фалкон помог тебе? Что ты имеешь в виду?

— Я делала для него кое-что, а он охранял меня.

— Охранял от кого, Гэбби?

— От улиц. Никто не связывался со мной.

— Кроме Фалкона? — спросил Ник.

Мой голос охватила грусть, когда я сказала «да».

— Фалкон причинил тебе вред?

— Не совсем. Я просто делала для него кое-что, а он делал кое-что для меня. Он сказал, что я была слишком красива, чтобы оставаться на улице беззащитной. Он был прав. Я не хотела оставаться на улицах. Мужчины всегда заставляли меня чувствовать себя добычей. Фалкон сказал, что так и было.

— Ты оказывала сексуальные услуги, а Фалкон защищал тебя?

— Да, пока не убил кое-кого. Он сидит на пожизненном.

Ник вытер слюну с моей губы платочком. Настолько отключена я была. Словно под наркотой. Он повернулся и снова сказал Лейну уходить.

— Лейн, она захочет знать, почему я вырезал все это. Это не честно по отношению к ней. Ты сказал, что уйдешь.

— Ей не нужно видео. Она может просто послушать его, и ты вырежешь меня. Если перестанешь говорить со мной, тебе не придется беспокоиться об этом. Спроси ее о следующем разе, — подбодрил его Лейн.

Ник застонал, громко выдохнул и продолжил.

— Гэбби, когда у тебя был секс в следующий раз? Ты помнишь это?

— Да, это была инициация для парня при приеме в банду. Трое из них держали меня, пока один насиловал.

— Другие тоже причинили тебе боль?

Слезы полились по обеим моим щекам, но тело не изменило своего обмякшего положения.

— Да, все они сделали это.

— Спроси ее о Пэкстоне, — прошептал Лейн рядом с Ником.

— Нет. Убирайся отсюда. Не он был целью этого сеанса.

— Да ладно. Спроси ее о первой встрече с Пэкстоном.

— Зачем? Какое это имеет значение?

— Я просто хочу убедиться, что я никак не связан с тем, что она ненавидит секс, — признался Лейн. — Но ты должен стереть это. Это было давно.

— Я не буду делать этого, Лейн. Целью сеанса было помочь ей начать наслаждаться сексом с ее мужем. Я не хочу вступать во все это.

— Ты можешь заставить ее забыть об этом? Спроси ее о следующем разе, когда она занималась сексом, — надавил Лейн, в этот раз садясь на стул, развернув его спинкой вперед, рядом со мной.

Пэкстон на этот раз остановил видео.

Я бросила на него взгляд и нахмурилась.

— Что теперь?

— Я не хочу продолжать. Давай остановимся.

Взгляд моих суженных глаз обвинил его в наличии очередного секрета.

— Почему, Пэкстон?

— Я не хочу, чтобы ты помнила *это*. Надеюсь, ты никогда не вспомнишь ту ночь.

— Какую ночь?

Пэкстон встал и провел руками по волосам. Его тело развернулось, и он схватился за поручни.

Я ждала, пока его голова не опустилась, и снова нажала «пуск». Мой взгляд вернулся к безжизненному телу, затем снова к Пэкстону, когда он повернулся ко мне, скрестив руки и лодыжки.

— *Я спрошу тебя о нескольких вещах, которые ты не вспомнишь, хорошо, Гэбби?* — продолжил Ник против своей воли.

— Хорошо, — ответила я.

— *Спроси ее о дне, когда она встретила Пэкстона. Он сказал мне, что она была просто какой-то шлюхой, которой нужно место, где переночевать. Он сказал, что отымел ее в первый же день, как встретил. Она не должна была остаться здесь. Он не должен был жениться на ней,* — объяснил Лейн, голос его был взволнован и хрипел из-за нервов.

— *Что? Я даже не понял, что ты только что сказал.*

— *Спроси ее о первой встрече с Пэкстоном.*

— *Гэбби, ты помнишь день, когда ты встретила Пэкстона?*

— Да, конечно.

— *Можешь рассказать мне о нем? Подумай о том, где ты была, вспомни звуки, тепло ли было на улице? Ты была одна?*

— *Я знала его до того, как он узнал меня, в какой-то мере,* — объяснила я.

— Габриэлла, — сказал Пэкстон тихо, в последний раз пытаюсь скрыть еще один секрет.

Я подняла взгляд, не зная, что именно чувствовала. Но я определенно была в замешательстве.

— Почему мне кажется, что все это выйдет тебе боком, Пэкс?

— Потому что это так. Мне даже на ум это не приходило. Что это вообще такое?

Я не ответила. Просто развернулась к монитору, оказавшись в еще одном «что за черт» моменте. Ничто не могло подготовить меня к этому. Не удивительно, что Пэкстон хотел, чтобы я забыла об этом. Следующие двадцать минут я провела, переживая свою встречу с Пэкстоном. Ник

спросил мое безжизненное тело, что я имела в виду, и дальнейшее просто вынесло мне мозг.

Я прошла много миль, пытаясь уйти как можно дальше от мисс Портер, моего напичканного бандами района и моего прошлого. Я просто хотела сбежать от всего этого. Забыть все, что вызывает боль, включая мою сестру, которую, я была уверена, больше никогда не увижу. Этот район только строился — новые дома возводились в пригороде близко к пляжу. Я думала, моя удача изменилась — небольшой коттедж был пуст, ждал, когда я появлюсь. Он был идеален. Близко к пляжу и уединенно. Никто не жил там, кроме Пэкстона, да и он едва бывал там. Он рано утром уезжал на работу в старом черном пикапе и работал над единственным домом, который был там среди прочих новостроек.

Даже с моим прошлым, со всем дерьмом, через которое я прошла, это казалось знаком. Словно я должна была найти его пустой дом в необжитом районе. Где не было никого, кроме Пэкстона. Первые несколько дней я оставалась в тени, никогда не включала свет и пряталась в потемках, когда он приходил домой. Темные ночи скрывали мой силуэт, пока я стояла за его окнами и смотрела, как он работает над домом. Он был так красив, так силен и совершенно одинок. Я влюбилась в него с первого взгляда. Он работал допоздна по ночам, вставал рано и уходил на работу, после чего возвращался в дом, и все повторялось сначала. Всю неделю. Это все, что он делал.

Хоть я и знала, что никогда не наберусь храбрости поговорить с ним, я фантазировала о том, как он станет моим мужем, как мы будем воспитывать семью в этом доме. Я часами читала слова матери, стихи, которые она написала в блокноте, и мечтала. Это все, что у меня было. Видения жизни, которой у меня никогда не будет, с мужчиной, который меня никогда не захочет. Они поддерживали меня в течение первых нескольких дней после нападения.

Я была там четыре дня, прежде чем он увидел меня, прежде чем я услышала его голос. Я не ожидала, что он так рано придет домой. Он должен был вернуться позже, около шести, но не в пять.

Он зашел со спины, испугав меня.

— Что ты тут делаешь? Это частный пляж. Ты приехала к кому-то? — спросил он, исследуя взглядом пляж на предмет отдаленных домов.

— Мои ноги в воде. Ты не владеешь океаном, — огрызнулась я. Я посмотрела в его глаза и снова на свои ноги. Боже Милостивый. Сильная линия челюсти, темные глаза и его тело до чертиков пугали меня. Думаю, я боялась его с самой первой встречи, но это не мешало мне хотеть его. Я

была поражена. Он не был таким, как те парни, что окружали меня. Он работал, много, и он был одинок.

— Две мили. Начиная с того утеса и до того небольшого коттеджа. Все это принадлежит Прескотт Лейн.

— Прескотт Лейн? — спросила я, снова переведя взгляд на него и обратно на мои босые ноги.

— Посмотри на меня. Ты должна смотреть на людей, когда с тобой разговаривают. Прескотт Лейн вон там. Видишь эти дома? Эта часть пляжа частная. Не задерживайся. — Его голос был жестким, соответствовал его дерзкому поведению.

— Прости, — сказала я, провожая его взглядом. Он поднял свою белую футболку и вытер пот со лба, направляясь по своим делам. Его спина была такой же точеной, как и все его тело, это я заметила. Боже правый!

Я едва встречалась взглядом с Пэкстоном, когда почувствовала, что он сел рядом. Он взял мою руку в свою и снова нажал на паузу.

— Что, Пэкстон?

— Мне страшно, что ты увидишь дальше.

Я даже не пыталась скрыть сарказм.

— Естественно!

— Могу я просто рассказать тебе? Пожалуйста.

— Нет, я не доверяю тебе. Ты расскажешь мне это со своей точки зрения. Я же хочу увидеть свою. Я хочу ощутить это так, как это было, не приправляя все это ложью.

— Что ты думаешь, ты услышишь, Габриэлла?

Я почувствовала, как камень в моей руке притягивается к его, после чего раздался щелчок. Мысли о том, что я должна была узнать, стремительно врывались в мою голову, но ничего не могло подготовить меня к этому. Совершенно ничего. Я снова нажала кнопку «пуск», делая вздох одновременно с Пэкстоном. Я оставалась в его объятиях, пока рассказ не дошел до того момента, как он нашел меня в своем коттедже. Это была поздняя субботняя ночь, я спала в кровати в углу, когда он открыл дверь. Я даже не услышала его, пока он не оказался прямо над кроватью. Пэкстон сжал мою руку, и я приготовилась к худшему, слушая далекий голос, объясняющий, что Пэкстон в тот вечер был не один, с ним был друг по имени Лейн. Прячась в кустах, я узнала, что Лейн был одним из домовладельцев, новобрачный и приехал туда на выходные, чтобы поработать над своим домом. Я слушала, как двое мужчин говорили о вызывающих головную боль строительных задачах, при этом много

выпивали. Где-то после полуночи я устала подслушивать и ускользнула.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной? Кто ты, блядь, такая? Что ты делаешь в моем доме?

Я подскочила и уткнулась в угол от испуга.

— Я... прости. Мне некуда было идти.

— Откуда ты? Стой, знаешь что? Мне насрать. Убирайся отсюда.

— Почему? Я никому не помешаю. Здесь никто не живет.

— Думаешь, ты можешь просто въезжать в пустые дома. Вставай. Убирайся отсюда.

Я вскочила и собрала те несколько вещей, что у меня были. Мою сложенную на стуле одежду, потрепанный блокнот, заполненный безумными стихами мамы, и свою зубную щетку. Это все, что у меня было. Все, с чем я пришла.

— Мне некуда идти, — плакала я, обувая шлепанцы и умоляя его позволить мне остаться. Я сделала шаг, но мои ноги меня не слушались. Я споткнулась, упав прямо в его руки. В тот момент, посмотрев ему в глаза и ощутив то, как он держал меня, я знала, что сделаю для него все, что он захочет. Это было глупо и, возможно, было как-то связано с тем, что недавно произошло со мной. Возможно, из-за психологических проблем, вызванных отсутствием отца? Не знаю, но я хотела, чтобы он любил меня. Это все, чего я когда-либо хотела.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать, — солгала я. Мне оставалось два месяца до восемнадцати, но ему не нужно было знать это.

Сильный запах пива ударил мне в нос, когда я посмотрела в его темные глаза, увидев в них что-то еще. Взгляд, который я видела раньше. Я знала этот взгляд. Пэкстон улыбнулся и провел руками по моим. Я даже не вздрогнула, когда его большой палец коснулся моей левой груди, но я была уверена, что он чувствовал мое сердцебиение.

Пэкстон поднял мой подбородок одним пальцем и заставил меня посмотреть ему в глаза.

— Что, если я позволю тебе остаться здесь на выходные? Я помогу тебе, а ты поможешь мне. Похоже на план?

— Мне не куда будет пойти и после выходных.

— Может, мы что-то придумаем. Давай, пойдем в мой дом.

Он, по сути, не дал мне выбора. То есть, не думаю, что я сопротивлялась, но не казалось, что у меня были другие предложения. Я уже делала это раньше. Я могла сделать это сейчас. Так поступали девушки, этого от нас ожидали, этого хотели мужчины.

Если не считать бьющих о берег волн, наша короткая прогулка была тихой. Я слышала музыку, но не узнавала песню. Не скажу, что любила кантри. Мне нравилась новая поп-музыка и классический рок. Господи, я собиралась заплатить Пэкстону за проживание в его доме, а думала о Аврил Лавин. Я отчитала себя за размышления о музыке, когда подняла взгляд и увидела его, мое сердце мгновенно опустилось в пятки.

— Смотри, что я нашел. Она хочет поиграть, — сообщил Пэкстон другу, приподнимая мою футболку.

У меня перехватило дыхание, когда я поняла, что сейчас произойдет, но я не могла не заметить прикосновение теплых рук к моей коже. Огрубевшие и сильные, но в то же время нежные. Я не оттолкнула их.

— Что? Кто это? — спросил парень с растерянным выражением лица. У него в руке был стакан с алкоголем — что-то темное со льдом.

— Почему бы тебе не сказать моему другу, как тебя зовут, — подтолкнул меня Пэкстон, произнеся горячие слова мне в шею. Прикосновение его губ было потрясающим, а мое тело хотело отреагировать, но в то же время боролось с этой реакцией. Я не понимала, что происходит, и была напугана. Я знала, что должно случиться, но, в отличие от других раз, я хотела выполнить эту работу хорошо ради него. Такого раньше не случалось. Я только хотела, чтобы другого парня не было здесь. Мне достаточно страха внушал один из них, не говоря уже о двух. По крайней мере, второй, казалось, забеспокоился из-за меня. Может, он уйдет. Может, он посчитает себя выше этого.

Пэкстон повернул меня к себе лицом, когда я не ответила, снова одним пальцем приподняв подбородок.

— Ты должна отвечать, когда тебя спрашивают. А теперь, скажи моему другу, как тебя зовут.

— Пэкстон, чувак, что ты делаешь?

— Что? Она шлюха. Она этим занимается. Я трахал ее два раза после встречи, — солгал Пэкстон, все еще не отпуская мой подбородок, вынуждая меня смотреть ему в глаза. — Скажи ему. Скажи моему другу, как тебя зовут, а затем расскажи о наших взаимных услугах.

— Я... я Гэбби, — слабо ответила я, посмотрев на Лейна боковым зрением, после чего опустила взгляд в пол.

Пэкстон засмеялся и расстегнул свои джинсы.

— Встань на колени, шлюха, — прошептал он, встречаясь своими губами с моими. Я сделала это, потому что не знала, есть ли у меня выбор. Я сделала это, потому что он сказал мне.

Лейн несколько раз возразил, говоря о жене, с которой они недавно

поженились, но в итоге он ничем не отличался от Пэкстона. Он делал все, что делал Пэкстон. Именно он предложил оливковое масло, когда Пэкстон не мог найти ничего, а его слюней было недостаточно.

Я онемела, я ничего не чувствовала, и, если честно, было не так плохо. Я сконцентрировалась на звуках океана за мной, пока Пэкстон и его друг использовали меня для своего удовлетворения. Худшее во всем этом было время, которое им понадобилось, чтобы закончить со мной. Первым был сосед. Я лежала на спине, на уличном столе, а он стоял между моих ног. Он застонал первым, в последний раз толкнувшись в меня, после чего достал своего дружка. Остаток его спермы оросил мой живот, в то время как Пэкстон покрыл ею мое лицо.

Я смотрела в глаза Пэкстону, пока он шипел и содрогался надо мной, испытывая волны наслаждения. На короткую секунду я подумала, что почувствовала что-то. Думала, что почувствовал и он. Что я была больше, чем просто шлюха, но это было глупо. Это было не так. Не для него.

— Убирайся отсюда, — приказал Пэкстон надо мной, стряхивая последнюю каплю мне на сосок.

— Она ведь никому не скажет, да? — спросил Лейн, внезапно забеспокоившись о жене, про которую уже успел забыть.

Я собрала одежду и ушла, услышав ответ Пэкстона, прозвучавший так, будто он только что помогал ему сменить шину, словно я была не важнее этого.

— Не-а, она все понимает. Я иду спать, друг. Увидимся позже.

Я встала, желая увеличить расстояние между Пэкстоном и мной, забирая камень с собой.

— Выключи.

— Габриэлла.

— Так это всегда так было, Пэкстон? Я всегда была ничем для тебя? Просто шлюхой?

— Это было давно. Откуда мне было знать, что тебя только что изнасиловала банда? Я не знал этого. Ты не говорила об этом.

— А почему должна была? Ты сделал то же самое.

— Я никогда не насиловал тебя. Ты могла сказать нет.

— Да пошел ты! Боже мой, я трахалась с Лейном у тебя на глазах. Нет, позволь перефразировать. Кажется, мне не было весело. Ты смотрел, как Лейн трахал меня. У меня не было выбора. Так ведь, Пэкстон?

— Ты могла сказать нет.

— Я не хочу тебя. Я не хочу ничего, что связано с тобой. Я так

чертовски глупа. Ты никогда не любил меня, да, Пэкстон?

Пэкстон встал и направился ко мне, пытаясь сгладить все это нежностями и еще большей ложью.

— Габриэлла, я люблю тебя. Я так сильно люблю тебя. Проклятье. Почему ты этого не видишь?

— Может, потому что я для тебя не больше, чем шлюха. Сколько еще наших соседей пользовались мной?

— Никто. Прекрати, Габриэлла. Нам нужно поговорить об этом, обо всем этом.

Я отстранилась, когда он попытался притянуть меня к себе.

— Не прикасайся ко мне. Нам нечего обсуждать. Не трогай меня, не говори со мной и не говори, что любишь меня, — произнесла я повышающимся голосом.

Последняя попытка привлечь меня прозвенела у меня в ушах, когда он тихо проговорил: «Габриэлла».

Мои руки уткнулись ему в грудную клетку, и я сильно оттолкнула его, когда он подошел ближе. То, как он раскрыл для меня свои руки, было последней каплей. К счастью для него, я была намного медленнее. Его рука поймала мой кулак в воздухе, но я отдернула его.

— Не прикасайся ко мне. Никогда, черт возьми, не прикасайся ко мне снова. — Не знаю, откуда взялась эта уверенность, наверное, из-за злости. Я чувствовала себя одной из тех матерей, которые способны поднять машину, чтобы спасти из-под нее ребенка. Возможно, это было сродни суициду для меня, но мне было все равно. Я была уверена, что не смогу выдержать его. Я бы озверела, если бы он не отпустил меня. Знаю, так бы и было. Настолько зла я была.

Я вылетела из комнаты, направляясь в свою спальню, когда он повторил попытку. Я не хотела, чтобы он трогал меня.

Никогда снова.

Глава девятая

Я хотела только выйти в эту дверь и никогда больше не оглядываться. Забрать Роуэн, Офелию и Вандера как можно дальше от Пэкстона, как можно дальше от всего мира. На волшебный остров, о котором лгала моя мать. Туда, где, по ее словам, родились мы с Иззи, где нас окружала природа, и никто не мог причинить нам боль. Так я и заснула в слезах, думая о месте, лучше, чем это. Месте, где нет боли.

Разбудил меня будильник на телефоне, и, пытаясь найти источник пронзительного звука, я принялась рыскать руками по покрывалу. Мои глаза оставались закрытыми, пока я отключала его и думала о времени. Шесть тридцать. Пэкстон будет ждать завтрак через тридцать минут. Что ж, может ждать его сколько захочет. Я повернулась на бок и свернулась калачиком, но сон так ко мне и не вернулся. Если он хоть секунду думал, что я встану и провожу его на работу с полезным завтраком, он был еще безумнее меня. Я не встала. Просто лежала и думала о том, что узнала. Видео должно было вызвать у меня желание узнать больше, но этого не случилось. Стоило отпустить прошлое. Стоило сказать Ми «нет».

Меня охватило внезапное желание заплакать, когда я почувствовала боль в груди. Перекатившись на живот и сжав руками простыни, я уткнулась лицом в подушку и завопила, словно раненая птица. Звуки моего плача эхом разносились по тихой комнате, а боль в груди все больше усиливалась. Такой боли я еще никогда не чувствовала. Даже мое сломанное тело, поврежденный мозг и потеря памяти не могли сравниться с ней. Я была опустошена.

Страдания мгновенно сменились яростью, когда я почувствовала его руку на своей спине и слышала голос, мягко произносящий мое имя.

— Габриэлла?

Мои босые ноги в доли секунды оказались на прохладном паркете.

— Не произноси так мое имя. Не произноси мое имя. Точка.

— Я не знаю, как это исправить.

— Ты никогда обо мне не беспокоился. Никогда. Где мать Роуэн? Почему она не участвует в ее жизни?

— Я расскажу тебе все, что ты хочешь знать. Я не могу потерять тебя, Габриэлла.

Кровать между нами не дала мне разодрать его лицо.

— Ты уже потерял меня. Где она?

— В Техасе.

— Почему?

Пэкстон пожал плечами и произнес глупый ответ.

— Она живет там.

Слова вырывались из моего рта с такой же скоростью, как и слезы текли по щекам.

— Черт бы тебя побрал, Пэкстон. Расскажи мне! Скажи, почему она не видится с Роуэн. Скажи, почему она просто исчезла из ее жизни? Достаточно этой гребаной лжи. Расскажи!

Он опустил глаза в пол, но не произнес ни единого объяснения. Даже не солгал.

— Ты не позволяешь ей, да? Ты не давал ей видиться с Роуэн. Правда, Пэкстон? Так все было? Ты и об нее вытер ноги? Вот только она пожертвовала своим единственным ребенком, чтобы избавиться от твоего контроля. Так все было? Она бросила тебя, а ты наказал ее с помощью Роуэн?

Слова так и не прозвучали, но, на самом деле, они были мне не нужны. Тишины было достаточно, и я знала, что я права. Мать Роуэн сбежала от него. Умная. Она была умной. Я же была идиоткой, маленькой, глупой рыбкой, кормящейся с его крючка; той, что провела последние шесть лет своей жизни в аду с мужчиной, у которого собственные проблемы отцов и детей. Проблемы, о которых я никогда не узнаю, потому что он солжет.

— Иди на работу, Пэкстон. Я не хочу видеть твоего лица.

— Чего ты хочешь, Габриэлла? Что я должен сделать?

— Ничего. Ни единой, мать твою, вещи. Просто уйди.

Я повернулась к океану и темному небу за стеклянной дверью, чтобы не видеть его и его глупое, грустное лицо. Фасад. Вот, что это было. Постановка. Пэкстон мог стать звездой нового фильма на Lifetime. Он был хорош. Достойный Оскара.

Я закрыла глаза, услышав щелчок двери, и приказала себе перестать плакать. Не стоило даже удивляться. Он трахнул меня пальцем, когда я была в отделении интенсивной терапии. Не знаю, с чего я решила, что когда-то все было по-другому. Это глупо. Пэкстон не изменился, изменилась я.

Два сигнала и мерцание панели у моей двери сообщили мне о том, что он ушел, включив при выходе сигнализацию. Я вышла, услышав звук открывающегося гаража, а после и машины. Его злость выражалась в габаритных огнях и реве двигателя. Пэкстон ревел мотором и визжал

пинами, пока не скрылся из виду, выезжая на дорогу.

— Отлично, идиот. Давай, убейся. Всем станет только легче, — проговорила я вслух, наблюдая, как он срывается с подъездной дорожки, ведя себя как двухлетка, которым он и являлся.

Я честно не знала, что делать. Мне столько нужно было обдумать, столько решить, но все мысли смешались и кружились в голове. Я не знала, с чего начать. Ходила кругами, фокусируясь сначала на одном, потом на другом, но не останавливаясь ни на чем конкретно. Несмотря на то, как сильно я ненавидела Пэкстона, несмотря на то, что произошло с Иззи, несмотря на то, что было у меня с Лейном, мне нужно было думать о Вандере. Он должен быть сейчас в приоритете.

Ощувив новое чувство ориентированности, я нагрела воды для чая. Это был мой план, и я намеревалась сказать Пэкстону об этом. Нравится ему или нет — меня это не волновало. Я в одиночку зашла уже так далеко, могу продолжить. Он не нужен мне. Он ни для чего мне не нужен. Абсолютно.

Я провела день, занимаясь ежедневными обязанностями: закинула в стирку полотенца, помыла полы на кухне, поплавала в бассейне с девочками, отвезла их на танцы, а затем встретилась с Ми за ланчем. Роуэн и Фи занимались Чаки Чиз, пока я рассказывала все Ми. Все в мельчайших деталях.

— Он никогда не любил меня, Ми. Я всегда была для него не больше, чем игрушкой. Почему я вышла за него? Боже! Почему я была такой глупой? Нужно было видеть его. Я правда выключила сначала видео, потому что он готов был наброситься. Я боялась, что увижу что-то, что уничтожит меня, докажет, что я плохой человек, но нет. Я пошла к Лейну за помощью, потому что он психолог. Потому что я хотела удовлетворять своего мужа, но не могла. Знаешь, отчего больнее всего, Ми? Он все повторял, чтобы Лейн присоединился к нему. Лейн пытался сказать ему, что не хочет, но Пэкстон не отступал, говорил, сколько он упускает, пока тот, наконец, не согласился. Я так зла на него, — объяснила я Ми, которая слушала с широко раскрытыми глазами, не произнося ни слова.

— Не говори так, словно у Лейна не было выбора. Он мог просто уйти, как приличный человек. На нем лежит такая же вина, как и на Пэкстоне. Хватит недооценивать себя. Если ты не уважаешь себя, то и никто не будет. Лейн — придурок. Что насчет Вандера? Что дальше?

Я сделала глоток лимонада через соломинку и повернулась к Роуэн, которая кричала мне посмотреть, как она делает сальто назад в бассейн с шариками. У меня перехватило дыхание, и я предупредила ее не делать

этого, но она все равно не послушала.

— Молодец, но не делай так больше. Это опасно, — отчитала я ее, пока мое сердце успокаивалось, после чего повернулась обратно к Ми. — В понедельник к нам придет соцработник. Не знаю, что будет после, но Пэкстон уверен, что нам отдадут его. Просто сначала нужно пройти через все инстанции.

— А что потом? Ты останешься с ним? Ты ведь знаешь, что тебе принадлежит половина всего имущества? Пол дома, половина денег, половина бизнеса? — спросила Ми, предоставляя мне варианты.

Я засмеялась и посмотрела на девочек. Они обе хихикали, проживая счастливые мгновения.

— Мы говорим о Пэкстоне Пирсе. Уверена, что я подписала брачный договор.

— Не технически. Ты ведь все еще на самом деле Иззи, и простой анализ крови сможет доказать это. Он должен будет выплачивать тебе алименты, но тебе не придется проходить через развод. Он не сможет доказать, что женился на тебе, но ты сможешь доказать, что он отец твоего ребенка.

— Это снесет ему крышу. Я уже вижу это.

Ми посмотрела на напоминание на телефоне со странным звуковым сигналом и встала.

— Ну? Действуй. Мне нужно возвращаться в больницу. Детям без разницы — обед у меня или нет. Они думают, что могут появляться на свет в любое время. Напиши мне позже и дай знать, хочешь ли следующее видео.

— Спасибо, Ми. Поговорим позже.

Ми помахала девочкам, сказав им, что должна привести в этот мир нового ребенка и что они увидятся позже. Я посмотрела ей вслед, глубоко вздохнув, встала и убрала наш мусор. Если бы я начала незамедлительно, то смогла бы увести оттуда девочек уже к двум. Уйти на это должно было около двадцати минут. К счастью, нам еще нужно было заехать в одно место, по их же просьбе. Это должно было помочь.

Роуэн, конечно, справилась быстрее Офелии. Она натянула свои кроссовки и стояла позади меня, пока я задабривала Фи.

— У нас не будет времени на книжный магазин, если ты не вылезешь оттуда, — подначивала я ее.

Роуэн помогла мне. Она ждала выхода новой книги о Скупе с тех пор, как мы прочли первую. Это было около шести недель назад.

— Пойдем, Фи. Ты разве не хочешь почитать о Скупе?

Лично я хотела. Сара и Скуп были командой, работали вместе, помогая животным найти хорошие семьи. Скуп был говорящей собакой, но сюжетная линия была милой и преподавала много достойных уроков. В центре каждой книги был новый котенок или щенок. Следующая книга называлась «Последний котенок: забытый изгой». Это помогло вывести девочек с игровой площадки, но к тому времени, как мы приехали в книжный магазин, каждой удалось развести меня на две книги.

Убедившись, что я взяла один из экземпляров книги о Скупе, Фи и Роуэн сели за маленький столик читать большую книгу с картинками. Неважно, что их книге был отведен целый стеллаж, они не хотели, чтобы книги раскупили до того, как мы уйдем. Я неосознанно осмотрела секцию для мальчишек, выбрав рассказ о желтом тракторе с полным ковшом грязи. Улыбнувшись, я взяла книгу, чувствуя головокружение от мысли, что смогу прочитать ее ему.

— Привет, как ты?

Нахмурившись, я повернулась на знакомый голос, не говоря ни слова.

— Скуп, — сказал Лейн, продемонстрировав свой экземпляр книги. — Шанс уже трижды позвонила мне.

Я все еще не могла говорить. Голову наполняли картины того, что я узнала, и слова Ми. Он не обязан был принимать участие.

— Почему ты хотел, чтобы Ник продолжал? Чтобы он продолжал гипнотизировать меня? Ты не пытался помочь мне, да? Делал это ради своей выгоды. Так ведь, Лейн?

Лицо Лейна осунулось, улыбка исчезла, а загорелая плоть побелела.

— О чем ты говоришь?

— Я знаю. Я смотрела видео. Я знаю, что ты сделал со мной. В первую нашу встречу. Я все знаю, — сказала я, даже не думая. Я должна была сказать и имела на это право.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, Гэбби, — произнес он еще раз — еще одна жалкая попытка заставить меня поверить в очередную ложь.

— Почему ты просто не можешь сказать мне, Лейн?

— Гэбби, я помог тебе. Не я здесь злодей. Я сделал все, что мог, чтобы помочь тебе, не смей говорить, что все это было ради меня. Это не так.

— Почему, Лейн? Почему ты хотел помочь мне?

Лейн сделал глубокий вдох и сел на один из маленьких деревянных стульчиков у окна, касаясь коленями своего подбородка.

— Ты пришла ко мне. Не наоборот.

Я села возле него и подтолкнула его к продолжению:

— Зачем?

— Где Шанс? — спросила Офелия с другого конца зала.

Я приложила палец к губам, напоминая ей, что нужно говорить тихо. Она повторила вопрос шепотом.

Лейн ответил, что Шанс с мамой у парикмахера.

— Это был единственный раз, когда ты говорила со мной о той ночи. Мне так жаль, Гэбби. Знаю, что говорил это миллион раз перед твоей аварией, но это правда. Я был пьян, молод, глуп. Мне так жаль.

— Почему я пришла к тебе, Лейн?

— Все мы были у тебя дома. Я следил за вами, — произнес Лейн далеким голосом.

— Что это значит? Следил? Звучит устрашающе.

— Я — психиатр. Наблюдаю, как люди взаимодействуют друг с другом. Меня поразило то, как счастливо вы выглядели, но я знал, что это ложь. Он мог посмотреть на тебя с другого конца двора, после чего перевести взгляд на свои ноги, и ты подошла бы к нему.

— Ладно, и что?

— Ну, мы все были у вас дома. Все девчонки плавали в бассейне с напитками, кроме тебя. Ты была рядом с ним. Я как раз рассказал парням историю о нашем новом сотруднике Нике, о том, как я видел, как он стирает память у жертв насилия. Ты слышала все истории о том, как он хорош. И пришла ко мне, потому что хотела забыть о том, что случилось с тобой. Ты сказала, что не можешь наслаждаться сексом с мужем из-за изнасилования. Я не хотел углубляться в это, Гэбби. Просто так вышло, — объяснил он. — Мне очень жаль. Я не знал, что ты прошла через все это. Прости. Хотел бы я вернуть время вспять и не узнавать об этом.

Я проигнорировала извинение, подначивая его продолжать:

— Что было после?

Лейн пожал плечами и выдохнул.

— После того как я услышал твои описания изнасилования, и после того что мы с Пэкстоном сделали с тобой, я захотел узнать больше. Это было словно черное и белое. Рассказывая о банде, ты была грустной и испытывала боль, но три дня спустя ты была словно онемевшая. Я думал, что ты просто пьяна, не знал, что вызвано это было изнасилованием. Меня увлекла твоя история, твои отношения с Пэкстоном.

Меня внезапно охватила злость. Я чувствовала себя преданной.

— Я доверяла тебе.

Лейн положил свою книгу на стул между нами и потер лицо.

— Я знаю. Прости. Никто не желает искупления больше, чем я. Будь у

меня шанс, я использовал бы его, чтобы исправить это.

— Почему?

— После я начал уговаривать тебя оставить его. Тогда мы с Ником стали помогать тебе создать новую личность. Все это должно было исчезнуть, ты должна была забрать девочек и жить счастливой жизнью, Гэбби. Не так.

Я посмотрела через него на девочек, глубоко вздохнув.

— Почему ты не можешь ответить на вопрос? Что ты узнал?

— Ты не смотрела все видео?

— Нет, только одно. Мне нужно подготовить себя, чтобы снова пройти через это. Кто знает, что на следующей записи.

— Гэбби, остановись. Просто прекрати все это. Клянусь, я не лгу ради своей защиты. Я беспокоюсь за твою безопасность и безопасность твоей семьи. Как ты получила эти видео?

— Что значит, беспокоишься за мою безопасность?

— Это не угроза, Гэбби. Это предупреждение.

Я даже не стала утруждаться и требовать объяснений. Все равно это было не важно.

— Думаешь, он агрессивен? Ты хотел, чтобы я ушла от него из-за этого или по другой причине, Лейн? — спросила я. Он все еще что-то скрывал, но что? Почему?

— Ты заслуживаешь лучшего, Гэбби. Девочки заслуживают лучшего.

— Пэкстон прекрасно относится к нашим дочерям, — воспротивилась я, защищая его. Не знаю, почему вдруг я посчитала необходимым защищать этого ублюдка, но это была правда. Он был прекрасным отцом.

На этих словах Лейн встал и закачал головой.

— Конечно. Прости, что влез в это. Прости, что поступил так с тобой, прости за то, что я сделал тебе.

— Лейн, — позвала я и схватила свой экземпляр Скупи, останавливая его. — Он не бьет меня, — сказала я по неизвестной причине. Видимо, я не хотела, чтобы Лейн плохо о нем думал.

— Я знаю все, что он делает, Гэбби.

Я едва уловимо указала на факты.

— Потому что узнал это незаконным образом.

— Прощай, Гэбби. Надеюсь, ты найдешь счастье, которое искала. Ты действительно заслуживаешь его.

Лейн взял свою книгу и ушел, снова ушел из моей жизни. Я покачала головой в ответ на это безумие и забрала девочек. Мне еще нужно было испечь запеканку и продолжить жить фальшивой жизнью — времени на

молчаливые обиды не было.

— Пойдемте, девочки, нам пора.

— Можно мне еще эту книгу? Она мне нравится, — спросила Роуэн.

— Я сказала две. Если возьмешь эту, одну из выбранных придется вернуть на полку.

— Я возьму ее в следующий раз, — решила она. Я знала, что так и будет. Она точно знала, какие две книги хотела еще до того, как мы вошли в дверь магазина.

Мы с девочками громко подпевали Ариане Гранде, когда из динамиков раздался звонок Ми.

— Привет, быстрые роды, — проговорила я по блютузу.

— Ты сказала Лейну?! Ты сказала Лейну! — повторила она громким голосом, ну, не совсем громким, но громким для Ми. Она явно была взволнована.

Я отключила блютуз и поднесла телефон к уху.

— О, боже мой, Ми! Я даже не подумала о тебе. Прости, пожалуйста. Просто я увидела его, и в голове было столько мыслей... Слова сами вырвались. Мне так жаль, — снова извинилась я. Глупая, глупая драма. Каждый раз, когда я оглядываюсь, происходит что-то еще. Всегда есть что-то еще.

— Ник готов убить меня. И я не шучу, серьезно убить.

— Я не знаю, что сказать, Ми. Я не хотела, чтобы у тебя были проблемы. Я, честно, даже не подумала об этом.

— Знаешь, Ник своего рода компьютерный гений. Он уже взломал мой компьютер, гарантирую это. Готова поспорить на миллион, что видео уже нет.

— В любом случае, я не уверена, что хочу знать больше. Возможно, Лейн прав. Может, мне стоит забыть об этом, забрать Вандера и жить дальше. Мне так жаль, Ми, — казалось, что сколько бы раз я не повторила этого, все равно будет мало. Поверить не могла, что так поступила. Я подставила Ми, не думая о том, что Ник может обо всем узнать.

— Агрх, я все еще зла на тебя. Мне пора, ребенок лезет на этот свет.

— Мне жаль, Ми.

— Знаю. Забудь. Он ведь просто не может убить меня, да?

— Почему тебе жаль, мамочка? — спросила Офелия с заднего сидения, когда я повесила трубку.

Я посмотрела им обеим в глаза через зеркало заднего вида.

— Потому что я рассказала секрет, который пообещала Ми не рассказывать.

— Почему? — поинтересовались они в унисон.

— Я не намеренно.

— Какой был секрет? — хотела знать Роуэн.

— Никакой, ты не поймешь. Это касается взрослых.

Офелия застонала и закатила глаза.

— Ненавижу взрослые дела, — выдала она.

Вечер я провела так же, как и весь день — не позволяла Пэкстону увидеть мою слабость. Я веселилась с девочками, ужинала со всей семьей, прочитала две новые книги, после чего прогулялась по пляжу.

Благодаря Ми, вечером мне нужно было зайти в комнату Роуэн, чтобы перезарядить глупые камни. Я хотела, чтобы камень Пэкстона зарядился медленно протекающим желудочным вирусом. Таким, который вызовет у него желание умереть. Я даже не смотрела на него. Все внимание я уделяла глупой болтовне девочек, избегая его взглядов.

Когда я вышла из душа и надела пижаму, увидела, как он закрывает дверь кабинета. Возможно, чтобы я не услышала еще больше его лжи и тайн. Уложив уже сонных девочек спать, я вышла на патио из своей комнаты, держа в руках коктейль.

Воздух был прохладным, а небо облачным. Звезд видно не было. Даже луна была скрыта за дымкой. Интересно, была ли Ми права по поводу того, что Ник взломал ее компьютер и избавился от всех видео? Было ли мне до этого дело? Действительно ли я хотела знать? Я о многом думала в поисках ответов и одновременно рассматривала глубокое черное море, таящее свои секреты.

Я услышала, как наверху открылась его дверь, и почти успела зайти внутрь.

— Я из Техаса, — произнес Пэкстон надо мной.

Я не подняла взгляд.

— Мило. А откуда я, Пэкстон?

— Господи, Габриэлла. Я пытаюсь завести разговор, рассказать тебе то, чего ты не знаешь. Прекрати быть сучкой.

— Значит, ты решил сказать мне, что ты из Техаса? Ты со своим другом позабавился со мной, и теперь хочешь сообщить, что ты из Техаса? Что, блядь, с тобой не так?

— Поднимись.

— Нет, иди на хер, Пэкстон. Я не хочу больше находиться рядом с тобой.

— Хреново. Нам нужно воспитывать детей и получить опеку над маленьким мальчиком.

Конечно же, он должен был упрекнуть меня этим. Засадить нож мне в спину, манипулируя мною с помощью наших детей и моего обещания сестре.

— Думаешь, я не могу сама позаботиться о детях? Я способна воспитать их одна. Женщины ежедневно этим занимаются.

— Как будто я позволю тебе. Скорее убью.

Я закачала головой, смеясь.

— У тебя отстойно получается сглаживать ситуацию.

— Поднимись и поговори со мной. Мы можем все исправить, Габриэлла. Я знаю, что можем.

— Или что, ты просто убьешь меня? Видишь, как я трясусь здесь?

— Поднимись и продолжи говорить в таком тоне здесь.

Я знаю, что это было отчасти шуткой, но выбрал для этого он неправильное время.

— Иди к черту, Пэкстон. Ты мне не босс. Я не обязана слушать тебя. У меня есть право выбора.

— Да, любимая, есть, и я пытаюсь предоставить его тебе. Так было с самого начала. Можешь помочь мне в этом?

— Не нужно предоставлять мне выбор. Мне нужно, чтобы ты не принимал за меня решения.

— Нет, нужно. Это работает, Габриэлла. Я пытаюсь улучшить ситуацию. Ты могла бы перестать вести себя как сучка и тоже попробовать.

— Да, естественно, — огрызнулась я, скрестив руки, и плюхнулась на стул. Безнадежный случай. Я замолчала, отказываясь исправлять что-либо вместе с ним. Пэкстон видел только один путь. Свой. И все.

Мой телефон на столе засветился, оповещая меня о новом, однословном сообщении от Ми. «Отправлено». Это все, что было сказано в нем, и я знала, что это значит. Следующее видео было у меня на почте.

— Поднимайся, я загружу видео.

Конечно же. Естественно он знал о письме еще до того, как Ми написала мне.

— Мне ничего этого не нужно, Пэкстон. У тебя нет ничего, что мне нужно, кроме тех двух маленьких девочек. Это все.

— Пожалуйста, поднимись.

— Я заслуживаю лучшего, чем ты, Пэкстон. Где-то есть мужчина, который мог бы любить меня так, как я хочу, как заслуживает каждая женщина, — произнесла я с достаточной стойкостью, чтобы донести суть, но в то же время не перегнуть палку.

— Ни один мужчина не будет любить тебя так же, как люблю тебя я,

Габриэлла.

— Я ненавижу то, как ты любишь меня.

— Хотел бы я исправить все, вернуться в прошлое и начать заново. Ты появилась в моей жизни в плохое время. Ты была именно тем, что было мне нужно в то время. Я разыграл с тобой свои карты совершенно иначе, чем с Татьяной.

— Что это значит?

— Поднимись. Давай посмотрим видео. Хочу услышать это с твоей точки зрения.

— Я так зла на тебя, Пэкстон, — призналась я, поднимая глаза, в которых собирались слезы.

— Прости. Иди сюда. Пожалуйста.

Как идиотка, которой я всегда и была рядом с ним, я клюнула на крючок, и он подцепил меня. Глупая, маленькая рыбка. Я поднялась по лестнице со скрещенными руками, холодно настроенная и готовая свернуть горы, ну, или хотя бы Пэкстона. Он не ждал у двери, как я предполагала, он был на балконе, сидел на двухместном диванчике. Не знаю, почему меня это разозлило. Все равно я бы просто прошла мимо него. Но это не значило, что он мог вести себя неуважительно.

Я села рядом с ним, но на достаточном расстоянии, чтобы между нами могли поместиться обе девочки, не произнося при этом ни слова. Одеало со спинки диванчика могло послужить прекрасным барьером, именно так я им и воспользовалась. Препятствие, не позволяющее находиться слишком близко к нему.

Пэкстон посмотрел на меня и открыл почту, вот только сначала там было сообщение от Ми. Ник хотел, чтобы мы оба подписали соглашение о неразглашении, в котором мы обещали, что не будем обсуждать эти видео ни с кем, кроме как друг с другом, и ни коим образом не обвиним в чем-либо его. Мы оба подписали электронное соглашение и принялись ждать следующего письма. Видео, которое причинит еще больше боли и страданий, но которое все же нужно было посмотреть. Я даже посчитала себя счастливицей. Не у всех страдающих амнезией была целая видео-библиотека. Да, мне повезло.

Между нами опустилась тишина, почти такая же ощутимая, как и напряжение, пока мы ждали, когда же медлительная Ми пришлет нам видео.

Я улыбнулась, когда посмотрела на телефон и прочла ее сообщение.

Ми: Это была не моя идея.

Гэбби: Идея? Что ты сделала, Ми?

Ми: Это была не я. Тебе нужно было держать язык за зубами. Ты в порядке?

Гэбби: Да, Ми.

Ми: Пообедаем на следующей неделе? У меня есть для девочек новые камни. Хочу отдать их им.

Гэбби: Да, конечно. Что ты сделала?

Пэкстон протянул мне раскрытую ладонь, и я передала ему телефон с говорящим «иди к черту» взглядом.

— Что? Теперь ты думаешь, что у меня и к твоему телефону не должно быть доступа?

— Я отдала его тебе, разве нет? Может, ты дашь мне доступ к своему телефону? Покажи мне, что еще ты скрываешь?

Пэкстон посмотрел на меня через щелки суженных глаз, доставая свой телефон из переднего кармана.

Я не ответила, потому что не знала как. Я не ожидала этого, даже самую малость. Сделав умный вид, я взяла его, и он сказал мне пароль.

Не знаю, что я ожидала там найти, но Пэкстон был трудоголиком и, как бы неприятно мне было признавать это, семьянином. Это я там и увидела. Начала я с сообщений, но все они были адресованы либо мне, либо коллегам. Я почти улыбнулась, перейдя в галерею, но сдержалась. Я не хотела улыбаться. Пэкстон не заслуживал этой моей стороны, и все же я смотрела на счастливую семью. Любой, посмотревший на нас со стороны, увидел бы это, но потом я исчезла. Роуэн и Фи заполнили его телефон, а я стала призраком.

— Я не говорил тебе уходить с фотографий, — защищаясь, уверил меня Пэкстон.

— Да, естественно, — сказала я беззаботно, перелистывая пальцем фотографии. Мне было ненавистно то, что он так легко мог читать меня. Что он знал, что творится у меня в голове по выражению моего лица. Следующей фотографии я все же улыбнулась. Роуэн висела вниз головой, зацепившись за что-то на горке. Лицо Офелии сияло от смеха, пока она наблюдала, как ее сестра качается навесу. Мне нравился этот смех. Что-то среднее между кудахтаньем курицы и блеянием козы. Самый забавный и заразный смех в мире.

Пэкстон забрал свой телефон и пролистал в начало, к фотографиям, на которых была я.

— На этой ты устроила фотобомбу, — сказал он, указав пальцем на

меня. Я стояла за девочками, держа кроличьи ушки за их головами. — Это из Диснея. Ты попросила кого-то сделать фото и встала между ними. Я никогда не запрещал тебе этого.

— Но ты и не говорил, что я могу так сделать.

— Думаю, это зависит от того, кого спрашивать. Всегда есть три стороны: моя, твоя и правда.

Я не скрывала своей реакции. Хотела, чтобы он увидел ее.

— Да, конечно.

— Ты не запрыгивала раньше между Роуэн и Офелией, когда я хотел сделать фото. Это все, что я хочу сказать.

— Неважно. Ты закончил рыскать в моем телефоне?

— О чем она говорит? — спросил он.

Он отдал мне телефон, надул губы и скрестил руки на груди, глядя перед собой. Подростковое поведение во всей красе.

— Она ответила, Пэкстон? Я не знаю. Ты прочел то же самое, что и я. Так что ты скажи.

Лицо Пэкстона приблизилось к моему, в то время как рука скользнула вверх к шее. Подлый, как змея. Его дыхание коснулось моих губ, когда он проговорил пылкие слова, заставляя мое сердце забиться быстрее. И словно трусиха, я отступила.

— Я тебе не враг, Габриэлла. Я, черт возьми, люблю тебя. Можешь прекратить жалеть себя хотя бы на пять минут, чтобы увидеть это? Можешь сделать это, Габриэлла? — Пэкстон не дал мне времени ответить. Он поцеловал меня, поцеловал по-настоящему, и я ответила ему, ощущая сияющий взрыв в своей груди. — Прекрати, слышишь? — сказал он, проводя пальцами по моей груди. Еще раз поцеловав меня, Пэкстон придвинулся ближе ко мне, туда, где нас разделяло одеяло.

Я все еще не отвечала. Просто смотрела перед собой, позволяя адреналину течь по моим венам, пока он открывал новое сообщение на моей почте. Вот только и это было не видео. Это была ссылка на видео-чат.

— Теперь что? — спросил Пэкстон, разочарование ясно читалось в его голосе.

Я заговорила, только когда он посмотрел на меня:

— Что? Я не отвечаю, потому что ты злишься, когда я говорю, что не знаю. И все же ты продолжаешь задавать мне вопросы, ответов на которые у меня нет.

Пэкстон закачал головой, словно не понял, что я только что сказала, и нахмурился. Но в моей голове мои слова были вполне логичны.

Он нажал кнопку «скачать» и откинулся назад, ожидая установки.

Мы следили за зеленой полосой, избегая зрительного контакта, пока Пэкстон не нарушил тишину.

— Мне придется убрать стеклянную дверь в твоей комнате, заменив ее окном.

— Почему? — спросила я, в моем голосе явно было слышно замешательство.

— Вандер не может жить в комнате с выходом к бассейну. Органы опеки не позволят. В субботу придут парни и помогут мне заменить ее. Я подумал, что можно вместо этого поставить у окна диван.

Мне было все равно на диван у окна. Я слышала только одно.

— Где тогда я буду спать?

Пэкстон усмехнулся, переплетая свои пальцы с моими.

— Со мной, надеюсь.

— Каждую ночь?

— Это нормально, Габриэлла. Супруги спят в одной кровати.

Наши лица нахмурились, когда Пэкстон нажал кнопку «присоединиться в беседе». Ник крупным планом виднелся на экране.

— Ник? — спросила я.

— Оу, привет.

— Гэбби, Гэбби! — раздался зов Ми с заднего плана. Она неистово размахивала рукой, прыгая на месте, чтобы привлечь мое внимание.

Конечно же, я должна была рассмеяться, увидев это.

— Привет, Ми. Мне все еще жаль.

Она подошла ближе к Нику и отчитала меня.

— Ты уже говорила это. Больше никогда не повторяй. Это в прошлом. Привет, Пэкс.

— Пэкстон. Привет.

— Это мой парень, Ник.

— Как поживаете? Я не ее парень. Я ежедневно расстаюсь с ней, вот только она не хочет уходить.

Я улыбнулась, когда Ми поцеловала его в щеку.

Лицо Пэкстона не изменилось. Конечно же, он должен был вести себя, как придурок.

— Что это?

Полуулыбка Ника, обращенная к Ми, исчезла, и он прочистил горло.

— Как профессионал, я считаю уговор Ми и твоей жены не лучшей идеей. Я знаю, что на тех видео. Не думаю, что, выслушав только одну сторону событий, вы к чему-то придете. Всегда есть три стороны: твоя, ее и правда, — объяснил Ник.

— Ха, говорил же, — похвалился Пэкстон, словно он первый в мире сказал эту фразу.

— Так что ты предлагаешь, Ник? — спросила я, наградив Пэкстона взглядом.

— Я позволю вам послушать оставшиеся видео, в то время как мы будем обсуждать их. Я буду задавать вам обоим вопросы о том, что я узнал из следующего видео. Я уже дважды просмотрел его сегодня, так что все должно пройти гладко. Понятно?

Я сразу же согласилась, в отличие от моего упрямого мужа. Он потащил меня в дом.

— Подожди-ка минутку.

— Что, Пэкстон? Что? — спросила я раздраженным голосом.

— Я не буду с ним обсуждать. Он работает на Лейна. Не хочу, чтобы этот ублюдок лез в мои дела.

Я в неверии вскинула руки вверх и напомнила ему об одном факте:

— Думаю, этот ублюдок уже знает все о твоих делах.

— Я не буду говорить с психологом о своей личной жизни, — убеждал он меня.

Я изо всех сил старалась сохранять хладнокровие, но тупость — есть тупость.

— Ладно, Пэкстон. Я сделаю это сама. Скачаю его на планшет.

Я сделала шаг в сторону двери, зная, что он потянет меня обратно.

— Я скажу, когда мы остановимся, — настоял он, притягивая меня назад за кофту.

— Нет, не скажешь, Пэкстон. Может, сделаем это общим делом? Знаешь, как партнеры.

Глубокий вздох, напряженное выражение лица и рука в сторону террасы стали признаками моей победы. Почему-то я не думала, что в этом споре кто-то может выиграть.

Простив Пэкстону его эго, я заговорила первой.

— Хорошо, Ник. Что мы должны делать?

— Где ваши камни? — выкрикнула Ми на заднем плане.

Ник оттолкнул ее.

— Вам не нужны камни. Я скажу, что вы...

— Нет, нужны. Вам нужны камни. Где они? — спросила Ми.

Ник скрестил руки и закатил глаза, тут она тоже победила. Он подождал, пока она закончит, прежде чем продолжить, выражая высокомерие своим поведением, как это делала я.

— Мой внизу на раковине в ванной, — сказала я, не способная скрыть

веселье. Мне нравилось, как Ми вела себя с Ником, совершенно игнорируя его просьбы.

— Иди, возьми его. Где твой, Пэкс?

— Здесь. — Это удивило меня. Я даже на секунду не могла подумать, что Пэкстон будет носить с собой камень, не говоря уже о том, что он поверит во что-либо магическое. Он даже не исправил ее, когда она назвала его Пэксом.

Я знала, что с Ми лучше не спорить. Если она сказала, что мне нужен мой гематит, значит он был мне нужен. Она не замолчит, пока я не принесу его.

Но Пэкстон не только постоянно носил с собой свой камень, он также предложил мне принести мой. Уверена, у него был жар.

— Я схожу. Хочу пива.

— Я в этом не уверена, Ник. Пэкстон не любит выносить сор из избы, — сказала я, переживая о последствиях, воспользовавшись возможностью поговорить с Ником наедине. Не он находился на балконе второго этажа. Я могла ненароком упасть отсюда, не без помощи Пэкстона.

— Я понимаю, но я был там. Мне все известно.

— Могу я спросить кое-что?

— Конечно.

— Думаешь, я не та близняшка?

— Совсем нет. Поэтому я хочу принять участие. Поэтому я должен взять это в свои руки. Скоро все станет реальным, Гэбби.

Я сделала глубокий вдох, больше не уверенная, что готова. Насколько еще реальнее это может стать? Это был вопрос с подвохом.

Глава десятая

Пэкстон заставил меня сесть поближе, притянув к груди. Наши камни со стуком соединились, а глаза обратились к черному экрану. Мы оба вздохнули.

— Где видео, Ник? — спросила я.

— Больше нет видео, только аудио.

Одна рука Пэкстона лежала у меня на спине, другой он держал мою руку и наши камни. Несмотря на то, что мы ничего не могли видеть, наши глаза были обращены к ноутбуку. Уверена, Ник поработал с аудио, удалив все лишнее и оставив только главное. Первый голос, который мы услышали, принадлежал Лейну.

— *Ты все еще со мной, Гэбби?*

— Почему опять Лейн? Что он там делает?

— Тиш, я говорила тебе перестать задавать вопросы, на которые я не могу ответить. У меня амнезия, — сказала я, глядя ему в глаза. Слова прозвучали веселее, чем я рассчитывала. Мы оба подавили смех и снова обратили внимание к ноутбуку или же на океан. Я смотрела именно на него. На слабое сияние далеко в море — поцелуй луны и воды. Я слушала свой далекий голос, в то время как объятия Пэкстона успокаивали меня необъяснимым способом.

Я была зла на него, мне было больно от того, что он сделал со мной. Пусть я этого и не помнила, я все равно словно слышала его голос. Слышала, как он давит на Лейна, чтобы тот присоединился к нему, пока он использовал меня вместо своей жены. Желчь поднималась к горлу, когда я думала об этом. Я не могла так дальше. Не могла быть с ним. Услышав собственный слабый голос, я немного выпрямилась на диванчике.

— Да.

— Хорошо. Ты ведь знаешь, что мне жаль по поводу того, что случилось, да? Я люблю свою жену.

— Все хорошо, Лейн. Это работа шлюх.

— Боже, Гэбби. Ты не шлюха. Расскажи мне, как это произошло? Почему ты вышла за Пэкстона? Я даже не знаю, откуда ты взялась. В одно мгновение женой Пэкстона была Татьяна, а в следующее — ее нет, а женой стала ты. Что за черт?

Тишина.

— Гэбби, можешь рассказать, что произошло после той ночи со мной

и Пэкстоном?

— Да. Ничего не происходило до воскресенья. В тот день ты уехал около полудня, а Пэкстон работал над домом.

— Как ты себя чувствовала? С тобой все было хорошо?

— Да, я была в порядке. На самом деле, я ничего не ощущала. К тому времени я была уже бесчувственной.

— Из-за изнасилования?

— Видимо, да, — ответила я в том же тоне, которым говорил Лейн. Тихим и мелодраматичным.

— Прости, если я причинил тебе вред, Габриэлла. Я никогда не изменял своей жене. Ни разу после той ночи. Я был пьян, а Пэкстон все продолжал... Ну, ты знаешь, — подмазывался Лейн, в то же время извиняясь. Он слишком стыдился сказать, что действительно было у него на уме.

— Да, я помню. Он говорил тебе, чтобы ты засунул свой член мне в рот. И ты это сделал.

— Черт. Прости, Гэбби. Что произошло дальше? После той ночи.

— Пэкстон все еще был там, но я этого не знала. Я думала, он уехал вместе с тобой. Накануне ночью я слышала его разговор по телефону, и он сказал, что у него рейс днем в воскресенье. Позже тем вечером я гуляла по пляжу и вдруг наткнулась на него. На нем были закатанные джинсы. Он сидел на пляже и пил пиво. Сказал подойти к нему.

— Что потом, Гэбби? — спросил Лейн, когда я замолчала.

— Я подошла к нему.

— И?

— Он сказал мне сесть, но я этого не сделала. Стояла и смотрела себе на ноги.

— Что он сделал?

— Он потянул меня за руку, и я упала на колени перед ним.

— Ты боялась его, Гэбби?

— Да, очень. Кровь бежала по венам с сумасшедшей скоростью, да так громко, что я буквально могла слышать свое сердцебиение.

— Что он сказал?

— Он спросил меня, что я там делала, а я напомнила ему, что он разрешил мне остаться до воскресенья по условиям нашей сделки.

— Он ответил что-нибудь?

— Помню, он откинулся назад на локти и улыбнулся своей ухмылкой. Той самой, которая появляется, когда я веселю его.

— Почему, думаешь, он сделал это? Почему он ухмыльнулся?

— Просто ухмыльнулся.

Лейн продолжал со спокойной настойчивостью задавать мне вопросы, когда я замолкала.

— Что произошло после этого?

— Он потянул меня за руку, вынуждая опуститься на колени перед ним, я не могла смотреть ему в глаза.

— Почему нет, Гэбби? Почему ты не смотрела ему в глаза?

— Я боялась его. Он внушал мне страх.

— Что значит «внушал страх»?

— Не знаю. Я хотела быть рядом с ним, но в то же время до ужаса боялась его.

— Хорошо, продолжай. Что случилось потом?

— Ничего, он трогал меня, и все такое.

— Например? Где он трогал тебя?

— Мои волосы, много раз прикасался к подбородку, потому что я все время опускала взгляд. Каждый раз он заставлял меня смотреть на него. Сказал, что, если я не буду смотреть на него, когда он говорит, он накажет меня. Отишлепает.

Голос Лейна стал ниже, когда он в очередной раз подтолкнул меня к продолжению.

— Он сделал это, Габриэлла?

— Да.

— Ты занималась в тот день сексом с Пэкстоном?

— Да.

— Ты хотела заниматься с ним сексом?

— Наверно. Он хотел, чтобы я сделала это.

— Он причинил тебе боль? Он что-то сделал с тобой, Гэбби?

— Он не причинил мне боль. Пару раз ударил по попе, но все время растирал кожу.

— Сейчас он шлепает тебя? До сих пор?

— Иногда, если я плохо себя веду.

— Сколько раз в неделю ты плохо себя ведешь?

— Зависит от Пэкстона. Иногда он очень занят работой.

— Давайте остановимся здесь на секунду, — произнес Ник, пока я предвкушала мой ответ.

Пэкстон занервничал, заговорив встревоженным голосом:

— Почему? У некоторых из нас есть настоящая работа, на которую нужно идти утром.

Ник проигнорировал его, как сделала бы это Ми.

— Гэбби только что сказала, что боялась тебя. Ты знал об этом тогда?

— Нет, мы можем продолжить?

— Думаю, ты лжешь. Я видел, как сияли твои глаза, как менялось выражение лица, когда Гэбби рассказывала о том дне на пляже. Думаю, это новая информация для Гэбби.

Пэкстон встал и подошел к перилам так, чтобы его не видела камера.

— С меня хватит, Габриэлла.

— Пэкстон, мы едва начали.

— Все хорошо, Габриэлла. Он поступает именно так, как я думал. Переспите с этой информацией. Ваше задание: обсудить это, прежде чем я покажу что-то еще. Обсудите, что вы оба чувствуете по этому поводу.

Пэкстон принял это как знак к окончанию разговора. Он закрыл ноутбук и вошел в дом. Какое-то время я сидела в замешательстве, не зная, что делать. Заглянув за угол, увидела, как он выходит из спальни. Наш разговор ограничился тяжелым вздохом. Мы ни к чему не пришли. Ник был так же безумен, как Ми, может, даже больше. Он должен был позволить мне задавать вопросы. Я была экспертом в отношениях с Пэкстоном Пирсом. Знала, на какие кнопки надавить, чтобы он посчитал это своей идеей. Неважно, насколько умен был Ник, какая у него была степень, я знала своего мужа и его лицемерность. Таким образом с Пэкстоном не справиться.

Звук открывающегося пива я услышала раньше, чем его. Внутри Пэкстона что-то происходило, это излучалось вокруг. Я чувствовала его нервозность.

— Давай, Габриэлла. Скажи, как ты боишься меня. Ты, блядь, знала. Ты точно знала, что делала, и не отрицай этого.

Я несколько раз моргнула, пытаясь осознать его слова.

— Что?

Пэкстон сделал шаг ко мне, прижимая меня к океану.

— Ты знала, что заводит меня. Ты практически мгновенно начала подыгрывать. Не играй со мной.

— Может и так, но знаешь что? Я этого не помню, поэтому ты не можешь использовать это против меня, — я взяла из его руки пиво и отпила, тут же вспомнив, почему я его не пью. — Фу, какая гадость. Где мой коктейль?

— Знаешь что, Габриэлла? Ты считаешь, что ты невинная жертва.

Я не собиралась на это вестись. Не после того, как узнала, что он подложил меня под своего пьяного соседа.

— Прекрати, Пэкстон. Это нас ни к чему не приведет. Давай

поговорим пока о чем-то другом.

— О чем, Габриэлла? О чем мы можем поговорить, чтобы исправить это? Как мы стали такими?

— Не думаю, что я имею к этому какое-то отношение.

— Видишь, вот об этом я и говорю. Ты считаешь себя жертвой, но это не так. Ты никогда не была жертвой. Я заботился о тебе, давал все, что ты хотела.

— Я не могу оспорить это сейчас, Пэкс. Не помню этого. Почему ты не понимаешь?

Пэкстон откинул голову назад и застонал от раздражения.

— Поговорим о чем-то другом.

Так как готового ответа у меня не было, я сказала первое, что пришло мне на ум.

— Не думаю, что мою комнату нужно отдавать Вандеру, то есть ты все еще можешь закрыть дверь, поставить диванчик у окна, но Роуэн старшая. Не думаешь, что приоритет нужно отдать ей?

Пэкстон нахмурился. Я наблюдала, как его раздраженное выражение лица сменялось на замешательство.

— Я пытался избежать проблем с уборной. Разве не лучше будет, если девочки будут делить одну ванную?

— Я выросла, писая по обочинам дороги. Думаю, с ними все будет хорошо. Роуэн должна получить мою комнату.

Видимо, возведенные нами стены обрушились одновременно. Я сделала шаг к нему в тот же момент, как он пошел ко мне. Мы обменялись улыбками, разделяя вместе это безумство. Я упала к нему в объятия, окутавшие меня комфортом, который я не понимала.

Когда я подняла взгляд, Пэкстон поцеловал меня и доверил мне свои глупые переживания.

— Что, если он тебе не понравится?

— Понравится.

— Что, если он не понравится девочкам?

— Понравится.

— Что, если он не понравится мне?

— Я дам тебе по яйцам.

Пэкстон улыбнулся односторонней улыбкой, и я ответила ему тем же, счастливая, что мы смогли отвлечься от ругани хотя бы на минутку. Боже. Нужно решить это здесь и сейчас.

— Скажи, что случилось дальше, Пэкстон, — попросила я тихим голосом.

— Давай сначала займемся любовью.

Я засмеялась, позволяя ему взять меня за руку и отвести к своей кровати. Я пошла бы за этим мужчиной даже к горящим вратам ада, и он знал об этом. Не знаю даже, как описать ту ночь. Нереальная. Пэкстон был так нежен со мной, никаких прелюдий, ничего, кроме чистого секса. Чувственного и эмоционального.

— Ты не делала так, когда я раньше трахал тебя, — прошептал он, уткнувшись мне в шею при следующем толчке, задевая то самое чувственное место.

Я застонала, выгнув спину, когда он заполнил меня.

— Не делала чего?

— Этого. Этих пылких движений, которые ты вытворяешь подо мной. Они сводят меня с ума почти так же, как в тот день на пляже, когда ты меня боялась.

Я снова простонала, слыша собственными ушами полные страсти крики.

— Ты знал, что я боялась тебя? — от оргазма меня отделяли считанные секунды, но Пэкстон хотел поговорить о нашем домашнем задании от Ника. Именно сейчас...

— Да, знал. Я питался твоим страхом. Ты делала то, чего никогда не делала Татьяна.

Попытки уделять внимание и беседе, и нашему занятию сводили с ума. Я хотела услышать каждое сказанное им слово, но только не сейчас.

— Мм, вот так, малыш. Что ты имеешь в виду?

— Нравится? — спросил он, качнув своими бедрами в мои, соприкасаясь с пульсирующим клитором.

— Ага, нравится.

Меня больше ничего не волновало. Мое прошлое с Пэкстоном не имело значения. Важно было то, как наши тела вытягивали из нас этот волшебный заряд, создавая невероятное напряжение между нами. Оргазмы с Пэкстоном охватывали все тело. Начиналось все с головы, эндорфины наполняли мой организм, после появлялось покалывающее ощущение по всей коже, словно маленькие иголки прокалывали все тело. Наши рты неистово сливались, разгоряченные страстью, а тела соединялись воедино, создавая невероятный, всеобъемлющий хаос.

— Переверни меня, — произнесла я сквозь вздохи и стоны.

Пэкстон встал на колени, поворачивая мои бедра к себе. Я вылезла из-под него и оттолкнула, когда он попытался встать сзади.

— Нет, не так. Я хочу быть сверху.

— Я ненавижу это.

— Нет, не ненавидишь. Ляг, — приказала я, встречаясь своими губами с его. Взяв его достоинство в руку, я принялась ласкать его, и наши губы снова столкнулись. Мы занимались любовью в таком положении, стоя на коленях, казалось, целую вечность. Одной рукой Пэкстон играл со мной, а другой оставлял громкие хлопки, раздающиеся эхом по комнате, на моих ягодицах.

Не знаю, что произошло дальше, но это было невероятно. Может, виноват звук его руки, соприкасающейся с моей попкой, звуки наших ртов, поглощающих друг друга, или влажности между моих ног, а может и запах секса в воздухе. Это сочетание вызвало между нами взрывную, эйфорическую страсть.

Когда я уже почти достигла точки невозврата, пришлось вернуться. Агрх. Пэкстон опустил меня назад, присосавшись губами к моему правому соску. Ноги согнулись подо мной, когда я выгнула спину.

— Однажды я заставил тебя кончить таким образом, — объяснил он, проводя рукой по моей груди и животу, опускаясь к чрезмерно чувствительному и пульсирующему клитору. Его большой палец выводил круги на нем, в то время как средний входил и выходил из меня. — Это произошло после той ночи, когда ты запретила мне прикасаться к тебе здесь. Я был зол на тебя за то, что ты выставила меня дураком перед Брентом и Лейном.

Пэкстон был безумен, а его шепот — мрачным, но в то же время мягким и эротическим.

Я лежала в довольно неловкой позе с согнутыми подо мной ногами. От оргазма меня отделяли секунды, но он хотел удариться в воспоминания. Я не остановила его только потому, что меня это не волновало. На уме у меня было только одно, и это явно было не прошлое, которого я не помнила. Поэтому я не ответила на его слова, только стонала, моля об облегчении.

У меня перехватило дыхание, когда я почувствовала проникновение пальцев в оба мои входа до упора. Мои веки неосознанно закрылись, но лишь на секунду. Открыв глаза, я встретила с ним взглядом. Глаза цвета сосны заглядывали мне глубоко в душу, расслабляя каким-то образом мое тело. Больно, на самом деле, не было, не было и дискомфорта, но не думаю, что мне это нравилось.

— Знаешь, что я сейчас думаю, детка?

Ответа не раздалось. Его просто не было. Я не знала, что было в голове у меня, не говоря уже о его мыслях. Меня переполняли чувства,

накаленные до предела. Даже мои возбужденные соски были в состоянии боевой готовности. Я стонала, играя с ними, и чувствовала возвратно-поступательные движения его пальцев, но так и не ответила.

— Думаю, тебе это очень нравится. Думаю, ты запретила тогда мне это, потому что тебе было стыдно. Твое тело сотрясилось, как и сейчас, — объяснил он сексуальным, хриплым голосом.

Я чувствовала именно то, что он описал. Сначала это была просто дрожь, но затем он ускорился, играя со мной пальцами и творя ими чудеса. Подушечки пальцев одной руки занимались моим набухшим клитором быстрыми круговыми движениями. Об остальном, кажется, позаботились средний и, возможно, большой пальцы.

— Я не мог прикасаться к тебе здесь, потому что ты боялась этого, да? Только поэтому? Все это время я думал, что тебе это не нравится, только и всего. Знаю, что ты не помнишь, но помню я. Я трахал твою попку таким образом, с одним пальцем в киске и четырьмя здесь. Как и сейчас.

— А-а-ах, да, Пэкс. Вот так, не останавливайся, детка.

Все вокруг меня взрывалось, но только не я. Все.

— Вот так. Ты кончила мне прямо на руку. Прямо как сейчас.

Мое тело упало, сливаясь с матрасом. Глаза были закрыты, пока испытывала волны удовольствия.

— Господи, Габриэлла, — воскликнул Пэкстон.

— Ты ведь знаешь, что мне, вероятно, было всего семнадцать, когда ты впервые вставил мне палец в попу? Я, наверно, взбесилась, — проговорила я, пока мое тело успокаивалось, все еще дрожа от последствий и тяжелого дыхания.

Пэкстон потянул меня за руки, поднимая в вертикальное положение.

— Ты не взбесилась, ты убежала, выкрикивая, как ты меня ненавидишь, и что я едва ли не изнасиловал тебя, не получив твоего разрешения. Ты была очень расстроена, достаточно, чтобы я больше не переходил эту черту. Видишь, я не так плох, как ты думаешь. У меня есть слабые места, и я не хотел больше причинять тебе подобного дискомфорта, если это так тебя расстраивает. Ты и тогда была лгуньей. Тебе, черт возьми, это нравилось. Это просто пугало тебя, правда?

— Ты идиот и... ты идиот. Дай мне оседлать тебя.

— Нет, ляг. Я сам все сделаю.

— Ты и так все сам можешь сделать. Я просто буду сидеть сверху, — сказала я, манипуляцией прокладывая себе путь наверх. Он наградил меня неговорчивым взглядом, но не остановил, когда я толкнула его на кровать. Придвинувшись к его губам, я поцеловала его долго и страстно.

Пэкстон с легкостью проникнул в меня, мгновенно закрывая глаза с мягким стоном.

— Не шевелись, просто сиди, — предупредил он и потянул меня за волосы, приблизив мои губы к своим для грубого поцелуя. Когда я поднялась, он опустил руки мне на бедра, не выходя из меня. Он слегка раскачивал меня на своем стволе, выполняя глубокие толчки вверх-вниз. Его взгляд окутал экстаз, отрицать который я не могла.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Прекрати, — ответила я тем же самым драматическим тоном. Сейчас это было не главным, и я не хотела, чтобы он что-то менял. Я все еще была на него зла, и на это у меня были все причины.

После этого Пэкстон замолчал, сфокусировавшись на действии, происходящем между нашими ногами, и довел нас обоих до вершины. Может, секс и не был частью нашего домашнего задания, но, несмотря на это, он был нужен нам обоим. Пэкстон перевернул меня и перешел на медленные движения.

— Для меня ты была цветком, которого я никогда не видел, — проговорил он тихо.

— Я была сломлена.

— Я не знал. Ты не говорила.

Я стонала, чувствуя приближение нового оргазма.

— Почему?

Пэкстон, отвечая, толкнулся глубоко в меня:

— Думаю, я не хотел об этом слышать. Так для тебя было безопаснее.

— То есть, безопаснее было для тебя, — парировала я, прижимаясь к нему бедрами.

— Возможно. Мне нравилось, что ты меня боялась. Нравилось, что ты делала все, что я говорил тебе.

— Но почему я делала это? Этого я не понимаю.

Пэкстон выдохнул и поцеловал меня в нос.

— Правда? Может, потому что ты не та Габриэлла, на которой я женился.

— Замолчи, не поэтому. Всеми виной потеря памяти. Ми говорит, что мозг вернулся к тому времени, когда я была самой собой, когда я, как моя мама, устанавливала собственные правила.

— Ой, Ми безумная.

Дальнейшее произошло внезапно. Пэкстон с силой толкнулся в меня и излился внутрь. Его тело напряглось надо мной, и мягкие стоны удовольствия, словно пение птицы, достигли моих ушей. Мне нравилось,

когда он издавал подобные звуки. Я почти достигла цели, готовая к третьему разу, но не совсем.

Я извивалась, пытаюсь вырваться, внезапно чувствуя нужду сбежать, но Пэкстон удержал меня.

— Я не хочу быть ею, Пэкстон. Ты не можешь все контролировать.

Несколько мгновений Пэкстон ничего не говорил. Он прижался ко мне, растирая своей тазовой костью клитор. Мы смотрели друг другу в глаза, и я прикусила нижнюю губу, внезапно ощущая волны нового оргазма. Внезапно для меня, но не для него. Пэкстон точно знал, что делал. Он следил за моим лицом, доводя меня до блаженства, о котором я даже не подозревала.

— Ты так думаешь? — усмехнулся он.

Я убедила его, что не против его контроля над моими многочисленными оргазмами. Здесь никаких жалоб.

— Это контролировать можешь.

— Так я и думал.

— Мы должны обсуждать наши чувства во время первой встречи, а не заниматься сексом, — напомнила ему я.

Пэкстон перевернулся и прикрыл глаза рукой.

— Ты совершенно не была похожа на Татьяну, и это мне в тебе нравилось. То, как ты сжималась, когда я смотрел на тебя, творило безумные вещи со мной. Я не лгу, когда говорю, что влюблен в тебя. С тобой все было по-другому.

— Но ты был женат, и у вас был ребенок.

— Я не планировал жениться на тебе.

— Конечно, ты хотел только поиграть со мной, снимая с меня плату за проживание в твоём свободном коттедже.

— Ты не можешь злиться на меня за ответы на твои вопросы. Хочешь, чтобы я солгал об этом?

Я шумно выдохнула и набросила одеяло ему на бедра, прикрываясь и сама.

— Нет, скажи мне правду. Мне хватит лжи на всю жизнь.

Пэкстон снова сбросил одеяло и повернулся ко мне, опершись на один локоть.

— Сколько же ее слетело с твоих губ, Габриэлла?

— Да, справедливо, — сказала я, выдыхая, но соглашаясь с правдой. — Прикройся.

— Нет, зачем?

— Потому что я пытаюсь вести с тобой серьезный разговор, но все

время смотрю на него.

Пэкстон улыбнулся и лег обратно на спину.

— Можешь смотреть на него. Мне нравится, когда ты на него смотришь.

— Ты извращенец.

— Ох, еще какой!

— Расскажи. Где была твоя жена, когда ты был здесь, играя в семью со мной?

— Ну, мы никогда не играли в семью, дорогая. Ты не оставалась в моей кровати.

— Не нужно быть кретином. Мне и сейчас незачем здесь оставаться.

— Я не веду себя как кретин, всего лишь говорю правду. Сначала я приехал сюда по работе. Когда распродал все эти участки, принялся за подработку. Предложения Картер Банка и Трастовой Компании были слишком крупными, чтобы отказываться. Я планировал приехать сюда и подготовить дом. Она не осталась бы здесь из-за беспорядка и хаоса. В течение недели мне приходилось пользоваться ванной в гараже. Татьяна ни за что не согласилась бы на это.

— Что потом? — спросила я, подвинувшись ближе к нему, в уют его тепла.

Он поднял для меня руку, но потом отстранился.

— Стой, что ты сделала с моим камнем?

— Он на балконе с моим. Отвечай на вопрос.

— Подожди, я принесу его.

Я нахмурилась, наблюдая, как его голый зад направляется на балкон за глупым камнем.

Пэкстон улыбнулся, поставив их на прикроватный столик, все еще соединенные магнетической силой.

— Сегодня они могут поспать вместе.

Конечно, это вызвало еще больше вопросов в моей голове. Готова ли я была забыть все и жить с ним дальше? В нашей комнате? Могла ли я сделать это?

— Что дальше, Пэкстон? — спросила я, отчитывая себя за перегрузку. По одному за раз, Гэбби. По одному за раз.

— Татьяна была слишком занята собственной жизнью, чтобы заботиться о семье. Она никогда не хотела ее. Она вышла за меня только потому, что забеременела. Она не хотела меня или Роуэн. Она хотела свои несколько лет славы.

— Славы?

— Она была чирлидером Лонгхорнс в колледже, но потом забеременела Роуэн и ушла. Я думал, она покончила со всем этим. Думал, что смогу построить для нее дом, который она хотела, и она остепенится.

Прекрасно, чирлидерша. Словно я и так не чувствовала себя уродиной, когда он говорил о ней.

— Я здесь надрывал зад, пытаясь подготовить его для нее и Роуэн и....

— И забавляясь со мной, да, Пэкстон? Ты держал меня на привязи с первого дня.

Я почувствовала прикосновение его губ к моей голове, прежде чем он продолжил.

— Да, но я знал, что прогоню тебя, как только привезу ее сюда.

Это мало чем помогло моей самооценке. Он в очередной раз заставил меня почувствовать себя вторым сортом.

— Она не приехала?

— Думаю, мы услышим об этом с твоей точки зрения. Может, подождешь?

Я переплела наши пальцы, прижав свое тело к его груди.

— Сначала я бы хотела услышать твою версию. По крайней мере, это даст тебе шанс искупить себя, прежде чем я снова начну тебя ненавидеть.

— Не знаю, поступил бы я иначе или нет, Габриэлла. Мне нравилось, как мы взаимодействовали.

— Мы не взаимодействовали, Пэкстон. Ты говорил мне, что делать, и я делала.

— Именно, но ты была чертовски хороша в этом. Ты не все делала по моему приказу, Габриэлла. Я не говорил тебе проводить воскресное чтение с соседскими детьми. Это было твое решение. Я не говорил тебе печь кексы для всей бейсбольной команды. Не говорил тебе тратить все свои деньги на рождественские подарки для других детей.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Это потому что у тебя амнезия, — Пэкстон подразнил меня еще одним поцелуем в голову, страстно понижая голос. — Еще эта глупость на прошлое Рождество. Вы с девочками проводили каждую субботу в течение целого месяца в общественном центре, упаковывая подарки для благотворительной акции.

— Это не плохо, Пэкстон, но ты все равно заставлял меня бегать кругами, как курица с отрубленной головой, то туда, то сюда. Я была в замешательстве. И это было просто безумие.

— Ты знаешь, почему я это делал, Габриэлла? Почему я закидывал тебя заданиями?

— Почему?

— Потому что я не хотел, чтобы ты изменила мне, как это сделала Татьяна. Думал, что, если ты будешь занята девочками, у тебя просто не будет на это времени.

Я нахмурилась, но не посмотрела на него.

— Она так и не приехала сюда, да?

— Нет, не для жизни. В планах у нее этого не было.

— Но Роуэн? Она просто оставила ее? Не могу представить этого. — Я бы не смогла. Ни за что. Расставание с ними на три дня едва не убило меня. Как она могла просто уйти? Я не понимала.

— Все не так, как ты думаешь. Ты считаешь, что я не давал ей видеться с ней, что было правдой поначалу. Когда она приехала сюда с новостями о своей новой карьере, я сказал ей, что Роуэн она не заберет.

— Какой карьере?

— Пока я здесь надрывал зад, чтобы этот дом соответствовал ее стандартам жизни, она тренировалась для того, чтобы стать чирлидером Далласских Ковбоев. Она не собиралась жить здесь.

— Вау, мама Роуэн — чирлидер Далласских Ковбоев?

— Была. Сейчас ей почти тридцать. Понятия не имею, где она теперь.

— Она когда-нибудь приезжала сюда, чтобы увидеться с ней?

— Несколько раз, но где-то с полутора лет Роуэн она тут не появлялась.

— К тому времени у нас уже была Фи.

— Да, мы были женаты. Офелия была еще совсем крохой.

— Я встречалась с ней?

— Да, однажды она была здесь, когда я вернулся домой с работы. Не в этом направлении я хотел увести разговор. Не хочу говорить об этом. Мы должны были обсуждать, как мы чувствовали себя, когда все это началось.

— Думаю, я с самого начала любила тебя.

Пэкстон снова фыркнул.

— Я так не думаю.

— Почему ты хотел меня? В смысле, я едва ли похожа на чирлидера Далласских Ковбоев.

— Ты сумасшедшая. Если захочешь, можешь стать и чирлидером. Тебе не нужен макияж и дизайнерская одежда, чтобы быть красивой. Тебя всем наградила природа.

— Вау. Думаю, это лучшее, что ты мне говорил.

— Возможно, — признался Пэкстон, смеясь.

Мне ненавистно было засыпать в его объятиях той ночью. Ненавистно

было ощущение счастья и безопасности. Я чувствовала его. Пэкстон был противоположностью безопасности и защищенности. Я знала это и все равно каждый раз подпускала его к себе.

Он заснул первым, его дыхание было расслабленным, а я думала, что делать дальше.

Глава одиннадцатая

Пэкстон не шутил, когда сказал, что ребята придут помочь ему убрать дверь. От этого я и проснулась. Звук дисковой пилы раздавался на весь дом.

Я посмотрела на его пустую половину кровати, потом на часы.

— Серьезно? — произнесла я вслух. На циферблате едва было восемь утра, а Пэкстон уже распиливал дом пополам. Еще и в субботу.

Словно этого было мало, Роуэн и Фи помогали ему. Я увидела их, когда вышла на балкон, обе несли обломки в тележку, оставленную посередине выложенного плиткой патио. Некоторые куски падали в бассейн. Засунув простынь себе подмышки, я прокричала вниз. Раз пять.

— Пэкстон! — прокричала я, как только выключилась пила.

— Что? — спросил он, подняв защитные очки. Он смотрел на меня, будто я уже совершила глупость.

— Что ты делаешь?

— Привет, миссис Пирс, — сказал Пит, выглянув из-под балкона.

Вежливо кивнув Питу, я усерднее закуталась в простыню и посмотрела на Пэкстона.

— Я думала, мы поговорим об этом. Ты не думаешь, что торопишь события?

— Смотри, мам. Мы помогаем, а потом папочка разрешит нам красить, — крикнула Фи, прикрыв рукой глаза.

Пэкстон повернулся к Офелии, относя кирпич в тележку.

— Не сегодня. Сначала должен высохнуть цемент, помнишь? — сказал он, прежде чем повернулся ко мне. Фи проигнорировала его, потому что Роуэн сказала, что ее кирпич больше. — О чем нам нужно было поговорить? Я не понимаю.

Я застонала и вернулась в комнату, где надела пару его боксеров и футболку. Смешанные мысли о том, почему я была так зла, заполнили мой разум, пока я закатывала резинку шорт и спускалась по лестнице.

Увиденный беспорядок еще больше разжег мою ярость. Через день к нам должны прийти из органов опеки, а Пэкстон решил разрушить дом. Все вещи из моего гардероба были сложены в три стопки на нашем обеденном столе, полные одежды комоды выстроились в три ряда, а коробки, Бог знает с чем, усыпали пол. Предметы гигиены из ванной, косметика, обувь — все это занимало всю обеденную зону, а сверху это

покрывал плотный слой пыли. Я повернулась вокруг своей оси, взъерошив волосы пальцами. Неудачная попытка успокоиться.

— Господи, Габриэлла. Когда ты стала такой чертовски красивой?

— Что? — спросила я, ощущая внезапное блаженство.

— Ты чертовски восхитительна. Почему я раньше этого не замечал?

Я не могла сдержаться. Разбилась, как сырое яйцо. Улыбка выдала меня.

— Потому что ты идиот, и я не пытаюсь быть красивой. Я хочу злиться на тебя. Что, черт возьми, ты делаешь, Пэкстон?

— Я предупреждал тебя об этом.

— Я не думала, что ты имел в виду сегодня, в субботу, — сказала я, пытаюсь вспомнить разговор. Он говорил, что они придут на следующий день? — Нельзя просто собрать мои вещи и выбросить их таким образом. У нас нет на это времени.

— Есть. Ты ведь не хотела, чтобы все твои вещи покрылись пылью?

Я что, не могу даже здраво мыслить?! Все, на что падал мой взгляд, уже было покрыто пылью.

— Мне нужен кофе.

Пэкстон остановил меня, когда я попыталась обойти его и тот беспорядок, что он сотворил. В неподходящую субботу!

— У нас уйма времени, Габриэлла. Я помогу тебе перенести вещи в нашу комнату вечером, а завтра мы поедem по магазинам за вещами для Вандера.

Наша комната — это все, что я слышала.

— Ты не можешь просто сделать это. Я никогда не говорила, что хочу этого.

— Вандера? Ты не хочешь Вэна?

— Конечно хочу, но ты не знаешь, что случится. Я даже не говорила, что буду спать с тобой в одной кровати. Пэкстон, нет. Ты слишком спешишь.

— Слишком спешу? Я делаю это для тебя, Габриэлла. Я изо всех сил стараюсь правильно поступить ради тебя.

— Пэкстон, ты даже не дал мне времени осмыслить всю историю с Лейном. Вот ты бы когда-нибудь рассказал мне, если бы я не узнала сама?

Пэкстон покачал головой в неверии.

— Почему ты все портишь, Габриэлла?

— Порчу? Хм-м, ладно. Я просто пойду выпью кофе, прежде чем это перерастет во что-то неприятное. Я и так уже сожалею.

— Я не понимаю. Прошлой ночью с тобой все было хорошо, ты

седлала мое лицо и трахала меня до безумия. Казалось, с этим у тебя не было проблем вчера. Что случилось, Габриэлла? Что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Для начала, следи за языком, — произнесла я, оглянувшись, проверяя нет ли рядом девочек. Подняла на него взгляд, уперев кулаки в бедра. — Послушай, я знаю, для тебя это тоже ново, но посмотри на эту ситуацию с моей стороны. Господи, Пэкстон, вы использовали меня как какую-то шлюху, которую нашли в баре.

— Нет, на пляже. И я правда думал, что ты шлюха. Ты никогда не отказывала, Габриэлла. Ни разу ты не сказала «нет».

— Я была напугана, Пэкс.

— Говоришь так, будто помнишь.

— Нет, говорю так, словно чувствую это. Ты обращался со мной, как с мусором.

Пэкстон застонал, ударяясь затылком о стену в разочаровании. Словно ему было в чем разочаровываться. Это со мной он обращался, как со шлюхой.

— Я относился к тебе так, потому что ты позволяла, потому что страх в твоих глазах распалял во мне огонь, и ты просила этого.

Это взбесило меня.

— Я просила этого?! Что ж, ладно, раз я этого просила.

— Какого хера, Габриэлла? Я пытаюсь показать тебе, как сильно ты разжигаешь огонь во мне сейчас. Разве этого недостаточно?

Я сузила глаза, пытаюсь осознать его слова.

— То есть, раньше тебе со мной было скучно? Что случится, когда тебе станет скучно в следующий раз? Может, ко мне вернется память, и это развлечет тебя ненадолго?

Пэкстон не сказал ни слова. Вены на его шее не вздулись, как это обычно бывало, но я видела, как сжимаются его пальцы. Однако мне не было страшно. Я достаточно чувствовала их на своей шее, чтобы знать, что это только угроза. Он бы не причинил мне вред. Он даже не заговорил. Пробормотал что-то неразборчивое себе под нос и ушел.

— Эй, — окликнула его я.

Пэкстон повернулся ко мне без единого слова. Думаю, это был один из тех случаев, когда имело место правило не открывать рта, когда ничего хорошего сказать не можешь.

— Я не сидела вчера у тебя на лице.

— А ты слушаешь, — ухмыльнулся он, подмигнув, и ушел.

Я вытянула голову, уставившись на него, и застонала. Начальной моей

остановкой был кофе. Лишь взгляд на беспорядок Пэкстона нервировал меня.

Первую половину утра я провела в комнате Пэкстона. Нашей комнате. Перекладывала его вещи из двух шкафов в один. Что еще мне было делать? В любом случае, если мы расстанемся, ничего из этого не будет принадлежать мне. Пэкстон не даст мне даже пары обуви, не говоря уже о целом гардеробе.

Передвигая последнюю коробку с полки моего нового гардероба, я уронила ее, услышав голос Пэкстона.

— Вау, уже переезжаешь, — подразнил он игривым голосом, Роуэн и Фи стояли за ним.

Я принялась отчитывать его за то, что он испугал меня, и опустилась на колени, чтобы подобрать коробку, но остановилась на пол пути. Я перевела взгляд обратно на мрачное выражение его лица, после на девочек. Они обе ухватились за среднюю планку в гардеробе и выполняли кувырки.

— Ты сходил за ним? — спросила я, взяв коричневый конверт из коробки. Я без сомнения знала, что это конверт из коттеджа.

— Я еще не открывал его, — убедил он меня.

— Что это? — захотела узнать Фи.

Я повернулась к ним и нахмурилась, убирая их маленькие грязные ручки от пустой перекладины.

— Что вы делаете? Прекратите. Вы грязные. Посмотрите на отпечатки, которые вы оставили по всей стене. Идите помойтесь.

— Но что это, мам? — повторила вопрос Фи.

Я шлепнула ее по попе и сказала, что это для взрослых, и она последовала за Роуэн, жалуясь, что ей не нравятся дела взрослых.

— Когда ты забрал его, Пэкс?

— В тот же день, когда ты мне сказала о нем.

— Что в нем?

— Не знаю. Клянусь, я не смотрел. Хотел, но остановился. Посмотрим вместе.

— Сейчас?

— Нет, сначала нужно разобраться с Вэном. Ты спрятала его там, не я.

— Что это значит? Боишься, что, если посмотришь сейчас, остановишься? Что не захочешь Вандера?

— Нет, дело не в этом.

— Боишься, что не захочешь меня?

— Габриэлла, это слишком. Ты не единственная жертва здесь.

— Теперь я жертва? — спросила я, подловив его на его же словах.

Всего лишь прошлой ночью он настаивал, чтобы я прекратила разыгрывать из себя пострадавшую.

— Отдай его мне. Положу его в кабинете до того времени, как будем готовы.

Я стояла, держа в руках хрустящий и новенький конверт цвета меди. Что бы там не было, лежало оно там не долго.

— Хочу увидеть, что в нем.

Пэкстон скрестил руки и облокотился на дверную раму.

— Я не буду отговаривать тебя, если ты этого ожидаешь, Габриэлла.

Мой взгляд переместился с него обратно на спрятанный секрет, когда в пустом гардеробе раздался мягкий вздох. Мы встретились взглядом, и я сделала шаг к нему, пихнув конверт ему в грудь.

— Ты не представляешь, как это сложно. Я знаю, что все, что я узнаю, это правда, но не могу ничего вспомнить. Я спрятала его там. Знаю, что это так, но понятия не имею, что в нем. Такими темпами, это может быть что угодно.

Пэкстон задержал мою руку на своей груди и заговорил спокойным и собранным голосом.

— Потому мы не станем открывать еще одну тайну сейчас. Их и так достаточно. Вандер. Сегодня главный он. Подготовка к нему. Сконцентрируемся на этом. Давай повезем девочек поесть пиццу и скажем им.

— Скажем что?

— О Вэне. Скажем, почему папа разрушил сегодня твою комнату.

— Нет, не стоит. Что, если этого не случится, Пэкс? Что, если ты делаешь все это впустую? Они не передают детей людям, которых не знают. Уверена, так это не работает.

— Это случится, Габриэлла. Прекрати искать причины для ссоры. Нет ни единой причины, почему бы им не позволить мальчику быть с его семьей, вместо системы. Ты ищешь проблем.

— Я боюсь напрасно в это поверить, Пэкстон.

— Поверь, детка. Он будет жить здесь раньше, чем ты думаешь.

— Как скоро?

Пэкстон пожал плечами и поцеловал меня в нос.

— Узнаем в понедельник. Пойдем. Мне нужно твое мнение по поводу дивана.

— С каких пор тебе нужно мое мнение?

— С тех пор, как я пытаюсь осчастливить тебя.

Я улыбнулась этому замечанию. Сложно было сдержаться. Он был

милым, но в то же время дураком.

— Слышишь этот смех и шум воды из твоей ванной? Это все твой беспорядок.

— Хорошо, я пойду заберу эти два беспорядка, а ты убереешь их беспорядок. Мне нравится эта идея. Пошли, посмотришь, что я сделал.

Я встала на носочки, придвинувшись к его губам.

— Ты хитрый черт, знаешь это? Очень манипулятивный.

— Это моя специальность, — признался Пэкстон с ухмылкой. Языком он провел по моей нижней губе и проскользнул внутрь, снова вызывая покалывающее чувство прямо в центре груди.

Я ответила на поцелуй, опираясь ему на грудь в надежде, что его тело удержит меня. Так и было, и я словно попала на крючок. Я вцепилась в его ядовитую приманку, зацепилась за крючок, проглотила леску и грузило вместе с ней.

Хихикающие девочки разделили нас, и я отошла как можно дальше, пытаюсь не разрывать поцелуй.

— Маленькая, глупая рыбка.

Пэкстон посмотрел на меня, мгновенно нахмурившись, когда я обошла его.

— Что? Почему я маленькая, глупая рыбка? Я не понимаю.

Я прогнала девочек из спальни, улыбаясь ему через плечо.

— Это я маленькая, глупая рыбка.

— Все равно, не понимаю.

— Забудь, Пэкс.

— У меня есть рыбка. Из фургона с животными, — напомнила нам Офелия. Мой взгляд выдавал мое недовольство. Я пропустила тот момент, потому что была в тюрьме.

В итоге день оказался вполне хорош. Если не считать быстрого сноса двери, все прошло гладко. В магазине, которым Пэкстон пользовался последние пять лет, не было в наличии окна нужного размера. Привезти его могли только ко вторнику. Но это была не проблема. По крайней мере, соцработник мог видеть, что работа ведется. Пока ему пришлось прибить на это место фанеру, и, к моему удивлению, он даже не возмущался. Весь вечер он был счастливым и игривым.

Даже когда мы закончили работу на сегодня, убрали и отправились ужинать, Пэкстон был веселый, счастливый, в приподнятом настроении. Из-за этого сложно было думать о расставании с ним.

— Думаю, нужно купить маме мини-Вэн, — пошутил он.

Я нахмурилась, но все равно засмеялась скрытой шутке, а девочки

согласились насчет минивэна.

— Я не буду водить минивэн, — тут же ответила я с легким чувством головокружения. Я была с одной стороны влюблена в этот момент, с другой — насторожена. Мне было сложно доверять Пэкстону. Мужчина, который сейчас привез свою семью есть пиццу, был не тем, с которым я покинула больницу. Но... он все еще был здесь, и я это знала.

— Мне нравится синий, мам. Эй, смотри, там лошадка, — выкрикнула Офелия, когда мы проехали мимо грузовика с трейлером, в котором была черная лошадь. Она мгновенно забыла про минивэн. Неугомонное дитя.

Конечно, Роуэн не могла просто так оставить это.

— Это не лошадка, это пони, да, пап?

— Это была лошадь.

— Нет, неправда. Лошади больше.

— Не-а, Роуэн. Она просто не выросла еще. Как ты.

— Я старше тебя.

— Но ты не большая.

Мы с Пэкстоном обменялись взглядами, прежде чем прекратить глупую ссору.

— Давайте поедим курицу, — сказал он в зеркало заднего вида.

Я засмеялась, когда они одновременно закричали «нет».

— Чаки Чиз, — обоюдно решили они.

Пэкстон свернул направо, направляясь к Марии, его любимой пиццерии.

— О, нет, я сказал пицца, а не Чаки Чиз. Ненавижу это место.

— Но мы хотим поиграть там, — заныла Фи.

Я уставилась в окно, слушая в пол уха, внезапно ощутив какое-то предчувствие, дежавю. словно я уже однажды проживала подобную сцену. Только я сидела на заднем сидении. Я вела спор.

— Гэбби сказала, что мы бастарды, потому что у нас нет отца. Я не бастард. Скажи ей, что я не одна из них, — пожаловалась я с заднего сидения.

— Нет, это правда. Мы обе бастарды. У нас нет папы.

Движущийся за нами грузовик завизжал шинами и загудел в клаксон, когда мама свернула машину к обочине дороги.

— Вы не бастарды. У вас есть папа.

Я моргнула, пытаясь сфокусироваться на Пэкстоне.

— Привет.

— А?

— Ты куда улетела?

— Я... я не уверена. У меня есть папа.

— Эм. Ладно.

Пэкстон сменил тему, когда одна из девочек спросила, кем был мой папа. Вместо этого он заговорил о школе, спрашивая Роуэн, что она думала о пропуске первого класса.

— Я тоже пропущу детский садик, — решила Офелия.

И снова мое внимание перехватила семья и вражда между спорящими девочками. Пэкстон объяснил Фи, как весело в детском садике, и она очень быстро поменяла решение. Я смотрела на ограждение у дороги, пытаюсь вернуть те видения, которые были нужны мне больше всего.

Эти мысли вылетели сразу же, как только мы заняли столик в Чаки Чиз — мой муж снова сдался. Пэкстон был хорошим человеком. Мужчиной, по которому пускали слюни женщины, отцом, которого хотела каждая жена, любовником, заставляющим пальцы на твоих ногах сжиматься. Я улыбнулась ему с другой стороны стола, думая о своем глупом наблюдении, и покачала головой из стороны в сторону.

— Что? — тут же спросил он.

Я посмотрела на свою сырную пиццу, накручивая сыр на вилку.

— Ничего, просто фантазия.

— Что такое фантазия? — спросила Фи, откусывая уже от третьего кусочка пиццы.

Пэкстон посмотрел на Фи, затем снова на меня.

— Боже, ты что, не кормила ее сегодня?

— Знаю, она ест не в себя, — ответила я Пэкстону, а после и на вопрос Фи, которая смотрела на него. — Это притворство. Фантазия — это что-то нереальное.

Пэкстон сузил на меня глаза, переваривая мои слова. Я не сказала ничего, что не было правдой. Он это знал. Несомненно, он мог по щелчку пальцев снять с себя обличие овечки. Я много раз это видела за последние несколько месяцев. В одно мгновение он был мягким и нежным, как овечка, а в другое — волком, поедающим бедного олененка. Прожует и выплюнет в мгновение ока.

— У меня полный живот, — объявила Роуэн, поглаживая живот круговыми движениями.

— Можешь идти, — кивнула я, вытирая соус с уголка ее губ.

— Я тоже, мамочка?

— Да, ты доела?

— Да, но я хочу допить свой напиток. Не выбрасывай его, — прокричала, убегая, Офелия, пытаюсь обогнать Роуэн.

Я смотрела им вслед, продолжая вести обычную беседу с Пэкстоном:

— Смотри, они обе направились напрямиком к скалодрому, каждая желает обогнать другую, — я сделала глоток через соломинку и повернулась к нему, когда он не ответил. — Что?

— Думаешь, это нереально?

Я закатила глаза и повернулась к девочкам. Офелия добежала до скалодрома на два шага быстрее Роу.

— Не делай из этого проблему, Пэкстон.

— Хорошо. Я просто упомяну об этом в разговоре с девочками, и ты сможешь объяснить им, ладно?

Почему я чувствовала вину из-за всего, что говорила ему, для меня было непонятно. Не могу сказать, что он не заслуживал этого, но, тем не менее, меня грызла совесть.

— Прости, — сказала я, снимая туфлю с левой ноги в жалкой попытке флирта. Склонив голову и хитро улыбнувшись, я провела пальцами по его ноге.

— Думаешь, я не люблю тебя, Габриэлла? Люблю. Я не стану приукрашивать свои чувства. Не говорю того, чего не подразумеваю.

— Пэкстон, не делай из мухи слона. Я ничего не хотела этим сказать.

— Почему в машине ты сказала, что у тебя есть отец?

Я моргнула несколько раз, вспоминая об этом.

— Не знаю. У меня было быстрое видение того, как мы с сестрой и мамой ехали по шоссе. Я была зла на Гэбби за то, что она назвала нас бастардами, так как у нас не было папы. Мама резко свернула к обочине и повернулась к нам, сказав обеим, что у нас был отец. Но это все. Это все, что я видела.

Пэкстон смотрел на меня встревоженным взглядом.

— Что? — наконец спросила я.

— Гэбби? Гэбби сказала, что вы бастарды?

— Да... — ответила я с сарказмом. — Так я и сказала.

— Так ты не Гэбби? Это твои слова.

— О, боже мой, Пэкстон. Может, прекратишь уже? Мы были маленькие, в возрасте Офелии. Тогда я еще была Изабеллой. Тебе и правда в это не верится? Скажи мне честно. Ты правда веришь в то, что я не та Габриэлла, на которой ты женился?

— Временами не верю, временами верю. Если так, что ты...

— Габриэлла! Где Роуэн и Офелия?

Я обернулась как раз вовремя, чтобы поймать Шанс, летящую ко мне с распростертыми объятиями и радостным выражением лица. Я обняла ее,

потому что хотела, а не потому что должна была. Я, вроде как, любила ее, но не ее маму и папу. Спор ее родителей, стоящих позади нее, был очевиден. Кэндес хотела уйти, а Лейн пытался вести себя цивилизованно.

— Привет, малышка. Как дела?

— Хорошо, у меня выпал четвертый зуб, видишь?

— Правда? У Роуэн тоже. Тот же самый.

Глаза Шанс расширились, а рот открылся.

— Правда? Пойду посмотрю.

Я перевела внимание на выражение лица Пэкстона.

— Забирай девочек, — приказал он.

Я вскинула руки в воздух в защитном жесте, останавливая его.

— О, нет, я не стану этого делать. Они только пошли на площадку. Сам иди забирай. Я боюсь.

Пэкстон не смог сдержаться. Он усмехнулся, и я последовала его примеру. Напряжение между нами ослабло благодаря простой улыбке и взгляду. Взгляду, которого я не понимала, и, уверена, он тоже. Значение, которого не осознавал ни один из нас.

— Могу я подкупить их мороженым?

— И мини-гольфом?

— Хм, — задумался он над идеей. — Мне нравится, я не играл в гольф целую вечность. Давай сделаем это, партнер.

Мое сердце снова затрепетало, и этого я тоже не понимала. Одно маленькое слово произвело на меня тот же эффект, что и занятие любовью. Партнер.

К счастью, подкуп сработал. Пэкстон выманил их с игровой площадки и оторвал от подруги, размахивая морковкой перед их носами. Простофили.

Ни Кэндес, ни Лейн не признали нашего присутствия. Даже взглядом. Мы с девочками попрощались с Шанс, и на этом все. Я не посмотрела в их сторону.

Мороженое и мини-гольф стали глазурью на торте. Пэкстон бил мимо мяча, но он не умел проигрывать. Мне это казалось смешным, как и нашим хихикающим дочкам. Роуэн и Фи были здесь лучшими. Конечно же, это он дал им выиграть. Несомненно.

Солнце собиралось прятаться за горизонт, когда мы возвращались домой. Темно-красное небо освещало наш путь, заканчивая довольно хороший день. Я повернулась к девочкам, когда услышала щелчок, точно зная, что это было. Роуэн сидела позади отца, Офелия за мной, а их ручки соединялись посередине. Волшебные камни со стуком притягивались

снова и снова, пока они, потерявшись в мыслях, выглядывали в окна.

Пэкстон достал руку из кармана, положив ее на центральную консоль. На его ладони лежал черный камень.

Черт.

— Он дома на комод, — призналась я с извиняющейся улыбкой.

— Ты отстойна в отношении волшебных камней, знай.

Я хихикнула и положила свою руку поверх его, наслаждаясь тем, как его пальцы обхватили меня.

Однако мне все равно пришлось подняться за своим камнем, когда девочки приняли ванну и устроились в кровати Роуэн для истории. Ни за что бы меня не пустили в душ, пока мы не перезарядим их. О чем я только думала? Я предложила им зарядить свои камни с магнитом отца, пока я буду нежиться в ванне с пеной. Моя идея была плохо воспринята, но я все равно не осталась с ними надолго. Я не шутила, когда сказала, что хочу понежиться в горячей ванне с лавандой. У меня болела голова, но не сильно. Обычной тупой боли достаточно, чтобы самочувствие было не очень хорошим.

Наконец, я оставила их, поцеловав обеих, когда Роуэн увлеченно читала книгу и была уже на середине. Она довольно хорошо читала. Пэкстону пришлось помочь ей произнести несколько больших слов, но для шести лет она была на высоте. Я невероятно гордилась ею.

— Продолжай читать, я скоро вернусь.

Я остановилась в коридоре, зная, что эта пауза из-за меня.

— Ты в порядке?

Я хотя бы попыталась скрыть удивленный взгляд?

— Что? Кажется, ты плохо себя чувствуешь.

Я слегка замахала головой и поцеловала его.

— Ты не спрашивал меня, все ли в порядке, когда я и пяти минут выстоять не могла. У меня немного болит голова, а ты уже беспокоишься?

— Наши отношения никогда не станут настоящими, если ты продолжишь так относиться ко мне, Габриэлла.

Я почти произнесла в ответ что-то колкое, что-то о том, как он выбивал из-под меня костыли, когда я не могла самостоятельно ходить, но сдержалась.

— Да, не тебе ведь нужно отпустить эти воспоминания. Это сложно. Я в порядке. Просто немного болит голова. Я пойду полежу чуть-чуть в горячей ванне с пеной. Закончи читать с девочками.

Пэкстон некоторое время смотрел на меня, прежде чем сделать глубокий вздох.

— Иди наверх.
— Я хочу в свою ванную.
— Это больше не твоя ванная. Иди наверх.
— Хорошо, но я не хочу сегодня смотреть видео.
— Почему?
— Просто не хочу. У нас был хороший день. Не хочу его портить.
— Пап, ты идешь? — позвала Роуэн, встав на колени и выглядывая в коридор с края кровати.

— Иди, почитай с ними. Скоро увидимся.
— Иду, — отозвался Пэкстон, взяв меня за руку. Конечно, волшебные камни в наших руках соединились с щелчком. Один шаг вперед, и я уже была прижата к стене, а колено разделяло мои ноги. Волна эндорфинов молниеносно пронеслась по моему телу. — Ты веришь в магию, Габриэлла? — спросил он хриплым голосом, которым обычно говорил, находясь во мне. Его язык проник мне между губ, а колено сильнее прижалось к моему внезапно очнувшемуся клитору. Предатель.

— Господи, Пэкс, — воскликнула я, положив руки ему на грудь, изо всех сил пытаюсь оттолкнуть его от себя.

Он проговорил такие же сексуальные слова, уткнувшись мне в шею.

— Продолжайте, миссис Пирс.

Я сдержала стон, когда Пэкстон потянул меня за волосы, заставляя посмотреть на него.

— Лучше остановись. Я уже готова сорвать с себя одежду.

Это охладило пыл доминирующего Бога секса достаточно, чтобы я смогла сбежать от него. В играх я была плоха. Я всегда проигрывала и ловилась на крючок, полностью заглатывая его. Глупая, глупая рыбка.

К принятию ванны в ванной Пэкстона придется привыкнуть. Мне там нравилось. Просто все было по-другому. Мое тело привыкло к форме моей ванны. Его была длиннее, и не было того ощущения объятий, которые были в моей. А может, я просто искала любую мелочь, которая докажет то, что все это нереально.

Реальность чертовски пугала меня. Что, если все это не настоящему? Тем не менее, я нежилась в цветочном аромате, расслабляясь. Горячий пар приятно обволакивал мое тело, но мало чем помогал от тупой боли за глазами.

Не знаю точно, сколько я пролежала в воде, но мои пальцы успели сморщиться. Я вылезла, задавшись вопросом, почему Пэкстон так и не поднялся. Прошло не меньше двадцати пяти минут. Мои дети не устраивали посиделки по пол ночи. Они обе засыпали к девяти часам.

Конечно, немалую роль в этом играет Пэкстон. Капитан стабильность.

Я обернула волосы полотенцем, ругаясь себе под нос, так как не могла найти свой любимый халат. Мягкий белый халат, который я только постирала и повесила на... Я прекратила поиски и перестала проклинать мужа, вспомнив, где он был. Видимо, халат все еще висел на крючке на двери в ванную комнату. Вместо него я надела одну из длинных футболок Пэкстона. Почему она вообще была у него, мне было неизвестно. Предполагаю, ее подарили ему его рабочие на Рождество. Уверена, сам бы он не выбрал себе дешевую синюю футболку, на которой розовыми буквами написано «Я босс».

Увидев, что Пэкстон до сих пор не поднялся, я выглянула с балкона. Свет, горящий в его кабинете, все объяснял. Застонав, я вытерла полотенцем волосы и спустилась вниз.

— Что делаешь? Я думала, ты поднимешься наверх.

Пэкстон взглянул на меня поверх оправы очков и улыбнулся.

— Думаешь, ты босс?

Я опустила взгляд на футболку и тоже улыбнулась, уже забыв, что надела ее.

— Чем занимаешься?

— Работаю. Иди сюда.

— Почему ты работаешь вечером в субботу?

Пэкстон пожал плечами и отодвинул свой стул, чтобы я могла сесть.

— Не знаю, не думал, что так задержусь.

Я села ему на колени, притянув колени к груди, и посмотрела на экран.

— Ты строишь его? — спросила я, увидев на экране бассейн.

— Да, и заказчик хочет еще водопад, угадай, как я сделаю его?

— Переработанный бетон и цемент?

— Да, мне нравится идея. Лучшая в мире.

— Когда ты построишь такой для девочек?

— На тебе нет трусиков. Не знаю, может, в следующем месяце.

— Не думала, что они мне нужны.

— Не нужны, — сказал Пэкстон, поцеловав мою руку. Он водил пальцами по внутренней части моего бедра, приближаясь к моим обнаженным половым губам, но не касаясь их. Ну, почти. Максимум — легонько задевая время от времени.

— Пойдем в кровать.

— Ми прислала сообщение.

Я оглянулась, пытаясь вспомнить, где оставила телефон.

— Что там сказано?

— Ты оставила его на кухонном островке. Поздоровалась, спросила о девочках и сказала проверить почту.

— Что на почте?

— Ник. Он не хочет, чтобы ты слушала эту запись, только я. А потом я должен рассказать тебе, что там, со своей точки зрения.

— Нет, мне это не нравится. Мы решили, что будем делать это вместе. Мы прослушаем ее вместе.

— Я сказал ему, что так ты и отреагируешь, в ответ он попросил передать тебе, что твоя очередь еще наступит, и ты будешь рада возможности рассказать мне свое мнение.

— Нет, Пэкстон. Ты этого не сделаешь. Ты расскажешь мне то, что хочешь, чтобы я услышала, а потом выступишь на том, чтобы прослушать мою запись вместе или перенести просмотр.

— Ты не сможешь прослушать эту. Поэтому нам нужно зарегистрироваться в этом тайном мире Ника. Я не стану потом перечить, Габриэлла. Клянусь.

Я сжала ноги и опустила их. Мне все это не нравилось. Совершенно не нравилось.

— Но почему я не могу прослушать запись с тобой? Это ведь моя терапия, я рассказывала Лейну все свои темные секреты. Не ты.

— Не знаю, но именно ты хотела сделать это. Не будем останавливаться. Иди наверх в кровать. Я скоро поднимусь.

— Ты будешь слушать сейчас?

— Да.

— Но сейчас я хочу секса. Давай сначала займемся им.

Пэкстон встал со мной, прижав меня к столу. Мои ноги сами по себе обхватили его. Стон, сорвавшийся с его губ, нельзя было предсказать. Мы целовались, и его руки касались меня повсюду, кроме того места, где мне нужно было, но он отстранился. Подвинув меня немного назад, он развел мне ноги и, согнув их, усадил на стол.

— Сиди здесь и веди себя хорошо. Мне нужно быстренько закончить работу.

Выброс эндорфинов в моем организме внезапно потерял эффект. Частое сердцебиение и пульсация между моих ног прекратились.

— Серьезно?

— Да. Разве не этого ты хотела? Хотела, чтобы я уделил внимание твоей киске? Правильно?

— Ну, да... — начала я, готовая указать ему на отличие моей версии

этого желания от его.

Пэкстон не дал мне подняться, снова встав между моих ног.

— Не двигайся, Габриэлла. Оставайся на месте, в том же положении. Поняла, детка? — спросил он, источая сексуальное желание своими словами.

Мое сердцебиение ускорялось, адреналин пульсировал в венах, неистовствуя во всем теле. Он слегка потянул меня зубами за нижнюю губу, прежде чем проникнуть языком мне в рот. Внезапный рывок за волосы и его губы, оказавшиеся на моей шее, вызвали головокружение, заставляя меня желать большего. Большого, которого я не получила.

Я заныла, раскрывая свои ноги еще больше, когда Пэкстон сел обратно на стул и провел пальцем от моей дырочки до пульсирующего клитора, увеличивающегося от желания с каждой секундой. Я тут же намокла, мое тело молило о продолжении.

Ухмылка на его лице, когда он отодвинулся, была очень знакомой. Только в этот раз она вызвала другую реакцию, возбуждение, которое я никогда раньше не испытывала, ну или не помнила. Десять минут я сидела перед ним в таком положении, пока он заканчивал работу над проектом всего в полуметре от меня. Время от времени мы встречались взглядами, он смотрел на мои обнаженные гениталии, дважды вставлял в меня палец. Я сходила с ума.

— Вот, мне нравится, — решил он и кивнул, одобряя свой дизайн, затем поднялся. Один быстрый поцелуй, и он поставил меня на ноги. — Иди наверх и сними эту футболку. Думаю, роль босса я беру на себя. Согласна?

Я кивнула, словно влюбленная школьница, не способная произнести ни слова.

— Молодец, — сказал он, шлепнув меня по ягодицам.

Это лишь обострило все остальные чувства в моем теле. Я готова была взорваться, а ведь он едва коснулся меня. Все было просто идеально. Мы могли заняться сексом, он мог вернуться вниз на первый этаж и посмотреть глупое видео, а я могла бы лечь спать. Было логичнее переспать с новыми знаниями.

Я бросила футболку на диванчик у изножья кровати и повернулась на звук закрывающейся двери.

— Ни за что. Ты шутишь, — сказала я, увидев его. Эти дни закончились. Ни за что я не позволю ему надеть на меня это устройство.

— Приляг, Габриэлла.

— Нет, я думала ты займешься со мной сексом.

— Оу, мы займемся, но позже. Сначала у меня есть дела. Приляг.

Я стояла голая перед ним, уперев руки в бока, пока он направлялся ко мне. Его губы встретились с моими, и, как маленькая, глупая рыбка, которой я и являлась, я вгрызлась зубами в крючок. Черт. Пэкстон страстно целовал меня, играя пальцами между моих ног, постукивая двумя из них по жаждущему бугорку.

— Приляг, — снова повторил он шепотом.

И, конечно же, я послушалась. Я тут же легла и раздвинула ноги для него. Одной ногой он встал на кровать между моими, вставив в меня два пальца. Еще раз он прикоснулся своими губами к моим, после чего приложил к ним палец, чтобы я не заговорила. Палец, все еще влажный от моих соков.

— Некоторые вещи нужно пробовать, другими наслаждаться. Пососи его, — приказал он шепотом.

Я взяла в рот его палец, ощущая свой вкус и запах, доносящийся до моего носа. Пэкстон сделал несколько поступательных движений пальцем, прежде чем вернуть его обратно к моим обезумевшим гениталиям. Я просто не выдержу пояс верности. Сойду с ума.

Ему понадобилось больше времени, чем нужно, чтобы надеть на меня это, подобное тюрьме, устройство. Удовлетворение было моей пыткой. Сегодня определенно будет один из тех случаев, когда я сама позабочусь о себе.

— А если ты будешь зол на меня, когда вернешься? Что, если ты услышишь что-то, что разозлит тебя?

— Я не разозлюсь. Однако, я изолью свои чувства на тебя и твою истекающую соками киску, но не переживай, моя маленькая Габриэлла. Я позволю тебе кончить.

Я слышала щелчок замка, и в таком положении Пэкстон оставил меня. Лишь поцеловал напоследок, даже не назвав меня своей маленькой шлюхой. Грустно, что меня это не беспокоило. Он мог называть меня как угодно, настолько далеко я забралась в кроличью нору. Не могла даже здраво мыслить, а ведь тогда мне нужно было беспокоиться о том, что он услышит. Волнение охватило все мое тело, в то время как возбуждение росло под поясом, не позволяющим мне прикоснуться к себе. Глупая, глупая, маленькая рыбка.

Глава двенадцатая

Я лежала там наедине с миллионами мыслей в голове и ждала, когда вернется Пэкстон, отшлепает меня и сотворит невообразимые вещи. Те, от которых тело будет молить о пощаде. Ровно двадцать шесть минут. Я знала время, потому что смотрела на нелепые синие цифры, которые сменялись мучительно медленно. То я с трепетом ожидала многочисленных оргазмов, то волновалась о том, что мог услышать Пэкстон. Кого из нас это выведет из себя, его или меня? По какой-то причине я думала именно так. Один из нас займется сексом на почве злости, другой будет выполнять все, что скажет первый. В любом случае, это означало дикий секс. Такой, где в ход идут ногти и зубы.

Но я ошибалась. Пэкстон бесшумно вошел в комнату, не в силах скрыть мрачного выражения на лице. Это я нарушила тишину. Он просто подошел, провернул ключ в замке и освободил меня от хитрого механизма.

— Что, Пэкстон? — тихо спросила я.

В ответ ничего. Он неуверенно смотрел на меня, снимая рубашку и джинсы. Без слов. Несколько раз провел по своему члену ладонью, раздвинул мои колени и вошел в меня в состоянии полуготовности. Мои руки он завел мне за голову, удерживая их одной своей. Наши губы встретились в самом длинном, самом сладком поцелуе, который он когда-либо мне дарил. Мы могли бы получить награду за лучший поцелуй, сними мы его на камеру. Я чувствовала, как он растет во мне с каждым толчком, меняя темп между моих бедер. Подобные движения Пэкстона сменили правила игры. Я пыталась наслаждаться этим моментом вместе с ним. Что-то в его глазах, как он смотрел на меня и занимался со мной любовью, говорило, что именно это мне и нужно.

Последняя попытка узнать хоть что-то провалилась:

— Пэкстон, ответь мне.

Не произнося ни звука, он начал двигать торсом еще жестче, заставляя меня закрыть глаза и застонать. Пэкстон был внимателен ко мне, страстно целуя и исследуя мое тело пальцами. Мои ягодицы, соски и спину.

Мне удалось выдавить из него слабую улыбку, когда я пригрозила не кончать, если он не поговорит со мной. Он отпустил мои руки и обхватил за ягодицы. Этого было достаточно, чтобы отправить меня за грань. Три толчка. Настолько жалкой я была. Эйфорическое чувство зародилось в пальцах ног, медленно поднимаясь вверх. Мое тело изогнулось буквой «С»,

спина выгнулась, а ногти царапали его грудь. Разрушительный оргазм.

Казалось, это самый долгий оргазм в мире — не меньше минуты от начала и до конца. Не знаю даже, дышала ли я. Каждая мышца в моем теле напряглась. В какой-то момент я заметила выражение его лица. Ранние морщинки вокруг глаз, сжатая челюсть, словно ему было больно, и взгляд, с которым он вошел в меня. Мне нравился этот взгляд. Глаза и раскрытые губы Пэкса выдавали дрожь, пронизывающую его тело.

Я резко втянула воздух, осознав, что действительно забыла дышать. Мое тело бессильно упало на матрас, веки отяжелели, я возвращалась с вершин удовольствия.

— Я люблю тебя. Люблю больше, чем считал возможным. Но я все еще не уверен, что смогу что-то изменить.

— Ты расскажешь мне? Что там было?

Бедра Пэкстона замедляются до скорости улитки.

— Да, но не сегодня.

Я подумала о том, как проведу ночь в неизвестности. Это была ужасная идея. Я бы не смогла дотерпеть до утра.

— Это нечестно. Мы договорились, что будем делиться друг с другом. Думаю, нужно сказать Нику, что такой расклад нас не устраивает. Мы должны смотреть видео вместе, — запротестовала я, глаза сузились, выразив мое недовольство.

— Нет, думаю, он прав. Думаю, нужно делать точно так, как он велит.

— Говоришь, словно от этого зависит наша судьба.

— Возможно.

Я изо всех сил пыталась не замечать зарождающееся чувство между моих ног. Разговор казался важнее нарастающего оргазма.

— Но в чем суть всего этого, если мы будем лгать друг другу?

— Я не буду лгать тебе.

— Но и не расскажешь всего?

— Расскажу, но прежде мне нужно хорошенько все обдумать. Не хочу причинить тебе боль.

— О чем я говорила, Пэкстон? — настаивала я.

Он поцеловал меня в кончик носа, войдя в меня до упора и замерев ненадолго, прежде чем снова зашевелиться.

— Обсудим это завтра. Помолчи. Я пытаюсь трахнуть тебя.

Кем я была, чтобы спорить? Особенно когда он прижимал мои ноги к груди, получая возможность войти еще на пол дюйма глубже. Как только я кончила во второй раз, Пэкстон отпустил мои ноги и вышел из меня, кончив на влагище. Я все еще была в состоянии невесомости, поэтому не

уделила должного внимания одной странности. Пэкстон всегда кончал внутрь меня. Не то чтобы я была против. Вовсе нет. Первые брызги попали мне между ног, остальное на нижнюю часть живота. Он опустил мою руку, и я размазала сперму в сторону влагалища, возвращая ее на законное место. Вау. Это все, что приходило в голову.

— Все плохо, да? Не говори мне.

— Нет, так не пойдет. У нас уговор. Я расскажу. Просто сначала нужно поразмыслить.

— О чем был сеанс? Можешь сказать хотя бы это?

Пэкстон поднял меня на ноги за кисти, избегая моей грязной руки.

— Пойдем в ванную.

— Я там уже была.

На самом деле он не дал мне выбора. Да я этого и не ожидала.

— Сходишь еще раз.

Пэкстон почистил зубы и побрился, пока я управлялась с ванной, наполняя ее сиреневой пеной.

— Ты еще не устала от лаванды? — спросил он через зеркало.

— Нет, моя мама любила лаванду.

— Откуда тебе это известно?

Я пожала плечами.

— Просто чувствую.

— Мне тоже так кажется. Тебя всегда тянуло к лаванде.

Я погрузилась в ванну, наблюдая за голой задницей Пэкстона, пока он занимался бритьем.

— Не понимаю, почему никогда не говорила тебе о ней или об Иззи. Не вижу в этом никакого смысла.

— Ты этого не услышишь. Я только что прослушал ту запись.

Мой взгляд переместился с его задницы на его лицо в отражении.

— Почему я не рассказывала тебе?

Он плеснул на себя водой, смывая белую пену в сток.

— Я попросил не рассказывать, — произнес он, вытираясь полотенцем.

Я пыталась осознать его слова, но все равно ничего не понимала.

— Что ты имеешь в виду? Почему?

— Отодвинься, — приказал он.

Я покорила, села ему между ног и откинулась на его грудь, а он обхватил меня руками. Его губы коснулись моей брови, и я ощутила теплое дыхание на своей коже. Мне это нравилось, нежиться в лавандовой ванне с Пэкстоном, прижавшись к его телу.

— В тот день ты объявила мне, что беременна Офелией, в тот же день я сказал тебе, что мы поженимся.

Я с сарказмом выдохнула. Конечно же, он сказал мне, что мы поженимся.

— Продолжай.

— Оставим это на завтра.

— Можешь хотя бы сказать, почему ты ничего не знал о моей семье?

— Я только что объяснил. Не хотел, чтобы ты рассказывала. Такой был договор, сделка, которую мы заключили, когда я позволил тебе стать моей женой. Это было одним из условий.

— Каких условий?

— Уже не помню. Ты их записала.

— Где?

— Не знаю. Наверное, выбросила.

— Ладно, неважно. В чем конкретно состояло это условие?

Пэкстон сжал мой левый сосок пальцами. Его сухой голос выражал ноль эмоций.

— Тебе не разрешалось волочить за собой свое прошлое. Я не хотел иметь дело с семьей, которая будет лезть в мои дела. Твоим точным ответом было: «У меня нет семьи», ты была удочерена в одиннадцать лет. Ты сама солгала, Габриэлла. Не моя вина, что ты промолчала о существовании сестры. Даже если ты не видела ее с тех пор. Я бы тогда хотя бы не был так огорошен этой новостью.

Меня это слегка разозлило.

— Ты огорошен? Я даже не помню этого! Ты не можешь винить меня в том, что тебя что-то «огорошило». Попробуй начисто забыть всю свою жизнь и заново узнавать все шаг за шагом, как это делаю я. Мне стоит ненавидеть тебя. Я не должна быть с тобой.

— Я пытаюсь понять, насколько тебе тяжело, но и мне непросто. Сложнее, чем когда-либо.

Я покачала головой и тяжело выдохнула.

— Этого мало, Пэкс. Что значит «сложнее, чем когда-либо»?

— Даже не могу объяснить, Габриэлла. Все слишком запутанно. Я влюбился в твои глаза, как только увидел тебя. Страх в твоём взгляде, невинность, не знаю. Ты была похожа на молодого олененка. И я жаждал тебя. Меня поражало, что я могу приказать тебе что угодно, и ты делала. Когда я сказал тебе, что мы поженимся, ты призналась, что тебе еще нет восемнадцати. Это лишь усилило мое желание.

— Звучишь как какой-то педофил.

— Если подумать об этом сейчас — да, но не тогда. Мне было двадцать семь, и передо мной стояла юная сексуальная рабыня. Я одним взглядом мог повелеть тебе подойти ко мне, вплоть до того дня, когда ты разбила машину. Я мог отправить сообщение в три утра, сказав прийти и отсосать мне, и ты делала это. Мог приказать убраться в моем кабинете голый, пока я работаю, и ты слушалась.

На этом я остановила Пэкса в надежде смягчить его серьезный тон.

— Я бы и сейчас убралась голый в твоём кабинете.

Он уткнулся мне в волосы.

— Хорошо, ловлю тебя на слове. Но это другое, Габриэлла. Раньше бы ты так не сказала. У меня была самая чистая комната во всем доме. Ты не протестовала, вообще ничего не отвечала. Если я звал тебя в свой кабинет и говорил, какой он грязный, ты молча вставала и раздевалась, опустив взгляд в пол. Я поглощал твоё смирение, словно губка. Был зависим от тебя.

— Знаешь, Пэкс, я изо всех сил пытаюсь не злиться, и я рада, что знаю о групповом изнасиловании, но не помню его. У той испуганной девчонки, о которой ты говоришь, была адская жизнь до встречи с тобой. Она заслуживала кого-то лучше.

— И все ещё заслуживает. Я не знал о групповом изнасиловании. Первые несколько недель твоего пребывания здесь я думал, что ты просто какая-то шлюха, скрывающаяся от копов или ещё кого. Не могу объяснить, Габриэлла, но это так. Мне нравилось, какой ты тогда была. Я бы всю оставшуюся жизнь провел с такой девушкой, и у меня не возникло бы никаких сомнений. Вся та новизна, что была тогда в наших отношениях, присутствует и сейчас, но немного в другом виде. Думаю, твой стриптиз, как и в прошлом, возбудит меня. Только сейчас ты устроишь настоящее шоу, возможно, потанцуешь у меня на коленях. Раньше ты бы подобного не сделала.

— Ты заставлял меня танцевать стриптиз?

— Я заставлял тебя делать все, а ты слушалась.

Я глубоко вдохнула и расслабилась у него на груди.

— Понимаю, ты не знал об изнасиловании, и, думаю, не ты виноват в том, что я соврала об отсутствии семьи. Но ведь ты заставил меня выйти за тебя? Вынудил?

— Нет, вовсе нет. Ты сказала, что беременна, а я сказал, что мы поженимся. Ты не воспротивилась. Ни разу.

— Никогда не видела свадебных фото. У нас не было свадьбы?

— Нет, незадолго до этого выбросил хренову тучу денег на один

провальный брак и не собирался наступать на те же грабли.

— Значит, Татьяна-чирлидерша получила свадьбу, а Габриэлла-пустое-место — всего лишь ЗАГС. Ненавижу тебя.

— Хотя сейчас устрою нам свадьбу.

Я поднялась на ноги, позволив мыльной пене падать на него, пытаюсь проигнорировать свои чувства.

— Дело не в свадьбе, Пэкстон. Просто это больно. Вот и все.

— Прости, детка. Я не могу изменить прошлое.

— Все в порядке. Хорошо, что не помню этого. Мне больно, но будто наблюдателю со стороны. Уверена, так лучше. — Я вылезла из ванны и обернулась в мягкое полотенце. — Это все?

— Что все?

— Есть ли что-то еще, что нам стоит обсудить?

Не уверена, хотела ли я узнать что-то новое следующим утром. Знаю одно: мне не нравилось то, что я ощущала.

На короткое мгновение показалось, что я заметила фальшь в его глазах, но слова прозвучали искренне. Я решила пока поверить ему, нежели задавать вопросы.

— Нет. Это все.

— Хорошо, я иду спать. Ты со мной?

— Поработаю немного.

Я едва не попросила его пойти со мной, но передумала. Может, мне правда нужно было несколько минут побыть одной, чтобы позволить эмоциям успокоиться. Ведь, будучи рядом, он затуманивал мой ум сердцем. Я кивнула и вышла.

Натянув ту же футболку, я открыла дверь на террасу, заменив стекло на сетку. Звуки океана и морского бриза помогли расслабиться, когда я опустилась в кровать, думая о деталях, которые упустил Пэкстон, вероятно, отвратительных деталях, о которых лучше не знать. Я слышала, как он открывает дверь ванной и спускается по лестнице, но никто из нас не признавал присутствия другого.

Мы проснулись в объятиях друг друга, и, к моему удивлению, я возбудилась, что привело меня в замешательство. Но все-таки приятное замешательство.

— Даже не слышала, как ты лег, — призналась я, заметив, что Пэкстон очнулся.

— Ты храпела.

— Неправда. Я не храплю, — уверила я его, толкнув локтем.

— Пора вставать. Несколько минут назад я слышал девочек на кухне.

Вероятно, они позавтракали мороженым.

Я уставилась на Пэкстона, пропустив его замечание мимо ушей. Прошлая ночь тяжелым грузом давила на меня.

— Что, детка?

— Ты солгал? Ты что-то скрываешь от меня?

— Я столько всего скрываю от тебя, Габриэлла. Не думаю, что детали помогут делу. Давай сконцентрируемся на нашем племяннике. Мы можем сделать это? Я рассказал, о чем ты говорила на видео. Такой был уговор.

— Нет, уговор был обсуждать все, что мы чувствуем. Скажи, что ты узнал.

Пэкстон выскользнул из-под меня, и я наблюдала за его голым задом, направляющимся в ванную.

— Мне не нужно узнавать ничего из этого, Габриэлла. С моей памятью все в порядке.

— Тогда почему мне кажется, что я не могу тебе доверять? — спросила я под звук струи, раздающийся из соседней комнаты. Я вылезла из кровати, уже мысленно раздражаясь, зная, кому придется убирать брызги. Конечно, я никогда бы и слова не сказала по этому поводу, но меня все равно это злило. Словно он был единственным во всем доме.

— Потому что не можешь, — признался он, держа в руке свое достоинство, видимо, унимая зуд. Пэкстон поцеловал меня в губы, обошел вокруг и похлопал по ягодицам, проходя мимо. — Хочешь панкейков?

Я опустила сидение на унитаз и покачала головой.

— Может быть, я приготовлю. Только дай минутку.

— Я и не собирался готовить, — признался он с улыбкой, заглянув в ванную. В этот же момент он спрятал своего дружка в джинсы. Без трусов. Это весь день сводило меня с ума. Особенно когда он поднимал руки над головой, и его джинсы чертовски сексуально опускались до линии роста волос.

— Мудак.

— Берегись. Я все еще могу отшлепать тебя.

— Уходи. Я пытаюсь пописать.

— Правда?

— Даже не думай об этом. Вали.

Пэкстон засмеялся и вышел из комнаты походкой порнозвезды.

К моему удивлению, они с девочками уже делали панкейки, когда я присоединилась к ним.

— Смотри, папочка сделал тебе сердечко, мамочка, — сказала Офелия, радуясь неожиданному завтраку.

Я взяла тарелку из рук Пэкстона и пристально на нее посмотрела, затем перевела взгляд на его самоуверенную ухмылку.

— Похоже на опоссума.

Дерзкая улыбка мгновенно обернулась в кислую мину, отчего я засмеялась. Как и девочки.

— Неправда. Это сердце.

Фи прыгнула со стула у плиты и взяла Пэкстона за руку.

— Ты любишь папу, поэтому он сделал тебе сердечко. Правильно, пап?

— Он ошибся, малышка. Это папа любит меня. Мне он даже не особо нравится, — поддразнила я, размазывая по панкейку масло, но не сводя глаз со своего красивого мужчины. Который был без нижнего белья.

— У меня змея, смотри, — произнесла Роуэн, подгибая под себя ноги, из-за чего ее светлые волосы упали прямо в липкий сироп.

— Ми отведет нас с Роуэн смотреть... смотреть что, Роу?

— Принцессу Льда. Она живет в ледяном городе.

Я посмотрела на Пэкстона в ожидании объяснений.

— На меня не смотри. Понятия не имею, о чем речь.

— Ты спала. Ми позвонила тебе, и мы поговорили с ней по твоему телефону. Она придет завтра, и у нее есть для нас новый камень, но он не обладает магией, как наши другие камни, правильно, Роу?

— Да, мой голубой, а у Фи зеленый.

Пэкстон снова сделал виноватой меня.

— Это ты повсюду оставляешь телефон.

— Потому что звонишь мне только ты. Обычно это не так важно.

— Ми важна, правда? — спросила Фи.

Я нахмурилась, посмотрев на ее панкейк, понимая, что он не должен был стать обмякшим пенисом.

— Да, Ми важна... Что наша дочка собирается съесть? — обратилась я к Пэкстону, игнорируя его ухмылку касательно важности Ми.

— Это небоскреб, грязные у тебя мысли.

Я хмыкнула, отрезала пару кусочков своего панкейка и оставила их, чтобы позвонить Ми.

— Пойду прогуляюсь по пляжу.

— Я тоже пойду, — выкрикнули одновременно девочки, слезая со стульев.

— Нет, вы обе должны доесть свой завтрак. Нам нужно красить комнату, помните?

Это сработало. Они не хотели пропустить покраску. Им и так

пришлось ждать целый день.

— Ешьте свой завтрак, я вернусь через пару минут.

Мой палец завис над номером Ми, я намеревалась пойти к пляжу, пока не услышала громкий шум. Любопытство взяло верх, и я обошла дом к фасаду. В грузовом автомобиле, стоящем у дома Лейна и Кэндес, с лязгом закрылась металлическая дверь. Машина транспортной компании отъехала, следуя за двумя другими грузовиками, и я поняла, что больше никогда не увижу Лейна и Кэндес. Что Шанс вырастет и забудет про нас с девочками. Я видела, как Кэндес выехала на своей машине из гаража и последовала за конвоем.

— Ну и проваливайте, — фыркнула я, набирая Ми. Своего настоящего друга.

Ми ответила своим счастливым, бодрым голосом.

— Привет, спящая красавица. Долгая ночь?

— Вроде того.

— Ты в порядке?

— Да, в порядке. Было не так плохо.

— Правда?

Удивление в ее голосе вызвало тревожные звоночки в голове.

— Да, а почему должно быть иначе?

— Ну, не знаю. Я не слышала разговор между Ником и Пэкстоном.

С ног соскользнули сланцы, когда я вышла на мягкий песок.

— Они беседовали? О чем?

— Не знаю. Я же не слышала.

— Ты что-то скрываешь. Я знаю, Ми. Ты не умеешь врать.

— Я не вру, клянусь. Ник только поинтересовался, разговаривала ли я с тобой. Сказал, что Пэкстон признался ему в чем-то. Это все, что мне известно. Он не сказал, в чем именно.

Мне было необходимо вывести ее на чистую воду.

— Ты знаешь, что твой голос поднимается на несколько октав, когда ты лжешь?

— Девочки передали тебе, что я звонила? Хочу отвести их завтра в кино. Ну, знаешь, пока ваш дом будут осматривать.

Я улыбнулась и позволила сменить тему. Она и так достаточно для меня сделала. Не хотелось снова подвергать ее риску ссоры с Ником. Не говоря уже о том, что это было крайне мило с ее стороны, я была рада, что хоть кто-то подумал об этом. Девочки, конечно, стали бы задавать вопросы. Они были не из тех, кто тихонечко играет сам с собой. Их любопытству не было предела, они стремились находиться в самом центре событий, боясь

упустить что-то важное. Поход в кино с Ми был идеальным вариантом.

Бардак, который устроил Пэкстон за последние двадцать четыре часа, был не таким страшным, как могло показаться. Пэкс помог убраться, а потом приготовил вегетарианские бургеры на гриле. Учитывая все обстоятельства, у нас был хороший день, который завершился рассказыванием историй на уличном диванчике. Поэтому я не пыталась выдавить из Пэкстона информацию, которую он скрывал. Мне было все равно. Имел значение только тот миг. Переплетенные руки и ноги, волшебные камни, перезаряжающие свои силы, тот временный запутанный беспорядок. Моя семья. Это все, что меня заботило. И, конечно же, Вандер.

Глава тринадцатая

— Я устал, давай сегодня ни во что не углубляться. Хочу спать, — признался Пэкстон, когда мы поднимались в спальню.

Я была не против, день выдался долгий и насыщенный. Однако меня напрягала отдаленность между нами, появившаяся после их разговора с Ником. Я не могла понять, в чем дело. Он умело скрывал проблему, но не мог скрыть своей холодности.

— Ты в порядке?

Пэкстон обернулся ко мне, стоя на последней ступеньке.

— Почему ты спрашиваешь об этом? Раньше ты не спрашивала, в порядке ли я.

Я опустила взгляд на его хватку и разжала его пальцы, освобождая свою руку.

— Ладно, давай не будем начинать. Прости. Пошли спать.

Он отпустил меня, но разговор на этом не закончился. Пэкс продолжал, пока наш диалог не превратился в сплошные пререкания и упреки, и все ради того, чтобы устроить ссору.

— Что? Я не должен задаваться вопросом, кто ты такая? Изменился не я, Габриэлла. А ты.

— Пэкстон, я даже не понимаю, что тебя так задело. Я лишь хотела узнать, в порядке ли ты. В следующий раз лучше пристрели меня. Господи.

— Наверное, я просто устал. Последние два дня только и делал, что надрывал ради тебя зад.

Это вывело меня из себя, и Пэкстон получил желаемое. Ссору.

— А я тебя не просила.

— Нет, Габриэлла, не просила. Но и я этого не планировал. Я хотел позволить тебе забрать парня, собирался помочь, а потом думал использовать его, чтобы вернуться к старому порядку вещей. Как это было до начала всей этой бессмыслицы.

— Этого ты хочешь, Пэкстон? Хочешь, чтобы я поклонила и поцеловала твои ноги?

Пэкстон фыркнул и замотал головой.

— Чем, черт возьми, мы вообще занимаемся?

— Сам начал.

Пэкстон ушел озадаченный прочь от взбешенной жены.

— Я иду в душ.

Я провела пальцами по волосам, застонав от разочарования и шока, и вышла на балкон с телефоном в руке. Я проговорила с Ми добрых пятнадцать минут, прежде чем услышала, как он вышел из ванной и плюхнулся на кровать. Мы мало о чем говорили: о девочках, Вандере, фильме и нашей глупой ссоре. Той, что свалилась с неба, словно астероид. Без какого-либо предупреждения.

Пэкстон никак не отреагировал, когда я вошла в комнату. Он лежал неподвижно на животе, закинув руки за голову. Я тоже молчала. Оставила его, распростертого поверх одеял в одних боксерах и без футболки. Мне нравился Пэкстон в белых узких боксерах, особенно на фоне его загорелой кожи и точеной спины.

Принимая душ, я размышляла о том, с какой стати Пэкстон вспыхнул на пустом месте. Было понятно, что за этим что-то стояло, и беседа с Ником была первой причиной, приходящей на ум, но почему?

Пэкстон не пошевелил ни мышцей со времени моего ухода. Я смотрела, как он спит, чувствуя трепет внутри. Его глаза были закрыты, а дыхание глубокое и расслабленное. Словно он крепко спал. Смахнув волосы с его лба, я поцеловала его теплую кожу.

— Помассируешь мне поясницу?

Я улыбнулась и села ему на пятую точку, впиваясь подушечками пальцев в напряженные мускулы его спины.

— Почему ты не общаешься с родителями?

— Иногда общаюсь. Они звонят раз в год или около того.

— Я не слышала.

— В этом году еще не звонили.

Я засмеялась, выдохнув.

— Уже почти сентябрь. Год скоро закончится.

— Мне все равно.

— Почему?

— Не знаю, Габриэлла. Мы просто не близки. Во многих семьях такие отношения.

— Я была близка со своей семьей.

— Ты даже не помнишь их. У тебя амнезия, или уже забыла?

— Замолчи. Я все еще люблю их. Знаю, что так и было.

— У меня же все наоборот. Мой старик работал водителем грузовика, развозил апельсины по западному побережью. Мать была шлюхой. Она изменяла ему, сколько я себя помню, а его либо не было дома, либо он был пьян в стельку. Ты не единственная, у кого было трудное детство. Такое происходит изо дня в день по всей земле.

Я надавила пальцами на напряженные участки над тазом.

— Знаю. Я не говорила, что такого не происходит. Ты всегда был один? Без братьев и сестер?

— У меня была сестра. Она умерла.

Мои пальцы остановились на секунду, пока я осознавала эти слова.

— Что случилось?

— Ее сбил грузовик в первый день в детском саду.

И снова мои пальцы остановились, я подавила вздох.

— Мне так жаль, Пэкс, это ужасно.

— Мне было два. Я даже не помню ее. Никогда ее не знал.

— Да, но ты не думаешь, что это как-то связано с поведением твоей матери или пьянством отца? Каждый своим способом справляется с проблемами.

— Да, но у них все еще был другой ребенок. У них все еще был я.

— Мне жаль, что у тебя была такая жизнь, Пэкстон, но знаешь что?

— Хм?

— Ми говорит, что на все есть причины и следствия. Может, тебе пришлось пережить все эти невзгоды, чтобы стать хорошим отцом для Роуэн и Фи.

Пэкстон приподнялся и перекатился на спину, так что теперь я была поверх его талии.

— Что ж, если дело в этом, я ни о чем не жалею.

— Я тоже.

— Прости.

Мои пальцы блуждали по глубоким отметинам от ногтей на его груди.

— И ты меня. Боже, это я сделала?

— Тебе не за что извиняться. Мне понравилось. Это было очень странно, детка. Все это время я говорил тебе быть шлюхой, а потом ты теряешь память и — бам! ты...

— Следи за языком, дружок.

— Это был комплимент.

Я провела покрытыми красным лаком ногтями по животу и хмуро посмотрела на него.

— Почему мне кажется, что я должна обижаться?

Пэкстон водил руками вверх-вниз по моим ногам и смотрел на меня так, словно я была ему безразлична, действительно безразлична, словно он любил меня.

— Я взорвался, когда ты сделала это вчера. Твое туловище извивалось невероятным образом, ногти впивались мне в кожу, и все твоё тело

испытывало оргазм. А минеты! Ты похотливая плохая девочка, и мне это чертовски нравится.

— Я не похотливая плохая девочка.

Пэкстон пошевелил бедрами, чтобы привлечь мое внимание, и я посмотрела на него.

— Это комплимент. Скажи спасибо. Хотя мне нравится твое отношение к оральным утехам. Кажется, будто ты наслаждаешься ими не меньше меня.

Я бросила на него взгляд, размышляя над кое-чем другим.

— Думаешь, я не ценю того, как много ты для нас делаешь? Ценю. Очень. И я благодарна за то, что ты делаешь, чтобы забрать Вандера.

— Знаю. Прости, что сказал это. Я мудак.

— Сочувствую по поводу твоего детства.

— Ложись.

Я слезла с Пэкстона и легла на кровать, готовая снять напряжение под телом своего мужчины. Вот только произошло не это. Пэкстон снял покрывало, и я прижалась к нему, спиной к его груди. Он обнял меня и поцеловал мои волосы, тяжело вздохнув. Устало. Черт.

Я пыталась незаметно потереться попкой о его пах, но он не пошевелился. Новая поза и нога поверх его талии тоже не возымели должного эффекта. Он сказал мне вести себя хорошо. Что за черт?

Он так и не открыл глаза, только провел рукой по моему бедру.

— Ложись спать. Мне рано вставать утром.

— Нет. Завтра у нас визит. Придет соцработник, — напомнила я, проводя по его ноге своей гладкой ножкой.

— Веди себя хорошо. Они придут после обеда. Я к тому времени буду дома.

— Скажи, что заболел.

Его теплое дыхание коснулось моих волос, когда он засмеялся.

— Я начальник.

— «Я начальник». Скажи, что тебя охватила похоть.

— Ты просишь секса?

— Типа того... Эйнштейн.

— Мне нравится. Попроси меня завтра снова.

Я застонала и перевернулась на бок, вжавшись задом в его пах.

— Спокойной ночи.

Пэкстон поцеловал меня в макушку.

— Я люблю тебя.

— Ага, хорошо.

Уже через несколько минут Пэкстон глубоко спал и расслабленно дышал, уткнувшись мне в волосы. Всего минут пять, не больше. Я лежала в его объятиях, пытаюсь сконцентрироваться на Вандере, а не на всем остальном. Было сложно. Я знала, что Пэкстон использовал мое доверие к нему, обращаясь со мной как с щенком, найденным на пляже, как с животным. Но также я была уверена, что он скрывал что-то еще. Да и по правде, не думаю, что меня это заботило. Может, люди могут меняться. Может, Пэкстон мог измениться. К сожалению, я заснула не с мыслями о Вандере. Я заснула с чувством безопасности и радости, но в то же время неуверенности.

Следующее воспоминание: я просыпаюсь из-за ярких лучей, проникающих через стеклянные двери, и двух девочек, которые залезли в кровать. Роуэн и Офелия, по одной с каждой стороны. Улыбки на их лицах были такими же яркими, как солнце. Мне нравилось, что они просыпались такими веселыми по утрам.

— Привет тебе и тебе, где ваш папа?

Роуэн ответила мне так, словно я снова потеряла память.

— По понедельникам он работает, помнишь?

— Да, глупенькая. Я помню, но всегда просыпаюсь вместе с ним и провожаю его вкусным завтраком.

— Значит, теперь у него будет болеть животик, — добавила Офелия, затем напомнила, что сегодня ее день с Ми. — Сегодня мы поиграем с Ми.

— Мы пойдем в кино, — напомнила ей Роуэн.

— Замолчи, Роуэн.

— Фи, ты не можешь так говорить с Роуэн. Это некрасиво. Если бы твой отец услышал эти слова, он бы поставил твою маленькую попку в угол на час-другой. Извинись.

— Но мне не жаль.

Я застонала, скрывая улыбку.

— Пойдем. Приготовим завтрак.

Я отправила их восвояси и пошла в ванную, качая головой и слушая их, пока они спускались по лестнице. Роуэн сообщила Фи о своем намерении рассказать отцу о словах последней, Офелия же напомнила своей старшей сестре о Барби, спрятавшейся в фильтре бассейна. «Это спа. Она на отдыхе», — объяснила ей Роуэн. Я сделала мысленную пометку проверить фильтр бассейна, прислушиваясь к диалогу, который перетекал в далекое бормотание. Они снова спорили. Ох уж эти двое...

— Чем хотите позавтракать? — спросила я, заходя на кухню, и снова закачала головой. — Что вы делаете?

— Облизываем окно? — объяснила с сарказмом Офелия, как две капли воды похожая на отца. Словно я сама этого не видела.

— Зачем?

— Оно холодное.

— Возьмите льда. Прекратите. Это противно. Что приготовить?

— Овсянку с коричневым сахаром, — произнесла Роуэн, не отрывая глаз от каталога игрушек на кухонном островке, поджав под себя ноги.

Конечно, Офелия тоже должна была сделать свой заказ.

— Яичницу с тостом. Я получу это на день рождения, — сообщила она сестре, указав на что-то в журнале.

— Нет, следующий день рождения не твой, да, мам?

— Но я получу игрушку. Можно, мам?

Я повернулась к девочкам и, набирая сообщение Пэкстону, наградила их взглядом, который они прекрасно понимали.

— Технически, следующие дни рождения — мой и отца, но твой будет раньше, чем у Фи. Фи, у тебя только недавно был день рождения.

— Это было давно.

Габриэлла: Ты не разбудил меня. Поел? Мог бы разбудить.

Обе малышки уже наполняли свои голодные животы к тому времени, когда Пэкстон ответил мне.

Пэкстон: Я не мог. Ты так умиротворенно спала, уткнувшись попкой в мой член. Нужно было уйти, пока не пришлось прогуливать работу по причине похоти.

На моих губах появилась мгновенная улыбка. Мне нравилось, что я так влияла на него, и еще больше мне нравилось то, что он говорил мне об этом.

Габриэлла: Можешь прийти похотливым домой.

Пэкстон: Прекрати!!! Я не могу одновременно думать об этом и ровнять бетон.

Габриэлла: Тогда лучше тебе прийти домой и заняться мной.

Пэкстон: Пока, люблю тебя.

Габриэлла: Да-да.

Все утро я ничего не могла делать. Была просто бесполезной.

Нервозность, вызванная неизвестностью, не позволяла мне чем-либо заняться. Я еще раз прибралась, протирая то, что в этом не нуждалось, пока не пришла Ми.

Прежде всего она дала девочкам их новые камни. Об этом они подумали в первую очередь: не успела она переступить порог, они тут же напомнили ей об обещании. За час до этого девочки ругались из-за трехсотдолларового курортного домика для барби, который не получит ни одна из них. А сейчас просто радовались камням. Глупым камням, которые, по мнению Ми, имели волшебные силы. Конечно же, они в это верили.

Выражение на их лицах, когда Ми дала им эти простые маленькие подарки, были бесценны. Это были не просто новые камни, они были обрамлены в клетку из проволоки и свисали с серебристых цепочек.

— Смотри, Роуэн. Ты можешь поменять его, — объяснила Ми, снимая спиральную проволоку с камня, показывая тем самым, как она может поменять камни. — Видишь, у меня тоже такой есть.

— Но у меня только один камушек.

— У тебя есть гематит. Можешь поместить его туда, а у меня много камней. Я сделаю так, что и у тебя будет достаточно, чтобы менять их. Есть у меня одна идея. Это особенный камень, — объяснила она, поворачиваясь к Фи, терпеливо ждущей свой новый камушек.

— Для чего у тебя камушек? — спросила Офелия, обхватывая маленькими пальчиками гальку, не представляющую ничего особенного.

— Это один из моих камней благодарности. Я нашла его в Большом Каньоне, когда была в твоём возрасте. Энергия Большого Каньона является исцеляющей и очищающей, несомненно, благодаря всему гематиту, что там находится. Вы должны поехать туда как-нибудь. Этот вид называется «Сказочный Джаспер». Он помогает избавиться от негативных эмоций, заставляющих людей волноваться, и помогает продолжать жить с позитивным настроением, — объяснила Ми, снимая свое ожерелье.

Я наклонила голову к Ми, и она повесила его мне на шею.

— Что? Я не хочу камень, который ты нашла на семейном отдыхе в детстве.

— Я хочу, чтобы он был у тебя. Оставь его или ранишь мои чувства.

С благодарной улыбкой я приняла щедрый подарок подруги.

Ми забрала счастливых девочек веселиться на весь день, пока мы с Пэкстоном ждали неизвестно чего. Вот и все. Этот день изменит мою жизнь. Так или иначе.

Разумеется, Пэкстону нужно было повысить уровень гормонов стресса

в моем организме, поскольку он появился всего за десять минут до прихода соцработников. Я была вне себя, переживая, что он не успеет. Я не общалась с ними. Не знала, что говорить, что спрашивать — ничего. Всем занимался Пэкстон.

— Прости, машина застряла, — объявил он, когда я, стоя в дверном проеме, смотрела, как он выходит из машины.

— О, боже мой. Твой телефон тоже сломался?

— Вообще-то он тоже застрял в грязи. Должно быть, я потерял его, когда мы пытались вытолкать машину. Ты сексуально выглядишь, — улыбнулся он, поцеловав меня в губы.

— От тебя воняет. Скорее иди в душ. Слишком сексуально? Мне переодеться?

Пэкстон остановился и повернулся с видом знатока. Он читал меня по глазам.

— Что случилось?

— Ничего. Иди в душ.

— Ты сама не своя. Что происходит?

— Пойдем наверх. Хочу переодеть блузку.

— Габриэлла, твоя блузка нормальная. Расскажи.

Мне пришлось пройти мимо него, чтобы он двинулся в правильном направлении. Нас вот-вот должны были допрашивать люди, которых мы не знали, а он хотел поговорить.

— Тебе стоит надеть серую рубашку. Та, что с черными пуговицами.

— Я хотел надеть оранжевую. Мне идет оранжевый.

Я точно знала, о какой рубашке он говорит. Она выглядела так, будто на нее стошнило Хэллоуином.

— Ни за что. Я ее ненавижу. Всегда думаю, что ты свалился в огромную тыкву или еще что.

— Да, знаю. Девочки донесли на тебя. Знаешь, они не умеют хранить тайны.

Я замерла с широко раскрытыми глазами, остановившись прямо перед ним, когда прозвенел дверной звонок.

— Они здесь, — произнесла я, ощущая, как адреналин наполняет мои вены, заставляя сердце неистово биться.

— Успокойся. Все будет хорошо. Иди открой дверь. Я спущусь через пять минут.

— Не могу. Что мне говорить?

— Предложи им выпить что-нибудь, но не алкоголь. Отведи в гостиную, где находятся семейные фотографии.

— Хорошая идея. Поторопись.

Пэкстон дал мне пройти, но остановил рукой на пояснице.

— Все будет хорошо. Обещаю.

— А если нет? Эти люди должны изучить нас. Что, если мы им не понравимся? Что, если они скажут другим не отдавать его нам?

— Не скажут. Открой дверь, — произнес он, снова поцеловав меня в дрожащие губы.

Я обошла его, делая глубокие вдохи и повторяя про себя словно мантру: «я спокойна, я спокойна».

За дверью стояли две женщины, одна примерно моего возраста, другая старше, наверно, около пятидесяти. Не знаю, то ли их улыбки были заразительны, то ли моя была фальшивой, но я улыбалась.

— Здравствуйте, проходите. Простите, мой муж работал полдня и только сейчас вернулся домой. — Понятия не имею, откуда взялась нужда делиться этой информацией, но она сорвалась с моих уст.

Обе женщины кивнули, войдя в дом с искренними улыбками. По крайней мере, я надеялась, что они искренние.

— Могу я предложить вам выпить? Не алкоголь, может, чай или еще что.

Женщина постарше издала легкий смешок.

— Я бы не отказалась от чашечки чая.

Я подумала о тех, что шли позади. Нужно было провести их в гостиную, прежде чем предлагать напитки. Они следовали за мной, и я не могла видеть выражения их лиц. Я знала, что они оценивали наш дом, возможно, делали мысленные заметки. Я думала обо всем, что стоило сделать, пока мы молча преодолевали, казалось, целые мили. Мне были ненавистны напряжение и неловкость.

— Меня зовут Джонни Уайт, а это Линдсей Вагнер, — представилась та, что помоложе, занимая барный стул Роуэн.

Блин. Я не хотела, чтобы она сидела там. Неосознанно, я сжала в руке камень Ми, и тогда, клянусь, моя нервозность ослабла. А может, дело в имени.

— Мою маму звали Джонни. Я никогда не встречала другую женщину с таким именем.

— Ненавижу свое имя и своих родителей, — пошутила она.

— Мама звала нас с сестрой своими Клайдами. Ну, знаете, как Бонни и Клайд? Только мы были Джонни и ее Клайды.

Понятия не имею, почему поделилась с ними этой деталью, но, если честно, я нашла в этом какое-то утешение, словно мама была там.

— Прошу прощения. Здравствуйте, я Пэкстон Пирс, а вы? — произнес Пэкстон, присоединившись к нам. Он выглядел намного увереннее, чем я.

Дамы представились, и Пэкстон полностью овладел ситуацией, делая все по-своему, даже не так, как планировали они. Он попросил их расположиться на большом диване, а мы с ним сели на двухместный.

Женщина постарше поставила свою чашку на круглую подставку, рядом с фотографией Роуэн и Фи в бассейне. Во мне зародилась еще большая тревожность, когда я увидела выражение ее лица. Это не к добру. Я знала. Моя рука потянулась к глупому камушку, и я мысленно молилась, чтобы мое подозрение было ошибочным.

— Послушайте, прежде чем мы начнем, вынуждена предупредить, что Вандер сейчас с семьей, которая заинтересована в его усыновлении. Ваша сестра не контактировала с ним все лето, — объяснила Линдсей, та, что постарше, открывая папку, лежащую на коленях.

— Она не могла. Она попала в аварию, — ответила я голосом, который охрип из-за пересохшего горла. Так и знала, что все плохо.

Линдсей пожала плечами, но я не поняла, что это значит.

— Тут все написано черным по белому. Она предпочла наркотики своему ребенку, Габриэлла.

Я мгновенно включила защитный режим.

— Она была больна.

Пэкстон взял меня за руку и слегка сжал ее, встряв в разговор.

— Что вы хотите сказать?

— Миссис Чадвик считает, что будет лучше, если ребенок...

— Вандер. Его зовут Вандер, — вставил Пэкстон.

— Вандер сейчас в хорошем доме с семьей, которая его любит. С Уорренами. Как я поняла, он здоров и очень счастлив. Муниципалитет штата Мичиган считает, что нам не стоит разрушать эту идиллию.

Пэкстон встал, а я схватилась за маленький камушек на шее, желая, чтобы он не потерял контроль над собой перед соцработниками.

— Это прекрасно. Я рад, что он хорошо проводит лето, но, по правде, миссис Вагнер, это все. Просто хорошее лето. Он наша семья, и его место вместе с нами. Если считаете, что у нас нет на него прав, то я готов убедить вас в обратном. Я не окунулся слепо во все это. Я знаю наши права, и, если вы не можете доказать, что мы неподходящие родители, скажите, каков будет следующий шаг.

Ладно, это было не так плохо. Я следила за лицами обеих дам, словно кошка на охоте, пытаясь понять значение каждого жеста и взгляда.

Джонни заговорила первой. Она с хлопком соединила ладони и

посмотрела на Пэкстона с... не пойму точно, с каким выражением. Я плохо читаю мимику.

— Дальше мы зададим вам несколько вопросов, осмотрим ваш дом и отправим отчет в Мичиган вместе с заявлением о вашем намерении получить право опеки над Вандером Клайдом Делгардо. Мы просто посредники, мистер Пирс. Только потому что штат Мичиган считает, что они знают, как лучше, не значит, что это действительно так. Мы с Линдсей работаем вместе уже семь лет и боремся лишь за благополучие каждого ребенка. Не для штата Мичиган и, определенно, не для вас. Покажите нам, что Вандеру будет лучше с вами, мистер Пирс. Заставьте нас принять вашу сторону.

Пэкстон посмотрел на Джонни взглядом, который я тоже не смогла прочесть, потом повернулся ко мне. В нем что-то переключилось, что-то, чего раньше я не видела. Он улыбнулся и провел пальцами по волосам.

— Тогда начнем, — произнес он, его напряженность сменилась легкой улыбкой.

Пэкстон сел на диванчик рядом со мной, и мы принялись отвечать на вопрос за вопросом. Они спрашивали обо всем: о распорядке дня и питании девочек, работе Пэкстона, моей роли в качестве домохозяйки, а после — о документах, которые мы должны были собрать. О, боже мой. Можно подумать, будто мы просим право опеки над президентом Соединенных Штатов Америки. Свидетельство о браке, свидетельства о рождении, решение суда о разводе Пэкстона, справку о доходах, форму W-2 или бланк декларации на подоходный налог за последние пять лет, список сберегательных счетов, инвестиций, долгов и страховок.

Думаю, мы справились. Мы даже несколько раз пошутили и подробно рассказали о наших девочках. Джонни поделилась своей дилеммой касательно своих сына и дочери. Она думала, что они были единственными, кто так ругался. Мне нравилось, что она поделилась этим с нами. Появилось чувство, будто она такая же, как и мы. Как и все остальные на этой безумной планете, со своими скелетами в шкафу. В целом мне показалось, что интервью прошло успешно, дальше настала очередь экскурсии по дому.

Пэкстон все это время не отпускал мою руку. В основном говорил он, в подробностях рассказывая о доме и о том, как мы его обустраивали. Мне стало интересно, кормил ли он их красивой ложью, или это была правда. Я не помнила, чтобы помогала ему в чем-либо, а он не упоминал об этом. Но он о многом не упоминал.

Джонни вошла в комнату Роуэн, широко улыбаясь.

— Барби. Моя дочь тоже их любит, — заметила она, осматривая комнату Роуэн, заставленную вещами с тематикой Барби.

— Роуэн у нас книжный червь, — похвалилась я гордо, когда Линдсей подняла ее любимую книгу — «Сэр Морщинки» Леноры Кэrr.

— Ее мама три часа стояла в очереди, чтобы купить эту книгу. Она подписана. Роуэн очень гордится этой книгой, — объяснил Пэкстон.

Из-за этого мне на секунду стало грустно. Я не знала об этом. Знала, что это была ее любимая книга, и знала, что она занимала особое место на верхней полке. Вот только история, скрывающаяся за ней, была мне неизвестна. От этого что-то защемило в груди.

Дальше мы пошли в комнату Фи.

— Наша маленькая пацанка, — сказала я, вернув себе счастливую улыбку. У нее были девчачьи вещи, но скейтборд и игрушки ее выдавали. У Офелии была целая коллекция динозавров и вся сопутствующая им атрибутика. Но разногласий не было: обе девочки играли в Юрский период не меньше, чем в Барби в комнате Роуэн.

Потом мы вошли в комнату, где дверь была забита деревянными досками.

— Не обращайтесь внимания на запах краски. Мы работаем над этой комнатой, пытаюсь подготовить ее. Окно уже заказали. Должны доставить на этой неделе.

— Мы не можем решить, кому отдать эту комнату. Мне кажется, ее должна получить Роуэн, так как она старше.

— Она ненамного старше Офелии. У Вандера должна быть комната с личной ванной, — возразил Пэкстон. Мы оба посмотрели на наших гостей, желая узнать, на чьей они стороне.

Как оказалось, ни на чьей.

— Я займу эту комнату, — решила Джонни.

Комната была достаточно пустой. Мы покрасили стены в нейтральный цвет, что-то среднее между голубым и серебряным. Карточка гласила: «уютный серый».

Мы были полны надежды, когда женщины уходили, они обе заверили нас, что проявят инициативу. Это невероятно обрадовало меня. Мы проводили их до двери, благодаря за визит, при этом не отпуская рук друг друга.

Джонни остановилась на нижней ступеньке и повернулась к нам.

— Мне нравится, что вы двое так влюблены. В семье это важно.

Я улыбнулась и наклонилась к Пэкстону.

— Да это все фальшь. Он не очень-то мне и нравится, — поддразнила

я.

Джонни засмеялась.

— Ну да. Скажите, это пятно специально для нас, или ваш муж обнял вас, когда вернулся с запозданием?

Я посмотрела на кремовую блузку и полоску грязи на левой стороне и улыбнулась.

— Что-то вроде того. — Он обнял меня, потому что я была в ужасе. За все два часа он не сказал мне о грязной рубашке. Идиот.

Глава четырнадцатая

Тем вечером Пэкстон повел нас поесть мороженого и поиграть в мини-гольф. Уверена, он сделал это ради меня, чтобы отвлечь меня от грядущего. И это сработало.

Девочки без остановки тараторили про свой день с Ми. Она рассказывала истории о семейных камнях и сожжении лаванды для ощущения спокойствия, а на прощание дала им горстку ладана.

— Думаю, это для того, чтобы сделать наши камни еще сильнее, — рассуждала Офелия с заднего сидения.

— Девочки, что скажите насчет приобретения нового камня? О том, чтобы увеличить нашу семью?

— Пэкстон, — запротестовала я, останавливая его до того, как он пообещал то, что могло и не случиться.

— Что? Мы должны сказать им.

— Прекрати, пока рано.

— У вас будет ребеночек? — почти завизжала Роуэн. — Правда, мамочка? Ура! У Джорджины появился маленький братик.

— Я не хочу девочку, — заявила Офелия, помогая сестре.

— У меня не будет ребеночка. У нас не будет ребеночка.

— Ему пять, — сказал Пэкстон, совершенно игнорируя меня. — Его зовут Вандер.

— Эй, мне пять, — произнесла Фи с бóльшим воодушевлением, чем стоило.

— Где его мамочка? — спросила Роуэн.

Повернувшись к Пэкстону, я сообщила о своих чувствах.

— Ненавижу тебя.

— Поговори с ними. Расскажи, что происходит.

Сначала я молча пялилась на Пэкстона, раздумывая, что сказать, пока он вез нас домой после прекрасного вечера, который собирался испортить.

— Помните, мама попала в аварию? — начала я.

— Да, нам тебя не хватало, — сказала Фи, ерзая на сидении, то и дело дергая ремень безопасности.

— Мне вас тоже не хватало, детка. Прекрати. А если папа резко нажмет на тормоз? Ты будешь в опасности. Тогда я была не одна. Со мной была моя сестра.

— Где она?

— Она умерла?

— Мы не знаем, где она. Ее пока не нашли, но мы ищем. Вандер — ее маленький сын, и ему нужна семья, пока мы не найдем его маму.

— Может, она пошла в торговый центр, — высказала Офелия свое глупое мнение.

Я нахмурилась и посмотрела на улыбающегося Пэкстона.

— Она не в торговом центре. Я не знаю, где она. Возможно, она ранена и не помнит, кто она.

— Как ты, да? — спросила Роу.

— Возможно. Я уверена, ее сын такой же крутой, какой была она. Она была моей лучшей подругой.

— Они были близнецами. У вашей мамы была сестра-близнец, которая выглядела точно, как она.

— *Есть*, у меня *есть* сестра, которая выглядит точно, как я. Просто она потерялась, но мы продолжаем поиски.

Было приятно говорить о ней, наконец выразить свою к ней любовь, но было тяжело. Я мало о ней знала, лишь несколько фактов, которые считала правдивыми, но не была в этом уверена. Я ее не помнила, и меня это беспокоило. Сильно.

Тем вечером мы улеглись всей семьей, чтобы перезарядить наши камни и почитать книгу по выбору Офелии, но мне приходилось прилагать усилия, чтобы сконцентрироваться на чтении. Я думала о Вандере рядом с нами, о пижаме с Человеком-пауком и его маленьком камушке, который примагнитит к нам большим камнем Пэкстона.

Я посмотрела на девочек, сидящих, скрестив ноги, пока Роуэн читала книгу «День, когда уволились карандаши». Фи нравилась эта глупая книжка. Рука Пэкстона лежала на маленькой ручке Офелии, в которой находились заряжающиеся камни, делающие нашу семью сильнее. Он уже смотрел на меня, когда я подняла на него взгляд, переполненная чувствами. Их было слишком много. Я хотела забрать Вандера больше всего в своей жизни и сделала бы все ради этого. Я думала о местонахождении Иззи и о том, как должна буду объяснить это Вандеру. Если получу его. Как вообще сказать пятилетке, что его мать пропала?

«Я люблю тебя», — проговорил одними губами Пэкстон.

Я подмигнула, вложив свою руку в его. Фи держала меня за палец, не сводя глаз с пальца старшей сестры, следящим за словами, пока она читала.

Как только Роуэн сказала «конец», Пэкстон поднялся на ноги.

— Спокойной ночи, солнышки. Мне нужно собрать мусор.

Офелия еще не была готова спать, и именно она начала реслингový

бой. Пэкстон перекинул ее через плечо и шлепнул по попке, Роуэн последовала примеру сестры. Я подскочила, пока они не плюхнулись в кровать прямо на меня.

— Фи, пойдем. Сегодня ты спишь у себя, — сказала я громким тоном, подходя к двери. Она продолжила кричать и набрасываться на отца, и я ударила по стене, повторив фразу. Выйдя из комнаты, я направилась на кухню, где поставила греться для чая воду, включила посудомойку и вытерла что-то липкое с кухонного островка.

Сев на барный стул, открыла папку, оставленную соцработниками, и на лице появилась улыбка, как только я увидела его личико.

Пэкстон сел на стул рядом, поцеловав меня в шею.

— Можно угостить вас напитком? — поддразнил он.

Я улыбнулась и подошла к свистящему чайнику.

— Нет, хочешь чаю?

— Что это такое? Ты коллекционируешь лимоны?

Я посмотрела на вазу, наполненную желтыми цитрусами, и обратно на свою чашку.

— Их принесла Ми. Знала, что придут соцработники. Лимоны поглощают отрицательную энергию, исходящую от людей, входящих в дом.

Пэкстон покачал головой и перевел внимание на бумаги. Он не собирался говорить об этом. Или собирался.

— Она сумасшедшая, просто чтобы ты знала.

Я засмеялась и присоединилась к просмотру той кучи бумаг, что мы должны были предоставить штату. Все, за исключением разве что списка покупок.

— О боже. Посмотри на это, Габриэлла, — произнес Пэкстон, указывая на одну из страниц.

Мы просмотрели полпапки, и он указал мне на свидетельство о рождении Вандера.

— Это день рождения Офелии. Вы родили их в один день, в один год. Охренеть просто, жутковато как-то.

— Папа снова сказал плохое слово, мам.

— Да, я слышала. Что ты здесь делаешь? Ты уже должна быть в кровати, — сказала я, обходя Пэкстона.

— Хочу пить.

— В твоей ванной есть стакан. Шевелись.

— Папа сказал, что я могу поспать с Роуэн.

— Он соврал. Иди.

Я уложила обеих девочек в кровать и вернулась на кухню к Пэкстону,

заполняющему бумаги для получения опеки над Вандером.

— Я отправлю эти документы по факсу перед сном. Таким образом, утром, когда они придут на работу, документы уже будут их ждать.

Я отхлебнула чай, который сделал для меня Пэкстон, и наклонилась, чтобы почитать, что он пишет.

— Как думаешь, когда Линдсей и Джонни доберутся до них для осмотра жилищных условий?

— Я вынудил Джонни пообещать мне сделать это завтра, когда показывал ей ванную. У нее в бассейне трещина, — сказал Пэкстон, хитро улыбаясь.

— Ты злой.

Он пожал одним плечом и поцеловал меня в щеку.

— Это сработало, — подмигнул он. — И я рад, что ты теперь берешь командование на себя. Раньше мы бы часами продолжали играть.

— Кто-то должен это делать. А ты не умеешь говорить «нет».

— Не могу сдержаться. Я слишком их люблю. Хочу, чтобы они всегда чувствовали себя счастливыми, понимаешь?

— Да, но не ты находишься с ними весь день дома. Они слушают меня.

Наши взгляды переметнулись на телефон и высветившееся на нем имя Ми.

Пэкстон не отводил глаз от экрана, задавая мне старый вопрос:

— Хочешь остановиться?

— На этот раз запись только для меня или обоих?

— Обоих.

— А ты хочешь?

Пэкстон притянул меня к себе между ног, обнимая за талию.

— Кажется, это сильно помогло мне. Я слышу все от тебя лично и благодаря этому могу понять, что ты ощущаешь. Это помогает мне сочувствовать тебе. Чего никогда не было. Не по-настоящему.

— Иди выброси мусор. Увидимся наверху.

К тому времени, когда пришел Пэкстон, я уже устраивалась поудобнее в кровати, ожидая, когда он введет пароль от почты. Именно тогда я решила, что это должно измениться. Девочки скоро должны были пойти в школу. Не было причины не иметь доступа к собственной почте.

— Не хочешь сесть снаружи? — спросил Пэкстон, опускаясь мне на ногу.

— Ауч. Нет, хочу поваляться в кровати. Спина болит.

— Ты в порядке? — спросил он, нависнув всем телом надо мной, пока

открывал ссылку из письма.

— Да, все хорошо. Просто устала сегодня.

— Устала или эмоционально вымотана?

Я приподняла одеяло для Пэкстона, соглашаясь с его предположением.

— Еще как.

— Привет, ребята. Как дела? — Ник внезапно появился на экране. Хорошо, что мы не были раздеты. Боже.

— Гэбби, Гэбби! Привет, подруга, — помахала мне Ми с другого конца комнаты.

— Уходи, Ми! — закричал Ник.

Я засмеялась и наклонилась к камере.

— Привет, Ми. Спасибо, что провела день с девочками. Они без умолку болтали об этом.

— Я позвоню тебе завтра. Ник не разрешает мне послушать сегодня. Он думает, что это нарушает законы ППМС или еще что, — ответила Ми скорее с сарказмом. Вот только я не уверена, что это должно было быть забавно, потому что Ник нарушил все законы ППМС, когда передал меня Лейну. С другой стороны, причиной тому может быть ее профессия врача. Она знала эти законы.

Ник снова прогнал ее с раздражением в голосе.

— Ми, ты каждый раз это делаешь. Говоришь, что не будешь входить, но все равно заходишь в комнату.

— Ухожу, ухожу. Увидимся, Гэбби. И я была рада. Они прекрасная компания.

Ник подождал, когда Ми закроет дверь, прежде чем начать, раздраженно качая головой. Мы с Пэкстоном переглянулись, скрывая улыбки.

— Как прошел ваш разговор? Вы все обсудили?

— Да, все хорошо. Давай продолжим. Послушаем следующую, — подначил его Пэкстон.

В тот момент я поняла, что он что-то скрывает. Без сомнения. Было что-то, чего он не договаривал мне.

— Ты согласна, Гэбби? — спросил Ник, полностью игнорируя Пэкстона, но как-то не грубо. Вроде.

Сначала я посмотрела на Пэкстона, пытаясь прочесть выражение его лица, и тут же поняла, что он сделает все, что бы я не попросила.

— Чего ты хочешь, Габриэлла? Хочешь продолжить или хочешь обсудить запись с Ником? Решение за тобой.

Я улыбнулась, слегка наклонившись к нему, и повернулась к Нику.

— Все хорошо. Можешь продолжать.

Ник кивнул и начал набирать что-то на клавиатуре, отчего экран потемнел.

— Хорошо. Все мы знаем, что вы услышите голос Лейна. Начало обрезано, как и в предыдущих. Не я это сделал и не могу исправить. Это дело рук Лейна. Я отключусь, но, если что, пишите. Главное помните, что вы должны обсуждать записи. Пэкстон тоже многое узнает впервые, Гэбби. Не забывай об этом. В отличие от тебя, это его вина, но тем не менее, есть вещи, которые он не знал. Например, то, что вы сейчас услышите. Хорошо?

— Да, спасибо, Ник, — кивнула я.

Пэкстон ни слова не сказал Нику. Он уставился на черный экран и ждал, когда раздастся мой расслабленный голос.

Я сделала глубокий вдох и принялась ждать, вся в предвкушении и на нервах.

— Приляг. Я помассирую тебе спину, пока будем слушать, — предложил Пэкстон.

Я бросила на него непонимающий взгляд, слегка смущенная сменой ролей.

— Я сказала, что все хорошо.

— Ложись, — приказал Пэкстон, вырывая подушки из-под моей спины. Он отбросил одну в сторону и положил на нее ноутбук.

Конечно, я послушалась, встала на колени и опустилась на живот. Его большие руки я почувствовала раньше, чем услышала свой сонный голос из компьютера. Его большие пальцы впились мне в плечи, и я застонала, чувствуя, как расслабляются те мышцы, о напряженности которых даже не подозревала.

— Ты когда-то встречалась с Татьяной, Габриэлла?

— Да, она приходила к нам почти сразу после рождения Офелии.

— Но до этого никогда? Ты не встречалась с ней до того дня?

— Технически, нет. Я наблюдала за ней со стороны, но это все. Не знала, что она была его женой. Пэкстон не носил кольца.

— Продолжай.

— Я была среди камней на пляже, когда увидела ее. В тот же день я встретила там тебя. Тот же день.

— Просто продолжай, Габриэлла. Это было спустя три недели после твоей первой встречи с Пэкстоном?

Вопросы, ответов на которые у меня не было, сменили массирующие руки, и мои глаза открылись.

— Что он имел в виду? Кажется, он не хочет обсуждать что-то. Что

именно?

— Тсс, я не знаю, малыш. Помассируй под левой лопаткой, — сказала я, зашевелившись под ним, призывая продолжить массаж.

— Она была на пляже с полугодовалым ребенком или около того. Малышка играла в песке, пока она говорила по телефону. Я посчитала, что будет грубо, если я просто выскочу из-за угла, потому сидела и невольно слышала ее разговор.

— Что ты услышала, Гэбби? С кем она говорила? — спросил Лейн.

— Я не уверена. С мужчиной. Она сказала ему, что пытается, и пообещала, что это будет ее последняя поездка, пообещала сообщить ему перед отъездом.

— Сообщить кому, Габриэлла?

— Не знаю. Я больше внимания уделяла девочке. Она была милейшим ребенком из всех, кого я видела. Пушистые светлые волосы торчали во все стороны на ее маленькой головке. В будущем они, несомненно, должны были стать такими же блестящими и красивыми, как у ее мамы.

— Когда ты снова увидела ее?

— Позже тем же днем. Я проследила за ней, мне было интересно, откуда она и куда собирается.

— И где ты увидела ее?

Руки Пэкстона снова остановились, но лишь на мгновение, когда он услышал мой голос. Даже я слышала в нем грусть.

— Она пошла в дом Пэкстона.

— Почему тебя это расстраивает, Гэбби?

— Я не знала, что у него есть жена и ребенок. Мне казалось, я ему нравлюсь, но это не так, он только использовал меня. Он относился ко мне не так, как к ней.

— Что ты имеешь в виду?

— Я следила за ними из кустов всю ночь. Слышала каждое слово, которое они говорили друг другу, и знала, что он никогда меня не полюбит. Было глупо думать, что такой мужчина, как Пэкстон, когда-либо полюбит кого-то вроде меня.

— Почему ты так говоришь? Ты очень особенная, Гэбби, — прервал меня Лейн.

— Но я просто шлюха. Я никогда не смогла бы выглядеть так, как она. Она была красивой, и этот ген передался тому ребенку. Боже.

— Скажи, что ты слышала, Гэбби.

— Я подошла ближе, чем обычно, потому что не слышала их. Мне было ненавистно то, как он подошел к ней сзади и поцеловал в шею, когда

она снова говорила по телефону. Она постоянно кому-то звонила. Она неодобрительно посмотрела на него и откинула его руку. Малышка повторила взгляд матери, которая говорила что-то о плотном графике, с которым ей нужно было разобраться.

Пэкстон отошел и начал играть с ребенком, позволяя ей ползать по свежескошенной траве, пока ее мама не закончила разговор. Прежде чем положить трубку, она нанесла на губы помаду и пожаловалась, что они пытаются убить ее, я только не знала, кто такие «они». Пэкстон пригрозил, что убьет ее, если она не отключит телефон и не обратит внимания на него, в то же время целуя ее и говоря, как он по ней соскучился.

Татьяна оттолкнула его, в этот раз из-за губной помады. Дальше они разругались по поводу ужина. Пэкстон все запланировал, но она хотела куда-то сходить, сказав, что Триша — новая соседка — дала ей номер няни. Пэкстон разозлился, ответив, что они не будут отвозить дочь к няне, к тому же он купил стейки и ее любимое вино.

Восхитительная блондинка сказала ему, что хочет греческий салат, широко улыбаясь, а потом рассмеялась. Ничто из этого не относилось к Пэкстону. Улыбка и смех были обращены к тому, с кем она переписывалась.

Пэкстон сказал ей, как она красива, и что ей не нужен был салат, но она снова оттолкнула его, однако он победил: они остались дома. Я держалась поблизости, наблюдая за семьей, которой у меня никогда не могло быть. За жизнью, которой жила Татьяна с мужчиной, которого я хотела, за шикарным домом и красивым ребенком.

Я была разбита. Ему не нужна была я, потому что он хотел ее. У него уже кто-то был, да еще и ребенок. Сукин сын, ублюдок. Я была такой глупой, он ведь даже не был добр ко мне. Почему я вообще думала, что могу быть с таким мужчиной, как Пэкстон, вне моего понимания. Мне нравилось наблюдать за ним с его малышкой, но мне не нравилось видеть его с женой. Он пылинки с нее сдувал, а она едва уделяла ему время. Я предположила, что при такой внешности тебе больше ничего не нужно. Она контролировала, чтобы на крючке была наживка, а он кормился с нее, щипая то тут, то там, прежде чем заглотить его полностью. Глупая, маленькая рыбка.

Я подошла ближе, чем стоило, когда они вошли в дом, переместилась прямо к двери, но слышала только приглушенные голоса. Смотрела, как Пэкстон играл с ребенком, пока его жена разговаривала по телефону или с кем-то переписывалась. В какой-то момент она пошла к нему в кабинет и

села работать за компьютер. Уверена, она была важной шишкой, профессионалом в какой-то среде.

— Это все, Гэбби? Ты ее еще видела?

— О да, я не ушла. Я следила за ними всю ночь, и, когда ребенка уложили спать, они вернулись к бассейну с бокалами в руках. Он все время целовал ее, но она была не особо заинтересована. Она игнорировала его ухаживания, напоминая, что в девять утра на следующий день ей нужно быть в аэропорту.

— Что потом?

Потом он просто сделал это. Поцеловал ее и просунул руку ей в брюки. Татьяна пыталась противиться, но не особо упорно. Как только Пэкстон сказал об оральных утехах, она сдалась.

Он провел ее через боковую дверь, где спала я. Я знала, что не должна смотреть, но он оставил дверь раскрытой настежь. Я не могла удержаться.

— Ты смотрела, как Пэкстон занимается сексом со своей женой, Габриэлла?

— Да, тогда я впервые поняла, что женщина должна наслаждаться этим. Как Татьяна. Очень сильно. Она делала это не так, как я. У нее было больше контроля, чем когда-либо могло быть у меня. Я бы никогда не смогла сказать ему трахать меня сильнее. Никогда. Она издавала звуки, на которые я бы не осмелилась. Она была намного увереннее, чем когда-либо могла быть я.

— Этого ты хочешь, Гэбби? Хочешь заниматься любовью с Пэкстоном так, как это делала Татьяна?

— Да, но я не могу. Со мной это не работает. Иногда мне кажется, что все хорошо, и я пытаюсь не ощущать ничего кроме него, но затем он говорит что-то или прикасается ко мне там, сзади, и я закрываюсь.

— Тебе не нравится анальный секс? Пэкстон заставляет тебя заниматься этим?

— Нет, не заставляет. Он хочет, но я не могу. Я всегда возвращаюсь мыслями на тот склад. Мне не нравилось, когда они это делали. Было очень больно, но они продолжали и продолжали, меняясь по очереди, пока все не закончилось. Если ты можешь заставить меня забыть об этом, мне бы стало намного лучше. Я знаю, что могу.

— Мы поможем тебе, Гэбби. Но знай, у тебя есть другие варианты. Тебе не обязательно оставаться с ним.

Я фыркнула, прежде чем ответить.

— Нет, обязательно. Пэкстон никогда меня не отпустит. Он сказал

мне, что скорее убьет меня.

— Он не убьет тебя, Гэбби. Не обращай внимания. Мы вернемся к этому позже. Что произошло дальше?

— Ничего особенного. Я села на растрескавшийся бетон, оглядывая бассейн, который Пэкстон недавно залил. Я знала, что это для нее. Все, что он делал, было для нее. Когда они закончили, не было слышно ни слова, только тяжелое дыхание.

Первым заговорил Пэкстон. Он сказал, что закончит со спальней наверху и с комнатой Роуэн уже к концу месяца, и хотел, чтобы они переехали туда на постоянной основе. Но Татьяна не была глупой рыбкой. Она не клюнула на крючок. Она воспротивилась. Я бы так не смогла.

— Этого ты хочешь? Хочешь научиться противоречить Пэкстону? — спросил Лейн, вновь перебив меня.

Еще один смешок.

— Не особо. У нас договор. Меня все устраивает, просто хочу еще лучше удовлетворять его, но не могу. Ты поможешь мне?

— Да, Гэбби. Мы поможем тебе. Почему ты не хочешь противоречить ему? Что случается, если ты это делаешь?

— Разное. Иногда он забирает у меня что-то особенное.

— Например?

— Например, случай с «Сэром Морщинки». Я три часа ждала с Роуэн в очереди, чтобы получить подписанную книгу и плюшевую собаку, как в книге. Пэкстон злился на меня за то, что я пообещала отвести ее туда.

— Почему?

— Я забыла, что должна была заняться лицензиями для его работы. Уже пообещала ей. Он позвонил, когда мы были в пяти минутах от книжного. Роуэн была словно на иголках от возбуждения, и с каждым шагом это чувство усиливалось. Там оставалось около семи плюшевых собак, и она вот-вот должна была получить свою игрушку и книгу. Пэкстон появился из ниоткуда и велел ехать домой.

— Почему?

— Таким образом он наказывал меня. Он знал, как много это значит для Роуэн и как много значит для меня видеть ее такой счастливой.

— Ты уехала?

— Вроде того. Я спряталась за дамой с широкополой шляпой и смотрела, как до Роуэн наконец дошла очередь. Пэкстон сфотографировал ее с миссис Керр и ее сокровищами.

— Ты взрослая, Гэбби. Тебя не должны наказывать, особенно твоими детьми, — сказал убежденно Лейн.

— Все хорошо. Я в порядке.

— Ничего не хорошо, Гэбби. Ладно, продолжай. Что случилось дальше?

— Я поехала домой, ничего особенного. Он отшлепал меня, но он так делает даже без причины.

— Нет, не это. Вернемся к Татьяне. Ты сказала, что слушала снаружи.

— А, да. Они ссорились. Татьяна обвинила его в эгоизме, потому что он хотел, чтобы она переехала туда, а Пэкстон отвечал.

Его тон стал выше, и он сказал ей, что дом в таком состоянии, потому что он хотел сделать его достойным своей избранницы. Он не хотел, чтобы она снова колесила по стране с его дочерью. Затем он пришел в ярость, когда она сообщила, что в последний раз оставила ее с подругой. На четыре дня. Пэкстон был вне себя, но Татьяна тут же ответила ему.

Она откинула за спину свои волосы цвета солнца и сжала губы, покрытые красной помадой. Она кричала еще громче, говорила, что никогда этого не хотела, что это была его мечта, а не ее. Она сказала, что никогда не хотела переезжать во Флориду, и все ее друзья находятся в Техасе.

Пэкстон успокоился и стал умолять ее переехать сюда, называя это место их общим домом. Он даже упомянул твое имя и напомнил, что ей понравились Кэндес и Триша. Но это было неважно, у Татьяны уже были другие планы.

Ей понадобилось несколько минут, чтобы ответить, но она это сделала. Наконец сказала ему правду.

— Что за правда, Гэбби?

— Ей удалось. Она стала чирлидером «Далласких Ковбоев» и не собиралась переезжать сюда и отказываться от карьеры. Она еще раз сказала, что этот дом и Флорида были его мечтой, а не ее. Она не была готова к этой роли.

Пэкстон пытался донести до нее, что все это пропадет, что в лучшем случае у нее есть несколько лет, и что потом будет поздно. Когда это не вызвало никакого эффекта, он использовал Роуэн, сказав, что она больше не увидит ее, если уйдет. Она ответила ему, что сама же этого хотела. Ее не волновал ребенок.

Они разговаривали больше двух часов, а я сидела на бетоне и слушала каждое слово. Ближе к завершению семейной тирады Татьяна призналась, что влюблена в другого, и что у нее не было никаких

намерений переезжать сюда с ним. Ссора возобновилась, Пэкстон то повышал голос и оскорблял ее, то молил не разрывать семью. Татьяна снова напомнила ему о своей мечте, частью которой не был ни Пэкстон, ни малыш. Она бросила их. Вот так просто. Навсегда. Вплоть до единственного раза, когда она объявилась. Это все.

Аудио резко оборвалось, и черный экран исчез, вместо него появилась фотография Роуэн и Фи с ушками Микки Мауса. До этого момента я даже не понимала, что Пэкстон передвинулся на мою сторону. Мы упирались на локти, обращенные лицом друг к другу, и держались за руки.

— Ты смотрела, как я занимаюсь сексом с Татьяной?

Я сощурила глаза и вытянула свою руку, уронив на кровать глупый камень, о котором уже забыла.

— И это все, что ты услышал?

— Это сарказм? Что? Я не понимаю. Что я должен был услышать?

— Не знаю, Пэкстон. Может, ту часть, где ты заставил меня прождать три часа с дочерью в очереди, а потом отнял это у меня. Или часть, где я призналась, что была глупой девчонкой, пускающей слюни из-за тебя, пока сам ты был женат, — сказала я, повышая голос.

— Что ты от меня хочешь? Сейчас я бы так не поступил. Мне нравится, что ты знаешь такие вещи о наших девчонках, и я не знал, что ты так переживала. Ты не рассказывала.

— Ты никогда не спрашивал, Пэкстон.

— Воу, Габриэлла. Если подобное будет происходить каждый раз, давай прекратим. Я изо всех сил пытаюсь не расстраивать тебя. Пытаюсь быть с тобой. Я не могу изменить того, что было раньше. Согласен слушать с тобой эти записи ради того, чтобы ты все вспомнила, но только не при таком раскладе. Лучше бы ты не знала, чем была расстроена. Я не могу этого изменить, детка.

Я сделала глубокий вдох, успокаиваясь. Пэкстон был прав. Может, он и не был тем мужчиной, которым мог быть, но явно двигался в правильном направлении. По крайней мере, он работал над этим. Это что-то да значило.

— Что произошло после того, Пэкстон? Как, черт возьми, я стала твоей женой? Не понимаю.

Пэкстон отодвинул в сторону ноутбук и притянул меня к себе, вынуждая лечь рядом. Я положила руки под голову, глядя в потолок и надув губы. Он мог заставить меня подчиниться, но не мог сделать так, чтобы мне это нравилось.

— Я был зол на Татьяну, не на тебя.

— Просто на мне ты излил всю злость, да? На бедной чокнутой девчонке, живущей у тебя в доме. Оказавшейся не в то время и не в том месте. Ты точно знал, что делаешь, не так ли, Пэкстон?

Все мое тело сжалось, когда он положил руку мне на живот поверх футболки. Я не хотела, чтобы он прикасался ко мне. Не хотела, чтобы он был рядом.

— Я не буду лгать, Габриэлла. У меня был хорошо продуманный план, и ты облегчила задачу, придя ко мне беременной. Я знал, что ты попалась на крючок. Ты делала все, что я говорил, и была более чем рада выйти за меня. Я не заставлял тебя.

— Но ты уже сказал, что не дал мне выбора, ты не сделал мне предложение. Ты сказал, что я должна была выйти за тебя.

— Черт возьми, Габриэлла. Ты могла все прекратить, и тебе это известно.

— Как? Мы уже знаем, что я тебе не противоречила.

— Но могла. Можешь сейчас. Ты, черт подери, дала кулаком мне в глаз. Могла бы пригрозить набрать 911, как сделала после тюрьмы. Хоть это было бы отвратительно. Не хочу, чтобы в дом к моим детям приходили копы по причине домашнего насилия. Я понятия не имел, что ты им скажешь. Ты могла бороться, Габриэлла. Но не стала.

— А ты мог любить меня, как любил ее, Пэкстон, но не любил. Не знаю, кто еще из нас глупая рыбка.

— Что это значит, Габриэлла?

— Ну, знаешь, кто из нас попался на крючок и проглотил его по самое грузило, ты или я?

— Возможно, мы оба. Может, мы оба были глупыми рыбами, дерущимися за один крючок. Это настолько же твоя вина, насколько моя.

Запустив пальцы в волосы, я издала протяжный стон. Как бы глупо это не звучало из его уст, в тех словах был смысл. Кем это делало меня? Глупой, глупой рыбкой.

Глава пятнадцатая

Следующие несколько дней были настолько нормальными, насколько позволяла наша безумная семейка. Пэкстон работал, мы с девочками жили по обычному графику, и мы подписали документы, чтобы Роуэн пропустила первый класс. Но я не была уверена на сто процентов в ее учителе. Я ожидала мисс, а не мистера. Он выглядел вполне милым, но нам предстояло выяснить, был ли он достаточно умен для моей дочери. Роуэн он нравился — думаю, это самое главное.

Я волновалась, ожидая новостей из Штата Мичиган. Мы с Пэкстоном посмотрели еще одно видео, но оно не сильно отличалось от предыдущего — я говорила о ночи, когда Татьяна появилась в нашем доме. Она была шокирована, увидев, что у меня была Фи, а Роуэн никак на нее не реагировала. Все это казалось странным, но я не могла сказать почему. Мы не узнали ничего такого, что могло бы стать причиной ссоры, и это главное.

Мы с Пэкстоном приступили к покраске отделки вокруг нового окна в моей прежней комнате, когда раздался звонок. Мы не собирались начинать так поздно, но к тому времени, как мы перезарядили семейные камни и, уединившись с мужем, занялись сексом, лежа на защитной пленке, было уже около десяти. Я искала в телефоне, где можно было заказать матрас на диванчик. Мне нравился диванчик и вид на океан, который открывался из окна, и нравилось, что Пэкстон превратил его в укромный уголок, добавив встроенную полку с одного конца и откидной столик с другого.

— Вот одно место. На Оак-Стрит. Хочешь, позвоню им завтра?

— Я сам. Что насчет синих и белых полос? Мне кажется, будет хорошо смотреться.

Я подумала о предложении Пэкстона, решая, как бы ответить помягче.

— Лучше не надо. Я позвоню. Думаю, угольно-серый хорошо будет смотреться на фоне стен. Мне не нравится идея с полосками. Какой размер нам нужен?

Глаза Пэкстона были стеклянными, когда я посмотрела на него, оторвав взгляд от экрана.

— Что? — спросила я.

— Ничего. Такого же размера, как и одноместная кровать.

Я отключила телефон и закатила глаза.

В этот раз уже Пэкстон задал мне вопрос.

— Что?

— Нам не нужно делать матрас на заказ, дурачок. Можно просто пойти в мебельный магазин и взять в спальном отделе любой понравившийся готовый матрас.

Пэкстон окунул край кисти в краску и начал монотонную работу.

— Да, это логично. Пойдем на следующей неделе.

— Я схожу завтра, пока девочки будут на танцах.

— Мне не особо нравится, когда ты уезжаешь куда-то, оставляя девочек одних. Оставайся с ними. Сходим вместе.

— Почему? Боишься, я найду еще кого-то, кто меня загипнотизирует? Я могу сама сходить, Пэкстон. У тебя и так достаточно дел. Ты не нужен мне, чтобы выбрать матрас. Я...

Пэкстон поднял палец, чтобы я замолчала, когда зазвонил его телефон. Я устало вздохнула и окунула кисточку в краску. Десять часов вечера, а он все еще отвечал на рабочие звонки.

— «Бассейны и ландшафт Пирс». О, здравствуйте. Как поживаете?

Я посмотрела на него, поняв, что звонок не по работе, рука зависла в воздухе, остановившись на полпути. Сердце начало биться быстрее. Чем больше я слушала, тем сильнее оно стучало.

— Да, мы сможем.

— Сможем что? — спросила я, подходя ближе. Я слышала женский голос, но не могла разобрать слов. Знала, что это Джонни Уайт, но не могла понять, что она говорила.

Пэкстон остановил меня на расстоянии вытянутой руки и бросил неодобрительный взгляд.

— Эм, вау. Да. Я посмотрю, что могу сделать. Придется перенести несколько дел, но да, конечно. Я могу звонить вам на этот номер? Спасибо большое. Я свяжусь с вами, как только буду что-то знать. Спасибо. Спасибо большое.

Я нахмурила брови. Пэкстон так рассыпался в благодарностях, словно выиграл в лотерею. Должно быть, новости очень хорошие.

— Что? — спросила я на слегка повышенном тоне.

— Хочешь завтра полететь в Мичиган, встретиться с племянником?

— Серьезно? Нам разрешили встретиться с ним? Это хороший знак, правда? Они ведь не разрешили бы нам увидеться с ним, если бы у нас не было шанса, так ведь?

— Я тоже так думаю. Поспешу, докрась ту сторону. Мне еще нужно сделать миллион звонков.

— Что насчет девочек? Танцев, матраса?

Пэкстон улыбнулся и притянул меня в свои объятия в попытке умирить мою тревогу.

— Матрас? Мы вот-вот увидим Вандера, а ты думаешь о каком-то матрасе?

— Меня трясет.

— Я чувствую.

— Мы возьмем девочек?

— Они могут провести завтра ночь у Триши?

На этих словах я отстранилась от него.

— Ни за что. Не хочу, чтобы они находились рядом с ней. Ненавижу ее.

— Ты не всегда ее ненавидела, Габриэлла. Она всегда была добра к нашим детям. Можем позвонить моей маме. Пусть проведут ночь у бабушки.

— Что?!

— Ничего, просто издеваюсь. С кем еще их можно оставить?

— С моей подругой-врачом? — предложила и спросила я одновременно.

Пэкстон повернулся к окну, отстраняясь от меня, как я от него секунду назад.

— Видимо, мы возьмем их с собой.

— Почему? Они любят Ми.

— Да, и она, вероятно, заставит их принести в жертву соседского кота или что-то подобное. Нет. Я не оставлю своих детей с Ми на целый день и ночь, а может и на два дня. Забудь. Крась, — приказал он, указав на меня своей кистью.

— Она врач, ради Бога.

— Да, странный до чертиков врач. Врач-ведьма.

— Замолчи. Она не ведьма.

— Нет, Габриэлла.

— К черту. Это так глупо.

— Крась.

— Гр-р-р.

Мы говорили о Вандере и комнате. Он был решительно настроен отдать комнату ему. В конце концов я сдалась, но не потому, что согласилась. Просто боялась сглазить, навлечь беду. Я смирилась, когда поняла, что меня не заботило, где он будет спать, пусть хоть в ванной. Мелочи неважны, если он будет с нами.

Я отпустила Пэкстона, предложив самой убрать мусор. Ему нужно было найти билеты на самолет, а мне — успокоить нервы. Каждый раз,

когда я думала, что контролирую себя, мои страхи доказывали обратное. Все казалось настолько нереальным, что я не могла поверить в происходящее. По крайней мере, пока не увижу его. Конечно, мысли об этом тоже беспокоили меня. Что, если он запутается? Что, если он примет меня за свою маму?

Пэкстон отошел на несколько метров, осматривая конечный результат, и вдруг произнес:

— Ладно, ты выиграла. Звони Ми.

Я повернулась к нему, неуверенная, что правильно услышала.

— Что?

— Ми может остаться с девочками, но только здесь. Не хочу, чтобы они оставались у нее дома, и лучше Нику не приходиться с ней.

— Почему? Это глупо. Они могут лечь здесь. Нику не мешает день на пляже. Может, он возьмет выходной.

— Что насчет Ми, ей не нужно работать?

— Ее отстранили на несколько дней.

— Почему меня это не удивляет?

— Потому что Ми не терпит оскорблений.

— Я мог бы раздавить ее одной ногой.

— Но не станешь.

Это было правдой. Ми каждый раз при их встрече ставила его на место, но Пэкстон принимал это.

— Иди позвони Ми. Мне нужно закончить пару дел в кабинете. Увидимся наверху.

— В котором часу выезжаем?

— Как только найдем рейс. Приемные родители привезут его в офис к часу дня, но нас попросили приехать, по возможности, на час раньше. Посмотрим, что можно сделать.

Пэкстон ушел, а я не могла найти себе места. Попыталась прогнать волнение, дыша медленно и глубоко. В десятый раз убралась в комнате, постелив свежее постельное. Ми должно было понравиться.

Пэкстон говорил по телефону с одним из главных рабочих, когда я пошла на кухню. Смешав себе коктейль с двойной порцией водки, поднялась наверх, чтобы принять душ. Мне не хотелось слушать о джакузи, которое Миллер хотел встроить в водопад. Меня волновали гребаные билеты на самолет в Мичиган. Покачивая головой, я пригубила из стакана.

Я набрала ванну с горячей пеной и минут двадцать разговаривала с Ми, попивая свой коктейль. Конечно, она согласилась помочь и собиралась убедить прийти и Ника. Я рассказала ей, что мы узнали, и поделилась

своими страхами, надеждами и сомнениями. Ми в основном слушала, время от времени задавая вопросы или просто хмыкая, давая знать, что слушает.

— Это Ми? Она сможет быть здесь к шести тридцати? У нас рейс в семь тридцать, но мне не удалось достать билеты бизнес-класса, — сказал Пэкстон, входя в ванную.

Меня не волновал бизнес-класс. Не стыдно было лететь в экономе, учитывая цель поездки.

— Правда? Ми, можешь приехать к шести тридцати?

— Он пишет?

Я засмеялась в трубку.

— Да, именно это он и делает.

— Какой скромный.

— Точно. Так сможешь?

— Да, конечно. Увидимся утром. Не переживай, Гэбби. Все будет хорошо. Обещаю. Не забудь надеть Сказочного Джаспера. Он поможет тебе меньше волноваться.

— Обязательно. До скорого.

— Спокойной ночи, Гэбби.

— Спокойной ночи, Ми.

— Я чувствую себя так, словно ты снова рождаешь, — сказал Пэкстон из-под рубашки. Он снял ее через голову и бросил на пол. Мимо корзины.

— Я этого не помню. Расскажи.

Пэкстон направился ко мне, снимая джинсы.

— Двигайся.

Я освободила место и откинулась ему на грудь.

— У меня были продолжительные схватки?

— Не очень. Начались около девяти вечера, но врач сказал не приходить, пока они не будут повторяться каждые пять минут. Это было уже около десяти утра.

— Роды прошли легко?

— Нет, совсем нет. Рожала ты долго и болезненно. Сплошной кошмар.

— Ты хотя бы был со мной?

— Нет.

— Мудак.

— Прости, но, если тебя это утешит, Офелия того стоила. Боже мой, она была идеальна.

Это вызвало у меня улыбку, но в то же время стало грустно. Я сделала глоток и передала стакан Пэкстону.

— Я этого не помню. Не помню, как держала ее.

— Иисусе, тут чистая водка?

— Почти, — фыркнула я. — Почему у нас больше нет детей?

— Ты не можешь их больше иметь.

— Почему?

— Не знаю, что-то связанное с яичниками или маткой. Не помню. Мы усердно пробовали на протяжении года, пока врач не предложил что-то другое.

— Мы не послушались?

— Нет, я тогда встретился с тобой у врача. Ты подрочила мне, я кончил в баночку и вернулся на работу. Это было за несколько дней до того, как ты получила результаты.

— Ты злился на меня за то, что я не могу больше родить тебе детей?

— Нет, я злился, потому что ты не смогла родить мне мальчика.

— Вероятно, теперь у тебя будет сын.

— Ты прекратишь говорить всякие «вероятно» и «возможно»? Он переедет к нам, Габриэлла. Я в этом не сомневаюсь.

Я сделала глубокий вдох и встала.

— Надеюсь, ты прав. Нужно собрать вещи. Поспеши.

Но Пэкстон не торопился. Я собрала обе наши сумки и уже легла в постель, когда он вышел из спальни. Я слышала, как по телефону он отдавал поручения Питу насчет заказа.

— Посмотри на это, Пэкс. Что думаешь? — спросила я, когда он наконец забрался ко мне в кровать.

Пэкстон взглянул мне через плечо и нахмурился.

— Это не твоя сестра. Выключи. Нам рано вставать.

— Но может быть.

— Хватит искать мертвецов. Каждый раз, когда я это предполагаю, ты злишься, но при этом ищешь ее среди трупов.

— Я ищу ее везде, не только здесь.

— Габриэлла, это тело нашли в западной Вирджинии. Это не она. Ложись спать.

Но этому было не суждено случиться. Не думаю, что я проспала хотя бы три часа, но и Пэкстон отдохнул не больше. Я слышала, как он ворочался. Наши тела за ту ночь переплелись нескладное количество раз, прежде чем на мобильном Пэкстона зазвонил будильник.

— Боже, мы вообще спали? — спросил он, зевая и потягиваясь.

Я тут же подскочила, готовая действовать, а он безмятежно лежал на кровати, звездочкой раскинув руки и ноги.

— Пэкстон, пойдем. Ми будет в любую минуту, — пожаловалась я из ванной.

Наконец он восстал из царства спящих, когда я уже была одета и готова.

— Где моя рубашка?

— Вот. Рядом с кроватью. Я пойду вниз. Вставай.

— Иду, иду.

Сначала я пошла в комнату Роуэн, выключила ее ночник и убрала книгу, прежде чем выйти из комнаты, поцеловав ее и прошептав «я люблю тебя». Фи я перенесла с изножья кровати обратно на подушку и распутала закрутившиеся вокруг талии пижамные штанишки. Я покачала головой, с улыбкой глядя на нее. Иногда я не понимала эту девчонку.

Пэкстон встретил меня у двери с сумками, как раз когда приехала Ми. Мы едва перекинулись парой фраз. Пэкстон пытался дать ей указания, но Ми была слишком уставшая.

— Да-да, поняла. Я воспользуюсь немного вашим диваном.

— Позвони, если что-то понадобится. В воздухе мы будем четыре часа.

— Хорошо, спокойной ночи, — отозвалась Ми, кидая на пол сумку и сбрасывая шлепанцы с Минни Маусом.

Пэкстон включил сигнализацию и закрыл дверь.

— Это такая плохая идея. На ней пижама Хеллоу Китти. Мне это не нравится.

— Прекрати. Она нормальная.

— Она фрик.

— Стойте, — позвала Ми из-за двери. — Я забыла. Купила это для Вандера. Скажите, что это от тети Ми.

— Спасибо, Ми, — поблагодарила я, чувствуя, как маленький камушек опускается мне в ладонь.

Я передала его Пэкстону, и он засунул его в карман, подгоняя меня вперед.

Я планировала еще несколько часов поспать, но, к сожалению, не получилось. Я была слишком возбуждена. С каждой проходящей минутой нервничала все больше и больше. Это вот-вот должно было произойти. Пэкстон тоже не спал. Он пытался какое-то время, но, как и я, сдался и открыл ноутбук. Я притянула одну ногу на сидение, мечтая о первом классе. Нас, словно сардин, запихнули внутрь, не теряя ни одного лишнего сантиметра пространства.

— Что это?

— Дизайн для нового заказчика.

Я указала на странной формы кучку квадратов, собранных в углу бассейна.

— Что это?

Пэкстон посмотрел на меня, улыбаясь.

— Это, дорогая моя, куча старого бетона, который я нашел за бесценюк.

Пэкстон выбрал серую краску и заполнил ею квадраты.

— У заказчика четыре сына. Он хочет, чтобы им было где лазить, прятаться, спускаться, как с горки, и ползать. Жду не дождусь, когда приступлю.

— Хм-м, откуда ты взял эту идею?

— У своей умной жены. Посмотри на это, это будет в нашем бассейне, — объяснил Пэкстон.

Так мы и провели полет, обсуждая рабочие планы Пэкстона. Думаю, это помогло нам обоим забыть о желании выпрыгнуть из самолета. Нам было необходимо отвлечься.

Мы приземлились во Флинте, штат Мичиган, как раз по расписанию, взяли на прокат автомобиль и позвонили Ми, чтобы узнать, как девочки. Они собирались на танцы, а потом планировали зайти к Ми на работу, чтобы посмотреть на детей. Я пыталась объяснить им, где мы и что делаем, но, думаю, их это не интересовало. В тот момент Ми была для них интереснее.

Мы хотели перекусить, но в последний момент передумали, решив, что нам разрешат сходить куда-нибудь с Вандером. Стоило рискнуть. Заселившись в отель, приняв душ и приведя себя в порядок, мы направились в здание органов опеки. Не знаю, что я чувствовала во время той поездки. Я слышала болтовню Пэкстона, который указывал в окно на различные здания, знаменитые мосты и статуи. Я слышала его, видела его и даже отпускала комментарии, но отстраненно. Впервые с той секунды, как мы узнали, что едем к мальчику, я не переживала. Я ничего не чувствовала. Словно онемела.

Пэкстон держал меня за руку, когда мы шли через парковку, разговаривая о том, куда пойдём и что будем есть; ему хотелось морепродуктов. Со мной все было в порядке, когда мы шли к двери, поднимались на лифте и шагали по коридору. Но на полпути я остановилась и вытащила руку из руки Пэкстона. Именно в тот момент я поняла, что у нас с Пэксом все будет хорошо. Я ничего не сказала. Ни слова. Он повернулся ко мне, сначала в замешательстве, затем с

сожалением. Он тепло улыбнулся и огляделся, вновь взяв меня за руку.

Я даже не осознавала, что уборная, в которую затянул меня Пэкстон, была мужской. Он притянул меня к себе, еще когда дверь не успела закрыться, и я расплакалась. Именно тогда и именно там я должна была сломаться. Не знаю точно, почему я плакала. Вот-вот я должна была увидеть его, сына Иззи. Ее малыш родился с Фи в один день. Хотя не думаю, что это была единственная причина. Просто я поддалась буре эмоций. Не могла их контролировать. Они нахлынули из ниоткуда.

— Шшш, я с тобой, детка, я не оставлю тебя.

Эти слова отпечатались в моей памяти на всю жизнь. Пэкстон крепко держал мое тело, которое сотрясалось в истерических судорогах. Его рубашка быстро намокла из-за моих слез. Клянусь, мне понадобилось минут десять, чтобы вернуться в норму; каждый раз, когда я считала, что успокоилась, накатывала новая волна.

Еще десять минут ушло на то, чтобы привести себя в более-менее презентабельный вид. Именно в тот день я должна была разреветься. Боже. Я вновь нанесла подводку, ловя на себе взгляды Пэкстона.

— Говори, Пэкстон, — сказала я тихо через отражение.

— Раньше ты не плакала.

Нахмурившись, я повернулась к нему.

— Нет?

— Нет. До аварии я ни разу не видел, чтобы ты плакала. Мне это не нравится.

Я улыбнулась и подошла к нему, вытирая большим пальцем помаду с его губ.

— Все в порядке.

Пэкстон поцеловал меня и стукнулся своим лбом о мой.

— Я люблю тебя, миссис Пирс.

Я повторила его жест и улыбнулась.

— Пойдем. Нам предстоит встреча с мальчишкой.

Зря я накручивала себя насчет миссис Чадвик. Она вовсе не была пугающей, как я думала. Нас приветствовала невысокая пухлая темнокожая женщина, настолько же веселая, как сам Святой Николай^[5]. С ней говорить было проще, чем с двумя предыдущими. Беседа была примерно такой же, что и во Флориде. Полагаю, они задавали те же вопросы, чтобы проверить, совпадают ли ответы. Я не боялась, что они найдут какую-то ложь. Может, у нас и были скелеты в шкафу, но семейных тайн не было. Невозможно было отрицать, насколько для нас важна была семья, и уж тем более не нужно было доказывать нашу любовь к девочкам. Она была понятна по

словам, глазам и улыбкам, когда мы о них говорили. Я была расслаблена и совершенно не нервничала. Пока не зазвонил телефон на ее столе...

Живот скрутило. В горле стал ком, а сердце на миг остановилось, но, вновь услышав звонок, оно начало выпрыгивать из груди. Я едва не задышалась от волнения, но ничего не могла поделать.

— Он здесь, — улыбнулась миссис Чадвик. — Вагнеры сначала хотят поговорить с вами. Вы не против?

— Это семья, которая хочет его усыновить? — спросила я, мой голос дрожал от испуга.

— Да.

— Что произойдет потом? — спросил Пэкстон с той же нервозностью в голосе.

— Нам нужно, чтобы все стороны пришли к соглашению. Так будет лучше для Вандера. Если это не удастся, дело перейдет в суд, и на фоне семнадцатилетнего опыта могу сказать, что вы, ребята, победите. Вот только для ребенка это ни к чему. Я не говорю, что Вагнеры плохие люди, это не так, просто я ни разу не видела, чтобы ребенка забирали у семьи, которая хочет его. Просто помните, что они его тоже любят.

— Я не собираюсь говорить им, что они могут оставить его, — твердо сказала я.

Она кивнула, не удивленная этой фразой, и встала из-за стола.

— Я так и думала.

Мы с Пэкстоном смотрели друг на друга, пока женщина впускала в кабинет семейную пару. Он сжал мою дрожащую руку и сдвинул дергающееся колено.

— Ничего не могу с собой поделать, — прошептала я.

— Здравствуйте, я Рик, а это моя жена — Джун. Последние несколько месяцев Вандер был у нас. Мы совершенно влюблены в мальчишку. Он принес столько радости в наш дом, мы так сильно его полюбили, — вошедшего будто прорвало на словесный понос. Продуманная речь, четкая подача. Наверняка репетировал. Мы просто стояли и ждали, когда он закончит.

От лица нас обоих заговорил Пэкстон, опустив имена. Они знали, кем мы были.

— Спасибо, что позаботились о нем. Мы очень ценим это.

Дальше заговорила женщина, и мне стало ее жалко. Не настолько, чтобы отдать ей племянника, но жалко.

— Вы ведь даже не знаете его. Он никогда не видел вас. Мы знаем его распорядок, его любимые блюда, любимые игрушки и книги. Пожалуйста,

не отнимайте его у нас. Мы не можем иметь детей. Вандер — наш первый ребенок из патронажной системы, и мы четко указали, что хотим взять мальчика, которого можно было бы усыновить впоследствии. Нам только нужно было выполнить необходимые требования, и он стал бы Вагнером. Он был бы нашим. Пожалуйста. Прощу, не отнимайте его.

Я обошла Пэкстона, который пытался остановить меня вытянутой рукой.

— Вы тоже его не знали. Он сын моей сестры, я пообещала ей, что позабочусь о нем. Я тоже люблю его, и мне жаль, что все так обернулось для вас. Честно. Но я буду бороться за него до последнего вздоха. Я должна.

Мужчина обнял за плечи жену, когда она кивнула и грустно улыбнулась, словно знала это заранее.

— Мы привезли все его вещи. Будет несправедливо заставлять Вандера проходить через судебное разбирательство, которое нам не выиграть. Мы можем присутствовать при вашей с ним встрече? Он немного стесняется посторонних.

Я повернулась к Пэкстону в поисках ответа, и он кивнул, тут заговорила миссис Чадвик.

— Подождите. Нам нужно это обсудить. Габриэлла, вы выглядите в точности как его мать. На мгновение я подумала, что вы Иззи и просто пытаетесь обвести нас вокруг пальца. Если бы я не проверила вашу историю и не нашла записи из Форт-Майерс, штат Флорида, я бы не поверила. Не знаю, как он отреагирует.

— Мы говорили с ним об этом, — сказал Рик.

Миссис Чадвик снова подошла к двери своего офиса и помахала кому-то, в это время Пэкстон сжал мою руку. Можно подумать, что я уже должна была привыкнуть к столь частым выбросам адреналина, но это было не так. Я бы никогда не смогла свыкнуться с этой нервозностью, из-за которой набухали вены и слышался собственный пульс.

Вдруг все остановилось. Исчезло.

Вандер отпустил руку сопровождающей и застыл на месте. Вслед за ним застыли остальные. Мир замер, пока маленький мальчик изучал нас, недвижимый, пытаясь понять, была ли я его мамой или нет. Я опустилась на одно колено и раскрыла для него руки, сдерживая слезы. Единственным звуком, раздающимся в комнате, были его шаркающие шаги, когда он медленно шел ко мне. Я поднесла его маленькие руки к своим губам, изо всех сил стараясь не расплакаться. Он позволил мне обнять себя и даже обхватил меня за шею, когда я сжала его в объятиях.

— На сердце моей мамы написано мое имя и неровная линия с самого моего рождения. Это мое сердцебиение. Тебе не нужно этого делать, знаешь? — спросил он, едва громче шепота.

— Нет, малыш. Не нужно.

— Ты Гэбби, но на самом деле Иззи, потому что поменялась местами с моей мамой, потому что была храброй. Где моя мама?

Это стало последней каплей. Я не смогла сдержаться. Сжала его маленькое тельце, чувствуя что-то взрывное. Феномен, который я никогда не смогу облечь в слова. Я почувствовала неопределимо сильное притяжение. Ту же сильнейшую энергию, которую ощутила, когда впервые увидела Роуэн и Фи. Даже если я не помнила их, я любила их. Даже если я не встречала его, я любила его.

— Мы пытаемся найти твою маму, дружище, — сказал Пэкстон. Я даже не заметила, что он тоже опустился на колени, бок о бок со мной.

— Хочешь поехать к нам, пожить у нас немного? — спросил Пэкстон.

— Я хочу остаться с Джун и Риком. У меня завтра игра.

— Ты сможешь позвонить им позже, — сказала миссис Чадвик из-за стола, когда никто не ответил. Джун сдержала умоляющий стон, но это все. Я не знала, что сказать. Совершенно. — Гэбби и Пэкстон хотели бы отвести тебя пообедать.

Глаза Вандера слегка загорелись, немного затмив грусть.

— Лобстером?

Пэкстон дал ему пять с громким:

— Да! Любитель морепродуктов, мой парень.

Несмотря на общее напряжение, все мы улыбнулись, а Вандер засмеялся, и его смех был похож на что-то среднее между звуками, которые издают курицы и козлята. Точь-в-точь смех Офелии.

— Стойте, что это значит? Мы можем забрать его? Он может поехать с нами домой? — спросила я, когда до меня дошел смысл слов миссис Чадвик.

— Сегодня пятница. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы судья подписал документы об опеке сегодня, иначе придется ждать до понедельника. Сможете остаться на это время?

Пэкстон ответил, поднявшись на ноги.

— Ни за что. У нас дома две дочки.

— Я могу остаться. А ты поедешь домой, если придется подождать, — мягко предложила я, прекрасно зная, что он никогда не разрешит мне остаться здесь без него.

— Нет, где судья? Я лично доставлю ему документы, — парировал он.

— Давайте позволим Рiku и Джун попрощаться с Вандером, — предложила она, не замечая выпад Пэкстона.

Я последовала за ней в холл, оглядываясь через плечо. Рик поднял Вандера, давая ему напутствия насчет его удара и напоминая держать покрепче биту, когда мы закрывали за собой дверь. Мы все прошли через холл к кофе-машине. Мы с Пэкстоном отказались от напитка.

— Я пришлю вам документы факсом в понедельник утром. Подпишите их у нотариуса и пришлите обратно, как только сможете.

— Мы забираем его домой? Сегодня? — спросила я, потупив взгляд, словно обращаясь к полу.

— Вагнеры не хотят проходить через это еще раз спустя несколько дней, а я не хочу помещать его на несколько дней в другую семью, да и он все равно окажется у вас. Вы победили. Вандер сегодня поедет домой с вами.

— О, боже мой. Пэкстон, ищи билеты на самолет, — сказала я, даже не пытаясь скрыть панику, атаковую мою мозг. Это было по-настоящему. Это происходило на самом деле. Вандер был в безопасности, там, где я могла позаботиться о нем.

Вандер отправлялся домой.

Глава шестнадцатая

Даже не могу описать, как счастлива я была. Вандер заполнил пустоту, о существовании которой я и не догадывалась, и я гордилась сестрой за то, что у нее такой сын. Вежливый и веселый, как я и ожидала. И Пэкстон, боже мой, Вандер обожал Пэкстона. Они ели своего мерзкого лобстера, а я наслаждалась пастой со сливочным соусом, спаржей и зеленым салатом, чувствуя себя счастливее, чем когда-либо в жизни. После обеда мы прогулялись по парку, держась за руки, пока Вандер бегал впереди нас, беззаботный и энергичный, каким и должен быть маленький мальчик.

Мы сели у пруда и позвонили Ми, чтобы поделиться хорошими новостями и сообщить, что смогли достать билеты на рейс только на следующий день. Ми была не против, с ней был Ник, и они хотели выкопать на пляже ров, разжечь огонь и пожарить маршмеллоу. Пэкстон пытался возразить против опасной затеи, но только потому, что сам хотел быть там, чтобы проследить за процессом. Я толкнула его в бок, чтобы не лез со своими возмущениями, пока я говорила по «ФэйсТайм» с Ми и девочками.

— Вы поехали к тому мальчику? — спросила Офелия, когда Ми передала ей телефон.

— Да, и угадай что?

— Что?

— Он похож на тебя.

— Нет, не похож. Он мальчик.

— Но у него такие же глаза, как и у тебя, та же кожа и те же волосы. Хочешь поздороваться с ним?

— Хорошо.

Роуэн влезла в камеру, мгновенно вызывая ссору.

— Она сказала это мне, — заныла Офелия, отталкивая сестру.

— Я тоже хочу его увидеть.

Вандер посмотрел на меня широкими глазами и улыбнулся, когда Ми засвистела, прекращая ссору так же быстро, как она разразилась.

— Привет, Вандер, я Ми. Как дела? — произнесла она в телефон, расположив камеру слишком близко к лицу.

— Хорошо, — стесняясь, ответил Вандер.

— Это твоя кузина, Офелия. Скажи привет, Фи.

— Привет, Фи, — произнесла Офелия, смеясь.

Вэн тоже засмеялся, но не поздоровался. Думаю, для всех это было немного неловко. Мы не ожидали, что все произойдет так быстро. Я думала, у меня есть несколько недель, а не дней. Тем не менее, они собирались в скором времени жить под одной крышей, что превращало меня в маму троих детей. Мать Божья.

Тем вечером Пэкстон оставил нас вдвоем в отеле, сказав, что у него есть дела, которые нужно уладить. Вандер рассказал мне о своей маме больше, чем я когда-либо могла узнать. Он любил ее, скучал по ней, и то, как он смотрел на меня, вызывало бессильную грусть. Я знала, что видели его глаза. Маму, которая не была его мамой. Бедный мальчик.

Не будь я так вымотана из-за недостатка сна, могла бы всю ночь напролет сидеть и любоваться им. Он сложил маленькие ручки под телом, заснув на животе. Это было идеальное окончание идеального дня.

— Пойдем в ванную, — прошептал Пэкстон, подойдя сзади.

Ладно, возможно, *это* было идеальное окончание. Пэкстон занялся со мной любовью, усадив меня на раковину и прикрывая мой рот своей рукой. Это был быстрый секс без прелюдий. Позже я лежала в его объятиях, уставившись на Вандера, и чувствовала себя в безопасности, счастливой, как никогда.

— Я думал, Офелия похожа на меня, пока не встретил этого малого. Она определенно больше Делгардо, нежели Пирс.

— Знаю. Это безумие. Думаю, все дело в том, что мы близнецы, — сказала я, после чего сменила тему, потому что мои мысли переключились на другое. — Куда ты ездил, Пэкстон? — спросила я, закрывая глаза и чувствуя умиротворение.

— Когда?

— Ты знаешь когда. Когда ты ушел. Не начинай.

— Я ездил в дом, где выросла Иззи. Хотел взять тебя туда, но ее приемная мать отказалась. Сказала, что не хочет больше быть частью жизни Иззи, что пыталась помочь ей, но та не позволяла. Иззи украла у нее большую сумму денег и ожерелье, которое было семейной ценностью. Она не может простить ей этого.

— Она была больна.

— Знаю, но она отдала мне ее оставшиеся вещи, фотографии и прочее. Сказала, что ей они ни к чему.

— Где они?

— Я завез их в камеру хранения вместе с вещами Вэна. Потом заехал к ней на квартиру, надеялся, что кто-то сохранил какие-то вещи. Но нет. Квартиру несколько месяцев назад сдали другим людям. Они продали все,

что там осталось, чтобы оплатить аренду, которую Иззи задолжала.

Я повернулась к Пэкстону и коснулась его щеки.

— Спасибо за попытку. Спасибо за все это.

— Скажи, что любишь меня.

— Что? — спросила я, нахмурившись.

— Ты никогда не говоришь это в ответ. Я все время признаюсь тебе в любви, но не слышу ответа.

— Я отвечаю. Только сегодня говорила тебе это.

— Нет, ты сказала что-то вроде «да-да, я тоже люблю тебя».

— Это одно и то же.

— Нет, не одно и то же, Габриэлла. Скажи, что любишь меня. Посмотри мне в глаза и скажи, что прощаешь меня, что продолжишь давить на меня, чтобы я стал лучше.

— Я не давлю на тебя.

— Нет, это так. Ты вызываешь у меня желание становиться лучше. Скажи, что любишь меня, Габриэлла.

Я сделала глубокий вдох и перевела взгляд ему на грудь, размышляя о простом ответном жесте, о трех простых словах.

— До сегодняшнего дня я этого не знала.

— Не знала, любишь ли меня?

— Нет, я знала, что люблю. Но не могла говорить об этом так легко, как ты.

— Что это значит? Думаешь, я блефую?

— Больше нет. Не после того, как ты затащил меня в мужскую уборную и дал выплакаться на своем плече в течение десяти минут, не сказав ни слова. Я люблю тебя, Пэкс, я безумно влюблена в тебя, в нашу жизнь и нашу семью. Я очень рада, что мы создаем новые воспоминания.

Пэкстон приподнял мой подбородок и поцеловал в нос, затем в губы.

— Обещаю создать воспоминания лучше, чем те, которые ты забыла.

Улыбаясь, я поцеловала его в губы, прижалась к его груди и заснула. Кажется, я не шевелилась всю ночь. Теперь, когда Клайд моей сестры был рядом со мной, мой сон был лучше, чем за долгие недели прежде.

~~~

К тому времени, когда мы приземлились в Тампе, я знала, что Пэкстон без сомнения сможет полюбить ребенка другого мужчины, потому что он уже начинал привязываться к нему. Вандера невероятно интересовали

графики бассейнов, над которыми работал Пэкстон. Пэкстон с большим рвением принялся рассказывать ему о бассейнах. Вандер захотел водопад с таким же тайным туннелем. Думаю, улыбка не исчезала с моего лица на протяжении всего полета, но в определенный момент я разревелась. Мне пришлось встать и уйти в уборную.

— Смотри, что у меня есть для тебя, — сказал Пэкстон, вспомнив о подарке от Ми.

— У меня уже есть такой. И у мамы тоже. У тебя тоже должен быть, Гэбби. Так сказала мама. Какой-то индеец с цветными перьями дал его и моей маме, и твоей маме, и тебе. Как мне, — сказал Вандер, когда его черный камушек притянулся к камню Пэкстона, мгновенно вызывая улыбку на его маленьком личике.

Я не помнила этого, а хотела. Насколько иронично то, что моя мать верила в те же волшебные камни, в которые верила Ми? Я пошла в уборную и заплакала. Где был мой камень?

Пэкстон не говорил об этом инциденте ни разу за всю дорогу домой. Спросил, в порядке ли я, и на этом все. Больше мы это не обсуждали.

Вандер влился в нашу семью, словно кусочек пазла, занявший свое истонное место, сдружившись с Роуэн и Фи так, будто они знали друг друга всю жизнь. Даже при первой встрече они вели себя как кузены, которые были знакомы многие годы. Фи показала ему своих динозавров, и они несколько часов провели в бассейне. Роуэн и Фи даже играли в нем дольше обычного, потому что там понравилось Вандеру.

Но не все было так просто, далеко не все. Постоянно кто-то ругался: либо Вандер и Офелия, либо Роуэн и Офелия. Но не Роуэн с Вандером. Благодаря Пэкстону Офелия называла его Мини-Вэн. Клянусь, эта девчонка ничего не забывала. Вандер ненавидел это прозвище. Конечно, поэтому она называла его так еще чаще.

Я провела три дня, окруженная любовью. Только одно могло осчастливить меня еще больше — моя сестра. Если бы Иззи появилась на пороге и заявила о правах на своего сына, я была бы самым счастливым человеком в мире. Я все время о ней думала и продолжала мониторить все сайты пропавших без вести, но так и не наткнулась на стоящую информацию. Она просто исчезла, будто растворилась в воздухе.

Все шло своим чередом. Всю неделю мы привыкали к Вандеру, а Вандер привыкал к нам и к новой жизни. Даже Пэкстон казался более счастливым, более игривым и даже менее напряженным. Он даже не расстроился, как я думала, на следующий вечер, когда я решила посмотреть видео, которое Ник хотел показать только мне. Еще два раза — и я никогда

больше не могла получить подсказок о своем прошлом. Думаю, я была благодарна существованию этих записей. Это были не лучшие воспоминания, но других у меня не было.

Пэкстон отпустил меня в девять часов, когда мы пытались успокоить детей. В любом случае, видео было не для него, а судя по хихиканьям, игра собиралась продлиться еще какое-то время. Почему им так нравилось бороться с ним — вне моего понимания. Они веселились и заполняли дом смехом, так что, думаю, это единственное, что имело значение.

Я сделала себе коктейль и поднялась наверх с ноутбуком Пэкстона подмышкой. Мы уже очень многое узнали. Что еще могла открыть эта запись? Я была готова встретиться с любыми сложностями, потому что мы могли пройти через это, как и во всех остальных случаях.

Воздух был прохладнее, чем я ожидала, но я накинула плед и осталась на балконе. Устроившись поудобнее, я нажала на ссылку для скачивания, как всегда делал Пэкстон.

— Привет, Ник. Спасибо, что посидел с девочками. Ты им понравился. Где Ми? Что случилось?

— Мне кажется, ты двигаешься в правильном направлении, и все будет хорошо. Мы можем остановиться сейчас, Гэбби. Это нормально.

— Все так плохо?

— Да, это все поменяет.

— Но я имею право знать.

Ник кивнул, сделав глубокий вздох.

— Потому я здесь. Я весь день боролся с собой из-за этой записи, пытаюсь убедить себя избавиться от нее, прежде чем кто-то еще ее увидит.

— Все не может быть так плохо, Ник.

— Может, Гэбби.

— Но я хочу услышать ее.

— Хочешь, чтобы я остался на связи?

— Нет, можешь идти.

— Ладно. Если что, звони.

— Все будет хорошо, — проговорила я. Слова прозвучали более убедительно, чем я себя чувствовала. Снаружи я казалась сильной, но внутри я словно превратилась в миску с желе, так переживала.

— Гэбби, ты слышишь меня?

— Да, я слышу тебя, Лейн.

— Мы продолжим с того момента, где остановились, после чего Ник попытается сегодня стереть часть твоих воспоминаний, но сначала я хочу спросить, была ли ты когда-то с кем-то другим, хорошо?

— Хорошо.

— У тебя когда-то был другой мужчина, Гэбби?

— В плане секса? Однажды я поцеловала другого. В губы.

— До или после Пэкстона?

— Это было намного позже. Офелии только исполнилось три года.

— Правда? Кто это был?

— Его звали Чип. Пэкстон нанял его, чтобы научить меня готовить, потому что я не делала стейки так, как ему нравилось. Он позвонил в моем присутствии, записал меня на кулинарные курсы и заставил ходить туда каждую субботу на протяжении двух месяцев. Вот только он остался с носом. Чип был не только потрясающим шеф-поваром, но и прекрасным барменом. Мне было так весело с ним. Очень весело. Он научил меня рецептам многих коктейлей, я могла сделать несколько шотов, не пролив ни капли. Он говорил, что у меня дар от природы. У меня появилось желание найти работу, общаться с людьми, завести друзей.

— Ты могла бы сделать это, Гэбби. Где-то в мире существует человек, который любил бы тебя так, как ты того заслуживаешь, — сказал Лейн, прочистив горло.

— Я хочу, чтобы меня так любил Пэкстон.

— Но это не так. Ладно, забудь. Ты сказала, что следила за Пэкстоном с его женой той ночью. Что произошло после?

Я издала короткий смешок.

— Ты знаешь, Лейн. Ты поймал меня, помнишь? Ты хотел знать, что я задумала. Я солгала, сказав, что не знала, что он не один, и ушла.

— А я последовал за тобой.

— Да, ты дал мне пятьдесят долларов.

— Клянусь, я просто хотел, чтобы ты подрочила мне, и собирался уйти, Гэбби. Я не планировал этого. Кэндес не было рядом, я чувствовал себя одиноко, и мне... мне жаль, Гэбби.

— Все хорошо, Лейн. По крайней мере, из-за этого Пэкстон захотел меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты знаешь, ребенка.

— Какого ребенка?

— Моего, Офелию. Ты создал ее.

— Нет, не я. Она не мой ребенок.

— Нет, конечно, нет. Пэкстон ее папа. Он так сильно любит ее. Она его, без сомнения.

— Он обижает ее?

— Ни за что. Он и Роуэн любит. Пэкстон прекрасный отец.

— Но Роуэн его дочь. Думаешь, Офелия не его? Она вполне может быть дочерью Пэкстона.

— Я так не думаю. Роуэн тоже не его.

— Конечно, его. Что ты имеешь в виду?

— Однажды она пришла ко мне. Татьяна. Она была шокирована тем, что я родила Офелию. Спросила, была ли она от Пэкстона, и я разозлилась на нее. Сказала, что, конечно, она его, и Татьяна извинилась. Сказала, что была с ним восемь месяцев, и они ничего не использовали, а после тех выходных, которые она провела с квотербэком какой-то футбольной команды, она забеременела. Так что она предположила, что Роуэн его... Тогда Пэкстон поставил в доме камеры. Он злился, что я впустила ее в дом, что подпустила к Роуэн.

— Он поставил камеры в доме?

— Да, на всех входах и в своей спальне.

— Зачем он установил ее там?

— Чтобы я знала, что он всегда следит за мной. Знаешь, я могла бы забеременеть от одного из тех парней из банды. Отцом мог бы быть кто-то из них.

Я сонно засмеялась.

— Вот только все они были темнокожими, да и время неподходящее. Ты заплатил за секс со мной три недели спустя, и ты не вышел из меня. Я помню.

— Господи Иисусе, Гэбби. Ты сейчас серьезно? Думаешь, Офелия моя дочь?

— Да, Пэкстон не может иметь детей.

— То есть? Конечно, может.

— Нет, не может. Мы никогда ничего не использовали, а когда обратились к врачу, пытаясь зачать мальчика, он сказал мне, что Пэкстон не может. Сказал, что численность его сперматозоидов практически нулевая. Вероятно, это из-за свинки, которой он переболел в детстве.

— Блядь, Гэбби. Пэкстон знает об этом?

— Нет, я солгала ему. Сказала, что врач нашел какую-то проблему с моей маткой, что-то вызванное рождением Офелии. Он считает, что дело во мне.

Тишину нарушили шаги Лейна. Он, несомненно, сходил с ума.

— Я хотел, чтобы Ник стер твои воспоминания о нашем сексе, но не ребенку. Блядь.

— Ты злишься?

— Нет, нет, я не злюсь, Гэбби. Я... черт. Я даже не знаю.

— Ты сказал мне продолжать попытки с Пэкстоном. Сказал, что я нравилась ему. Это твои слова, Лейн.

— Да, потому что я знал, что не прикоснусь к тебе, будь ты его. Не потому что я думал, что ты беременна моим ребенком. Господи Боже. Я не знаю, что теперь делать.

Не знаю, это аудио остановилось, или я оглохла. Я хотела, чтобы это закончилось. Я хотела повернуть время вспять. Не знать этого. Это могло уничтожить Пэкстона. Я слушала запись, прикрыв рот рукой, в другой держала пустой бокал, мечтая о еще одном коктейле. У Пэкстона было трое детей, и ни один из них не был ему родным. Я сглотнула и прислушалась к шуму, когда Лейн вернулся в комнату с Ником.

— Ты должен заставить ее забыть о том, что у нас когда-либо был секс. Заставь ее забыть, что я отец Офелии. Сделай это, Ник. Ты должен. Если Кэндес узнает, она тут же бросит меня. Они друзья. Это рано или поздно станет известно. Ты должен это сделать.

— Ты не хочешь своего ребенка?

— Ей четыре. Она думает, что Пэкстон ее отец. Сотри это дерьмо из ее памяти, Ник. Сделай это.

Кто-то сделал глубокий вдох, и дальше прозвучал голос Ника. Я не слышала, что он говорил, но услышала, когда все закончилось.

— Я сейчас разбужу тебя, Гэбби. Я отсчитаю от десяти до одного. Каждый раз, когда я буду произносить число, твой мозг будет запоминать слова, которые я только что сказал тебе. Ты запомнишь их, как любое другое воспоминание, когда я дойду до единицы, хорошо?

— Да, хорошо.

Ник медленно отсчитал от десяти до одного.

— Проснись. Как себя чувствуешь?

— Эм, хорошо. Как я справилась? Получилось?

— Сколько у тебя детей, Гэбби?

— Эм, двое. Тебе это известно. А что?

— Как зовут их отцов?

— Отцов? Их отец Пэкстон Пирс. Что ты имеешь в виду?

— Ничего, Гэбби, все прекрасно. На следующей неделе, обещаю, когда ты проснешься, изнасилование сотрется из твоей памяти, и все это закончится.

Конец записи. Я подождала, когда погаснет экран, и закрыла ноутбук.

— Боже мой.

— Что? Расскажи, — сказал Пэкстон, закрывая за собой двери.

Я безмолвно посмотрела на него на короткое мгновение. Не могла сказать ему этого. Новость уничтожила бы его, разбив на мелкие кусочки. Он бы отправился на лодке в центр океана и привязал груз к своей ноге.

— Расскажи мне, Габриэлла. О чем была запись? Что ты узнала?

Я набрала полные легкие соленого морского воздуха.

— Я поцеловала другого мужчину.

Пэкстон сел рядом и нахмурился.

— Что? Когда?

— Помнишь, когда ты заставил меня пойти на кулинарные курсы? У шеф-повара был бар. Он научил меня готовить напитки. Он мне понравился. Мы смеялись и веселились, — объясняла я то, что недавно узнала. Это не было ложью, верно? Просто я не собиралась рассказывать об остальном. Я никогда бы не сказала ему об этом. Эта тайна должна была отправиться со мной в могилу.

— Что ж, думаю, я заслужил это. До аварии ты не смешивала напитки. Это убедило меня в том, что ты Иззи.

— Я и так Иззи.

— Ты знаешь, о чем я.

Я пыталась вести себя так, будто не узнала только что самый безумный кусочек этого пазла.

— Ты, наверно, должен выпороть меня за то, что я поцеловала другого.

— Я определенно могу это сделать, — сказал он, запуская руку под плед.

Той ночью с Пэкстоном я позволила всему исчезнуть. Мне было это необходимо. Я не могла справиться с тем, что на меня обрушилось, хотя глубоко в сердце всегда знала, что что-то не так. Просто не знала, что именно. Мы трахались словно обезумевшие животные, во всех мыслимых позах. Мы трахались, сосали, облизывали друг друга, царапались и целовались, но мой мозг цеплялся за то, о чем я мечтала забыть. Не стоило слушать. Нужно было позволить Нику удалить запись.

Пэкстон рухнул первый, тяжело дыша мне в шею.

— Ты раздавишь меня, — пробормотала я из-под него.

Он перенес вес, но совсем немного. Он все еще наполовину лежал на мне.

— Господи, детка.

Я изогнулась, доставая руку из-под себя, и поцеловала его в губы.

— Не хочу слушать последнюю запись, не хочу знать, что в конверте, и

мне плевать, где мой камень. Я люблю тебя. Давай прекратим.

— Нам осталось одно видео, и ты хочешь остановиться?

— Да, меня это больше не волнует. Ты прав. Давай создавать новые воспоминания, и постараемся сделать так, чтобы Вандер чувствовал столько любви, сколько возможно.

Пэкстон перевернулся на живот и закрыл глаза.

— Ты ведь знаешь, что не сделаешь этого.

Я прикоснулась к рубцам на его спине, оставшимся от моих ногтей, и он зашипел.

— Сделаю.

— Лгунья. Всего одна запись, Габриэлла. Хочешь остаток жизни провести, гадая, что там было?

Тяжелый вздох вырвался из моих легких, и я поняла. Он был прав.

— Пэкс?

— Мм?

— Где может быть мой камень? Тот, который индеец дал маме, мне и Иззи?

Пэкстон глубоко вздохнул и перевернулся.

— Ты не говорила мне, что это что-то ценное. Я даже не знал, что у тебя была сестра.

— Где он?

— Я выбросил его в океан.

— Почему?

— Потому что был кретином, потому что мог. Спросил тебя, что это за камень, ты назвала какое-то его научное название. Может, даже и сказала, что это гематит. Не помню.

— Ты выбросил его в океан? Уверена, он многое для меня значил.

— Я тоже так думаю. Ты каждое утро ходила на пляж, надеясь, что его выбросило на берег. Ты никогда об этом не говорила, и только теперь я понимаю, что он был дорог тебе. Прости.

Я улыбнулась. Я не могла не простить его.

— Хорошо, что Ми дала мне новый.

— Согласен. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя, Пэкстон. Мы идеальное сочетание двух безумий.

Лежа с закрытыми глазами, Пэкстон снова улыбнулся, безропотно соглашаясь.

Идеальное сочетание двух безумий. Это были мы.

Глава семнадцатая

Следующий день был адски сложным. Казалось, будто меня сбил чертов грузовик. Я просто не понимала, как это может быть правдой. Офелия была его точной копией, ей всегда нужно было все контролировать. Я не могла понять. С какой стороны я ни обдумывала новообретённые знания, было трудно в них поверить.

Об этом я думала, когда Пэкстон вернулся с работы домой. Даже не слышала, как он вошел, не говоря уже о машине. До этого всегда слышала, как подъезжает его пикап. Роуэн сидела на ступеньках бассейна, Вандер и Фи выкапывали ямы под сосной для своих динозавров, а я расположилась на краю шезлонга. Мыслями я была где-то далеко и совершенно не обращала внимания ни на что вокруг.

— Привет, ребята, — раздался голос Пэкстона у меня за спиной.

— Господи, Пэкс. Ты до чертиков меня напугал.

Все трое детей кинулись к нему с такой скоростью, будто он не был дома 12 месяцев. Пэкстон уделил равное внимание каждому из них. Осмотрел татуировку акулы у Офелии, которую она сделала в аптеке, выслушал историю Роуэн о даме в продуктовом, которая истошно завопила, когда по ее руке пробежала ящерица, из-за чего Офелия рассмеялась.

Она рассмеялась снова, вспомнив об этом, и наябедничала на своего кузена.

— Мини-Вэн тоже смеялся.

Вэн толкнул ее бедром, бросив злой взгляд. Мне нравилась манера их общения друг с другом; хотела бы я, чтобы Иззи могла разделить с нами этот момент. Чтобы был кто-то, с кем можно было бы поговорить. Мне бы это не помешало. Я бы все ей рассказала.

— Привет, дядя Пэкс. Коробки с моими вещами приехали?

Пэкстон присел ко мне на шезлонг позади и обхватил меня за талию.

— Нет, дружище, но сегодня пришло письмо. Так что завтра точно привезут.

— О, боже мой, Вандер Клайд.

— Что такое, тетя Гэбби?

— Твоя мама оставила тебе подарок на день рождения. Он в коттедже. Пойдем посмотрим.

— Я тоже пойду, — сказала Офелия, перейдя от отца ко мне. Конечно, Роуэн тоже захотела присоединиться.

Я взяла Вандера за руку, не обращая внимания на то, что девочки поплелись следом. Пэкстон остановил их.

— Роуэн, ты пойдешь на крыльцо и убереешь беспорядок, который там натворила. Ты должна была убрать его до моего прихода, помнишь?

— Фи должна убрать все. Мы поменялись. Я убрала все сосновые иголки в беседке, а она сказала, что убереет мел, который я раздавила. Правда ведь, мама? — объяснила Роуэн, серьезно глядя на меня и моля о помощи.

— Да, был такой уговор с Фи.

— Тогда я могу пойти.

— Почему бы тебе не остаться с папой? Можете приготовить желе, если хотите, — предложила я, напоминая о ее просьбе сделать красное желе.

— Я хочу пойти, — воспротивилась она.

Пэкстон встал и закинул их обеих на плечи.

— Пойдемте, уберем раздавленный мел и приготовим желе.

Мы с Вандером пошли к мастерской Пэкстона, чтобы взять ключ от коттеджа, разговаривая тем временем о снеге. Он хотел знать, как может наступить Рождество без снега.

— Посмотри на это с другой стороны. Ты сможешь играть на улице со своими игрушками. А когда погода холодная и снежная, приходится ждать весны. А к тому времени все игрушки либо сломаются, либо уже наскучат, — говорила я, открывая дверь.

Я даже не думала о том, что там ее машина. То есть я знала, что Пэкстон привез ее туда, просто не подумала о том, что это машина его мамы, и как он на нее отреагирует.

Вандер подбежал к старому авто прежде, чем я успела его остановить.

— Моя мамочка здесь! Она приехала!

— Ох, малыш. Нет, ее здесь нет. Мы привезли сюда машину, чтобы она была здесь к ее возвращению. Мы зашли сюда только за ключами.

— Оу.

— Я никогда не прекращу искать твою маму, Вандер. Обещаю.

Вандер толком не ответил. Его восторг исчез, сменившись выражением разочарования. Хотелось бы мне исполнить его желание. Я была готова на все, чтобы вернуть его маму.

— Пойдем, дружок. Посмотрим, что она приготовила тебе.

Вандер немного оживился, когда я разрешила ему открыть дверь. Мы вошли внутрь, и он тут же увидел подарок.

— Эй, это то, что я хотел! Она купила его! Это тот самый, тетя

Гэбби, — сказал он, и стало понятно: радость затмила грусть. Вандер опустил скейтборд на пол и запрыгнул на него с широченной улыбкой. Его коленки согнулись, и он перевернул его с помощью ног, поймав руками; счастливая улыбка не покидала его лица.

— Смотри, новая обувь.

— Прямо как у Чарли. Она обманула меня. Мама сказала, что их распродали.

Я сфотографировала его на телефон, когда он, разуваясь, плюхнулся на пол и надел новые сандалии.

Я протянула ему упакованную коробку, когда он встал, топая по полу, отчего на стопе зажигались голубые огоньки.

— Вот, Вэн. Этот очень тяжелый.

Радость тут же исчезла с его лица.

— Я знаю, что это, но у меня больше нет других. Не знаю, где они.

— Открой, — подбодрила я, взъерошивая его волосы.

Вэн сел на край кровати и потянул за голубую ленту.

— Не могу прочитать, — сказал он, протягивая мне карточку, после чего достал из коробки снежный шар. Он встряхнул его, и снег закружился вокруг циркового шатра.

— Думаю, я уже слышал эту историю.

Я нахмурилась и открыла карточку, задумавшись, что он имел в виду, но не спросила. Проглотить ком в горле было сложнее, чем я думала. Во рту пересохло, когда я увидела ее почерк. Не было ни капли слюны. Она писала букву «Д» точно, как это делала я. Пэкстон всегда говорил, что она похожа на «9».

— Что там сказано?

Мне понадобилось время, чтобы собраться с мыслями, прежде чем я смогла прочесть послание вслух. Вандер поднес шар ближе к лицу, рассматривая крошечные детали внутри. Крошечных львов, слонов и клоунов, расставленных вокруг шатра.

Привет, мой любимый Клайд.

Тебе пять. Вау. Как это произошло?

Когда нам с Гэбби было около семи, мы все лето путешествовали вместе с цирком. Нам было так весело, Вандер. Нам даже удалось выполнить трюк на батуте с баскетбольными кольцами. Это было перед самым представлением, когда инспектор ждал, пока заполнится зал, но все равно это был успех. Мы были очень хороши. Называли себя Дуэтом Близнецов. У нас даже были крутые цирковые костюмы. Этот шар —

напоминание тебе сходить в цирк. Смейся над нелепым клоуном. Веселись. Даже когда тебе будет сорок. Я знаю, что была не лучшей матерью в последние годы, и мне жаль, малыш, но я обещаю забрать тебя домой к концу лета. Верь мне.

Я так сильно люблю тебя, мой человечек. У тебя все получится. С Днем Рождения.

Люблю тебя бесконечно, навеки.

Мамочка

— Это трансформер, — сказала я и перевернула карточку, чтобы показать ему внешнюю сторону. Я проглотила слезы, желая схватить Вэна и обнять как можно крепче. Конечно, я этого не сделала. Мне и так было сложно сдержаться. Если бы поддалась порыву, разревелась бы, как дитя.

Вандер забрал у меня карточку, счастливо улыбаясь. Я уже так сильно любила его, и сердце мое болело, потому что рядом не было его мамы.

Тем вечером я укладывала Вандера спать, уделив ему чуть больше внимания, чем девочкам. Мы говорили о его маме. Может, я и не помнила Иззи, но у меня был Вандер, который мог рассказать мне, какой особенной она была. Он много обо мне знал, и от этого становилось грустно. Я никогда не рассказывала о ней девочкам. Она всегда оставалась в прошлом, которого не помнила.

~~~

Мы собирались посмотреть последнее видео, но вместо этого у меня случился очередной срыв. Я плакала. Много. Пэкстон обнимал меня, поцелуями убирал слезы, но практически ничего не говорил. Я не могла объяснить ему, в чем причина. Сама не знала. Вновь поток эмоций, не поддающихся контролю.

Он был рядом и морально поддерживал меня, как только мог, затем в мгновение ока все изменилось. Не думаю, что кто-то из нас мог это предсказать. Все произошло внезапно, не могу даже сказать, кто из нас начал. В один момент я рыдала, в другой — мы уже всюду целовались. Думаю, это я просунула язык между его губ, но отреагировали на это мы одновременно. Это было как минимум интересно. Не думаю, что я перестала плакать. Даже когда почувствовала пальцы Пэкстона, проскользнувшие под резинку моих трусиков. Я раздвинула для него ноги.

Пэкстон довел меня до оргазма двумя пальцами, пока слезы катились

по моему лицу, затем залез на меня и занялся со мной любовью. Я не испытывала раньше ничего подобного. Эмоции били через край. Не только у меня, но и у него. Несомненно, я была первой девушкой, с которой Пэкстон занимался любовью, пока она ревела, как сумасшедшая.

К тому времени, когда я почувствовала, что он застыл внутри меня, запас слез иссяк. Пэкстон улыбнулся и поцеловал меня в кончик носа.

— Лучше?

В ответ я поцеловала его в нос, уверяя, что все хорошо.

— Да, я в порядке.

— Ненавижу видеть, как ты плачешь.

— Не могла сдержаться. Мне так жаль его, — призналась я.

— Да, знаю... Он сказал мне сегодня, что оставил для мамы все красные драже M&M's.

— Где она может быть, Пэкс?

— Не знаю, детка. Хотел бы я знать.

~~~

На следующий день я снова отложила последний сеанс, зная, что придут не только вещи Вандера, но и коробка с вещами Иззи от ее приемной матери. Не хотела портить и этот день.

Вандер был на седьмом небе от счастья, когда получил свои вещи. Девочки помогли ему обустроить комнату и украсить ее всеми прибабасами, что у него были. Их было немного, но все предметы что-то для него значили. Вандер был невероятно привязан к своим вещам, зная историю каждой из них.

Моя коробка была чертовски тяжелой, словно туда набросали кучу камней, но они были не совсем для меня. Или все же для меня? Коробка была заполнена снежными шарами, двадцать одна штука, если быть точной. Сомневаюсь, видела ли когда-либо раньше столько восхищения на лице ребенка. Эти снежные шары были особенными, и он был в восторге от того, что они принадлежали ему. Я сидела на полу между ног Пэкстона с детьми вокруг, посередине перезаряжались наши камни. Вандер эмоционально рассказывал историю каждого шара, не упуская ни одной подробности. Он помнил их все до единой, как и все рассказы своей мамы. Большинство из них включали и меня. Мне было грустно от того, что я не могла ничего добавить. Меня охватило чувство вины, когда я слушала фантастическую историю о том, как мы с Иззи отправились в море на

судне для ловли креветок и попали в тропический шторм. Он верил в нее, и девочки тоже поверили, слушая его с широко раскрытыми глазами, и мне тоже хотелось верить. Если это и произошло, мои девочки никогда не слышали про этот случай от меня, потому что я им не рассказывала. Пускай невольно, но я его скрывала. Я совершенно не помнила эту историю. Но знаю, что любила ее.

Слушая своего нового любимого человечка, я листала ежегодник старшей школы Джонстауна. Моя сестра была звездой баскетбола. Четыре года подряд она состояла в команде колледжа Поинт Гард.

— А это что за шар, Вэн? — спросила Фи, указывая на шар с башнями-близнецами.

— Может, оставим эту историю на другой раз? Пора спать. Идите чистить зубы.

— Это когда моя мама играла в баскетбол. Мой папа тоже играл. И я буду играть в баскетбол, — заверил нас Вандер, когда я раскрыла альбом Иззи периода ее пребывания в Мичигане. Она буквально сразу начала играть в баскетбол. Если я не ошибаюсь, первые несколько страниц были заполнены фотографиями, когда нам было по одиннадцать. Она выглядела счастливой и довольной жизнью. Она посещала многие внешкольные занятия, и в коробке нашлась целая папка разных медалей и грамот. Иззи была умной.

Роуэн и Офелия были поражены нашим сходством. Они уже знали о ней, но, кажется, до этого момента не до конца осознавали этот факт. Детский альбом от рождения Вандера до примерно трех лет был заполнен фотокарточками счастливого семейства. Мужчина, красивая молодая девушка, которая была очень похожа на меня, и маленький мальчик, похожий на Офелию, стояли перед безбортовым грузовиком. Иззи позировала, указывая на логотип на боку грузовика — «Уход за лужайками Джонни и Клайд», выведенный фиолетовыми буквами.

— Это мой папа, — сказал Вандер, указывая на очень высокого темнокожего мужчину. Не знаю, что говорили Вандеру, но этот мужчина явно не был его папой. Однако с каждой перевернутой страницей я смягчалась. Может, этот парень не был биологическим отцом Вандера, но он его воспитывал, и моя сестра любила его.

— Где твой папа, малыш?

— Его поранил трактор, и мама не могла поднять ковш с его шеи, — объяснил он, подняв обе руки к шее.

Офелия опустила руку ему на спину и выразила свое сочувствие.

— Мне жаль, Вэн. Я могу поделиться с тобой своим папой. Неважно,

какой папа тебя любит, правда, мама?

Я улыбнулась ей, чувствуя гордость, словно моя пятилетняя дочь только что дала мне разрешение, в котором я нуждалась, чтобы отпустить прошлое. Те видео ничего для меня не значили. Главным было *это*. Моя семья.

Мне нравилось узнавать свое прошлое с помощью Вандера и тех историй, которые ему рассказывала мама про наши приключения. Хотя я и была уверена, что лишь половина из них были правдой. Как, например, история о том, когда мы с Иззи отправились в Лос-Анджелес на воздушном шаре, которую он рассказал, когда я укладывала его спать. Думаю, это могло быть правдой. Раз так считал Вандер. У него был снежный шар в доказательство.

Я поцеловала его в голову и сказала, что люблю его, затем добавила, что мама его тоже любит. Вандер крепко обнял меня, протянув свой маленький камушек, и перевернулся на бок. Я улыбнулась, положив гематит на прикроватный столик. Казалось, с нами все будет хорошо, словно мы могли найти выход из этой ситуации.

~~~

— *Я не могу сделать это, Лейн. Я передумала.*

— *Нет, Гэбби. Не надо. Ты сделаешь это. Все готово. Ты припаркуешь машину, как делаешь это каждый вторник. Выйдешь и сядешь в серебряный внедорожник, который будет тебя ждать.*

— *Я не могу, на нас надвигается тропический шторм.*

— *Ты к тому времени будешь уже далеко. Ты сядешь на тот самолет.*

— *Серьезно? Какого фига, Пэкстон?*

— *О чем он говорит, Гэбби? Какой внедорожник?*

— *Выключи. Что ты делаешь? Ты не можешь смотреть видео. Где Ник?*

— *Я сказал, что ты идешь. Сядь.*

Я захлопнула ноутбук, чтобы привлечь его внимание.

— *Ты, блядь, издеваешься надо мной, Пэкстон? Ты прослушал запись?*

Взгляд Пэкстона напомнил мне о чем-то, чего я не помнила. О чем-то темном, что мне не нравилось.

Он встал на ноги быстрее, чем я успела отойти, и в мгновение прижал меня к холодному стеклу, сжимая руку на моем горле.

— *Что, черт возьми, ты сделала?*

— Отпусти меня.

— Ты собиралась бросить меня, Габриэлла? Собиралась забрать моих детей? Отвечай, твою мать! — крикнул он в сантиметре от моего лица.

— Не знаю, у меня амнезия, — съязвила я.

Пэкстон оттолкнул меня от себя, но я не дала ему так просто уйти. Я следовала за ним, пока он сбегал вниз по лестнице в два раза быстрее меня.

— Пэкстон, остановись. Зачем ты это делаешь? Все было хорошо.

Эти слова заставили его резко обернуться, и я отступила на шаг.

— Не было, Габриэлла. Мы с тобой воплощение фальши. Ты и я, сука. Мы жили во лжи с того самого дня, когда встретились на пляже. Давай же раскроем правду. Выставим все напоказ.

Я продолжала идти за ним, прекрасно зная, куда он направляется. Пэкстон открыл дверь своего кабинета, затем открыл сейф за фотографией Роуэн и Фи, одетых в сочетающиеся костюмы с ведерками-тыквами в руках.

Я закрыла за собой дверь, чтобы не разбудить детей. Пэкстон был в ярости. Он даже не дал мне шанса. Просто разорвал его, вывалив содержимое на стол. Паспорта, фальшивые удостоверения личности, свидетельства о рождении, новые карточки социального обеспечения и телефон-раскладушка.

— Гребаные паспорта? Ты собиралась забрать моих детей?

Вместо ответа я подпрыгнула на месте. Сразу после того как он с силой бросил телефон о стену.

— Это нечестно, Пэкстон. Ты знаешь, что я ничего не помню.

— Так если бы ты не поехала в магазин за молоком, их бы сейчас уже не было со мной? Кто дал тебе право так поступать?

— Тшщ, испугаешь детей.

— Что еще мне неизвестно, Габриэлла? Что еще ты скрываешь? Подозреваю, это как-то связано с твоим один-на-один видео. Ты мне все рассказала? А, Габриэлла?

Я ответила тем же, но не так злобно, как Пэкстон.

— А ты, Пэкс? У тебя тоже было один-на-один видео. Ты все мне рассказал?

— Уйди с глаз моих долой, Изабелла. Убери свой фальшивый зад подальше отсюда, пока я не причинил тебе боль.

Я попыталась заговорить с ним тихим тоном, образумить его, но все было безнадежно.

— Пэкс.

— Уходи.

И я ушла, потому что это все, что я могла сделать. Пэкстон не собирался слушать. Он уже надел шоры на глаза, и я знала, что бессмысленно что-либо предпринимать, пока он вновь не снимет их. Я пошла наверх с вещами моей сестры, моля Господа о том, чтобы она была рядом, чтобы я могла поговорить с ней.

Ми пять раз позвонила мне на телефон, пока я поднималась в спальню. Закрыв дверь, я перезвонила ей.

— Господи, ты испугала меня. Что случилось? Ник сказал, ты закрыла видео. Он не может вернуть его, ни одно из них. Они в киберпространстве.

— Мне все равно, Ми. Не хочу их больше.

— Что случилось, милая?

Я планировала сесть и рассказать ей все, позволить ей стать моей Клайд, но что-то знакомое привлекло мое внимание, вот только я не знала, почему это было мне знакомо.

— Мы поругались. Можем поговорить завтра?

— Конечно, я только хотела убедиться, что ты в порядке.

— Спасибо, Ми.

— Обращайся, крошка.

Я взяла розовый блокнот с красной маргариткой в центре и открыла обложку. Стих за стихом заполняли страницы, и я знала, что они принадлежали моей маме. Дотянувшись до планшета, я включила его, сразу открывая папку, где, как я знала, они хранились. Стихи не сходились слово в слово, но некоторые были очень близки, и я знала, что моя мама написала эти стихи, я же буквально держалась за них. Хранила близко к сердцу. Каждый раз, когда что-то складывалось воедино, а что-то другое разваливалось.

Глава восемнадцатая

Пэкстон отказывался иметь со мной что-то общее в течение недели. Мне это так надоело. Он работал допоздна, ел в кабинете, спал на диване. Клянусь, он и двух слов мне не сказал, а если и сказал, то потому что был вынужден. Он смог потянуть за ниточки и записать Вандера в школу Святой Августины. И это все. Он обращался со мной так, будто я вовсе не существовала. Был жизнерадостным с детьми, разговаривал, играл с ними, словно они лучшие друзья. Даже с Вэном, но не со мной. Со мной он никак себя не вел. Даже не смотрел на меня, если не считать моменты, когда ему приходилось обращаться ко мне, и то, обычно это происходило при детях. Настолько фальшиво, насколько это было возможно.

Я сделала то, что сказала мне Ми, и позволила ему остыть. Я не поощряла его эго, ни капли. Последовала ее совету и сделала вид, будто меня это не колышет, и занималась делами занятой мамы троих детей. Жила своей жизнью без Пэкстона, ожидая, когда он разыграет свою следующую карту, пока я изучала свои. У меня в руках был роял флэш, но, к сожалению, я боялась воспользоваться им. Не хотела этого, но, при необходимости, раскрыла бы карты.

Сложно было не терять самообладания, учитывая все происходящее, но я должна была. От моих решений зависело трое детей, один из которых довольно уязвим. Слава Богу, у меня была Ми. Если бы она не помогала мне сохранить здравый смысл, советуя, что делать, я бы давно сломалась. Я концентрировала свое внимание на своих Клайдах и сестре, выискивая ее везде, где было можно.

Наконец, мы перекинулись парой слов на шестой день молчания. Пэкстон внезапно вышел из комнаты посреди нашего вечернего ритуала, забыв про свой главный камень. Сказал, что ему нужно сделать звонок. Так он объяснился перед детьми. Я знала, в чем дело. Ему внезапно понадобилось уйти, когда Офелия неосознанно соединила наши руки, играя с нашими пальцами, пока Роуэн читала нам. Мы встретились взглядом, наши пальцы переплелись на короткое мгновение. Тогда-то ему и понадобилось уйти. Он поцеловал девочек и взъерошил волосы Вандера.

Я только вышла из ванной девочек с кучей полотенец, когда он позвал меня к себе в кабинет.

Я встала в двери, держа кучу белья, мои брови приподнялись.

— Что?

— Ты получила письмо из магазина, где заказывала форму для Вандера. Те рубашки, которые ты выбрала, закончились на складе. Что мне сделать?

Я нахмурилась, гадая, было ли это его тактикой, чтобы завлечь меня в кабинет, или проявление контроля, чтобы я поняла, у кого бразды правления. Возможно, он хотел, чтобы я обошла стол и выбрала новые. Черт, я понятия не имела.

— Посмотрю завтра. Это все?

Пэкстон несколько раз моргнул, прежде чем ответить.

— Да. — Это все, что он сказал. Его внимание вернулось к работе. Пофиг. Придурок.

— Что ты делаешь в субботу? Сможешь остаться с детьми ненадолго? У меня планы с Ми.

— Что значит, у тебя планы с Ми? Ты не можешь ничего планировать с Ми, не поговорив сначала со мной.

Я выдохнула, произнеся с сарказмом:

— Эта комбинация неудачна. Разыграй другую карту.

— Это не игра, черт возьми. У меня нет гребаных карт, Габриэлла, потому что это никакая не игра.

— Ладно, тогда я ухожу, Пэкстон. Я не хочу продолжать это. Пора нам начать думать, что мы будем делать. Думаю, технически, нам не нужен развод. По закону ты женат на моей сестре, не на мне. Уверена, при замужестве я подписала миллион документов, в которых согласилась ни на что не претендовать в случае развода.

— Уйди отсюда. Я не собираюсь обсуждать это. Скорее ад замерзнет, чем я проведу хотя бы день без девочек.

Я кивнула, глубоко вздохнув, и беззаботно ответила, ничего этим не подразумевая.

— Как хочешь, Пэкс, — парировала я, перемещая кучу белья в руках так, чтобы освободить одну из них. Словно воображаемый сдающий в казино, я бросила воображаемые карты ему на стол. Он даже опустил взгляд на эти несуществующие карты. — Роял Флэш. Ты проиграл. В субботу мы с Ми хотели поехать по приютам с фотографией Иззи. Выйдем около девяти. Спокойной ночи, Пэкстон.

Я ушла, не произнеся больше ни слова, и не услышала ничего в ответ.

От Вандера я ничего не скрывала. Он знал, что я планировала провести субботу в поисках его мамы, потому что я сообщила ему об этом следующим вечером.

Я упаковывала ланч для Пэкстона на следующее утро, когда сонный

Вандер вошел на кухню. Да, я все еще делала это. Просто готовила все вечером перед сном, не желая видеть его утром. Я устанавливала таймер на кофе-машине и оставляла тарелку с выпечкой и маффинами на островке. Моя ненависть к нему не значила, что я хотела, чтобы он весь день работал под жарким солнцем без еды.

— Тетя Гэбби, — произнес тихо Вандер грустным голосом.

Я посмотрела на его грустное личико, заметив, что под рукой он держал что-то потрепанное и розовое. Хлеб, который я мазала майонезом, упал на стойку, и я пошла к нему.

— Иди сюда, малыш, — произнесла я, присаживаясь и притягивая его к себе на колени.

Его ноги свисали с одной стороны от моих колен, а голова легла на грудь. Растирая спину, я поцеловала его в макушку.

— Скучаешь по своей маме? — Я не считала нужным напоминать ему, что не помнила ее. — Я тоже по ней скучаю, Вандер. В субботу мы с Ми поищем ее.

— Можно мне с вами?

— Ни за что, приятель. Ты должен помочь мне. В субботу мы начинаем работу над водной горкой. Ты должен сказать, где хочешь сделать туннель.

Вандер взбодрился, услышав голос Пэкстона. Мы встретились взглядом, когда он поднял хлеб со стойки, положил сверху кусочек сыра и запихнул себе в рот.

— Правда?

— Ага, подожди, когда сможешь увидеть горку — на конце будет волна. Таким образом, съехав до этой волны, будешь взлетать вверх, прежде чем упадешь в воду.

Я отвела взгляд от Пэкстона, когда почувствовала розовую ткань в своей руке, подозревая, что, что бы это ни было, оно принадлежало его маме. Что-то особенное, что он долго хранил.

— Что это, милый? — спросила я.

Вандер зажал вещь между нашими телами, когда осознал, что она у него в руках.

— Это мое.

Я погладила его по спине, пытаясь убедить в том, что все хорошо.

— Я никому не скажу, — прошептала я.

Он вернул руки на колени и развернул ткань. Розовая, потрепанная футболка с пятном горчицы у воротника.

— Когда моя мама поменялась с тобой местами, вы поменялись и

футболками. Она сказала, это твоя любимая футболка, и она должна вернуть ее. Она накрыла меня ею, когда я родился, чтобы ты тоже была частью моего рождения. Но теперь она моя. Я не хочу отдавать ее.

— Ты всегда с ней спал?

— Да, но не говори Офелии, она моя.

Мы с Пэкстоном обменялись быстрыми улыбками при упоминании нашей «вредной» дочки.

— Можешь забрать ее, если хочешь. Мамочка сказала, что мы должны сохранить ее, чтобы отдать тебе.

До меня дошел смысл слов, когда я опровергла его страх, что заберу его защитное «одеяло».

— Давай ты и дальше будешь сохранять ее ради меня, хорошо?

Я почувствовала его кивок, но слов он не произнес.

— Вандер, ты знал, что твоя мама собиралась сюда?

— Ага, она сказала, что нашла тебя и собиралась сюда, и что она больше не будет болеть. Она хотела работать на тебя, дядя Пэкс.

Не знаю, как Пэкстон так быстро подошел к нам, но он был рядом прежде, чем упала первая слеза. Я встала с Вандером на руках и передала его мужу. Пэкстон подошел к стеклянной стене и указал на бассейн.

— Я думал построить мост от игровой площадки к водопаду. Что думаешь?

— Качающийся мост.

— Мм, мне нравится ход твоих мыслей.

Я зашла за угол как раз тогда, когда у меня вырвался громкий стон, и опустилась на пол, так как ноги подкосились; слезы победили.

Глупая, глупая Иззи. Если бы она только подошла к двери и постучала. Она могла бы быть здесь, с Вандером.

— Что случилось, мамочка? — раздался тихий голос Офелии. Боже. Почему все мои дети еще не спали?

С Фи я слез не скрывала. Схватила ее в медвежьи объятия и сжала крепче, используя ее для такого необходимого мне чувства безопасности.

— Ты скучаешь по сестре?

Я улыбнулась, убрала ее волосы назад и положила руки на ее маленькое личико.

— Я так сильно скучаю по ней, малышка.

— Я бы тоже скучала по Роуэн, — мягко сказала она, положив ладошку мне на щеку.

Я поцеловал ее запястье и снова притянула поближе.

— Пойдем, попрыгунья. Пора спать. Залезай на поезд, — сказал

Пэкстон, перемещая Вандера к другому плечу.

— Нет, мамочка грустная.

Я поцеловала маленькие губки Фи и легким шлепком прогнала ее с моих колен.

— Иди, малышка. Со мной все хорошо.

— Она скучает по твоей маме, — сказала Фи Вэну, когда папа поднял ее к свободному плечу.

— Она найдет ее в субботу, — ответил Вэн.

Черт. Вероятно, не стоило ему это говорить.

Я поднялась с пола и прошла на кухню, приглашая крепкий коктейль на свою вечеринку жалости. Не найдя своих шлепанцев у двери, просунула ноги во вьетнамки Пэкстона. Вышла на улицу, планируя пойти на пляж и там, в тишине, выпить свой коктейль. Помолиться глухому Богу, который не слышал меня.

— Эй, куда идешь? Иди сюда.

— Иди к черту, Пэкстон. Я не подойду. Оставь меня в покое, — крикнула я через плечо, откинув волосы за спину с такой силой, что, перелетев, они попали мне в левый глаз. Ауч.

— Габриэлла.

— Хватит следить за мной. Возвращайся в дом к детям.

— Нет, нам нужно прекратить все это. Выслушай меня, ради Бога.

Я повернулась к нему, коснувшись пальцем его носа.

— Почему? Зачем, Пэкстон? Ты сам сказал это. Мы кучка гребаных лжецов. Ты просто солжешь мне. Я, блядь, говорила тебе. Пыталась донести до тебя. Все это нереально.

— Может, перестанешь материться?

— Да иди ты, — прокричала я, разворачиваясь к пляжу, при этом разлив половину напитка.

Пэкстон отпустил меня, но ненадолго. Я дошла до песка и упала, не способная больше нести себя вперед. Коктейль пролился на песок, но мне было все равно. Я достала свой маленький гематит из кармана и сжала его, молясь, чтобы сработала его магия.

— Габриэлла, я не знаю, как все исправить, детка.

Я даже не попыталась отстраниться от него. Я была слишком слаба, не могла тягаться с силой его утешающих рук. Пэкстон притянул меня в объятия, и я позволила. Позволила, потому что нуждалась в чьей-то поддержке, а он был рядом. Позволила ему, потому что хотела его, но не могла иметь, так как мы оба были сломлены.

— Почему, Пэкстон? Он не заслуживает этого. Она пришла ко мне за

помощью. Мы могли быть вместе, Пэкстон. Боже! — Я закричала на темный океан, слезы ручьем потекли по моему лицу. — Нужно было просто привести ее сюда. Нужно было купить молоко и привести ее домой, Пэкс. Почему я не сделала этого? Почему? Я снова закричала. В этот раз в небо, требуя, чтобы Господь меня услышал.

Пэкстон не сказал ни слова. Он крепко обнимал меня и слушал мои безумные мысли, пока у меня не закончились все «что, если». Он ни разу не перебил меня, даже шепотом.

И когда я уже подумала, что окончательно сошла с ума, Пэкстон достал свой камень из кармана, протянул его и улыбнулся мне. Я посмотрела на него в замешательстве, наши лица освещал лунный свет. Ему нужно было побриться. Я вновь посмотрела на его камень и открыла второй раунд безумия. Схватила его камень с его руки и как можно дальше забросила его в океан. Не знаю, как далеко он улетел, но знаю, что попал в воду. Наверно.

— Это за то, что выбросил мой, — сказала я, повернувшись к нему. — Вот что я думаю о твоём волшебном камне. Иди к черту. К черту то, что ты создал между нами. К черту твои семейные ценности. Я создам свои семейные ценности с ними.

— Ты тоже приложила к этому руку, — закричал Пэкстон, злость заменила моего утешающего мужа. Какой он фальшивый.

— Держись подальше от меня. Я сама все решу, — уверила я, обойдя его, и ушла подальше от него.

Я легла поверх одеяла и плакала, пока не выбилась из сил. Так в слезах я и заснула. Просто хотела, чтобы все это прекратилось. Почему у нас не могло быть все хорошо? Теперь настало мое время. Я это заслужила, черт возьми.

В три часа ночи мои глаза раскрылись до невозможного широко, небывалая паника охватила меня.

— Боже! Что я наделала? — спросила я сама себя и села, оглядываясь в поисках телефона.

Он прозвенел четыре раза, прежде чем она ответила.

— Гэбби?

Как только я услышала ее голос, снова разрыдалась. Ах! Почему я продолжала это делать?

— Ми, я выбросила его. Магии больше нет. Я выбросила его в океан.

— Габриэлла, что, ради Бога, ты несешь?

— Камень Пэкстона. Я забрала его у него с руки и выбросила в океан. Я не хотела. Я была расстроена.

— Гэбби, успокойся. Это просто старая индейская сказка. Это даже не настоящий гематит. Он искусственно созданный, механическим способом. Процедура включает в себя нагревание и охлаждение гематита, пока он прикреплен к очень сильному магниту. Это выдумка, Гэбби. Я придумала ее.

— Нет, неправда. У Вандера тоже такой есть. Моя мама дала их нам с Иззи, когда мы были маленькие. Потому я выбросила камень Пэкстона в океан. Потому что он так поступил с моим. Это правда. Так сказала моя мама.

— Это старая сказка индейцев, Гэбби. Вот и все. Вам всем нужно было во что-то верить. Это правда, потому что вы сделали эту историю правдой, потому что вы собирались по вечерам, потому что любите друг друга, а не потому, что вам нужна была магия. Все дело в сплочении семьи, а не в камнях, Гэбби.

— Но у Пэкстона был волшебный камень. Наши не держались без него.

— Это наука, вот и все. У Пэкстона был камень больше других, само собой, в нем было больше силы. Больше магнитной силы. Я принесу ему другой. Хорошо?

— Хорошо, прости, что разбудила, Ми.

— Не нужно извиняться. Можешь звонить мне в любое время дня и ночи. Мы друзья.

— Спасибо, Ми.

— Обращайся, зайка. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, извинись за меня перед Ником за то, что разбудила.

— Он не проснулся. Я помогаю младенцам родиться, помнишь? Он привык к подобным звонкам.

Я усмехнулась и повесила трубку, чувствуя себя немного подавлено, а после и глупо. Я никогда не верила в эту глупую магию. Я пошла в ванную, почистила зубы и выпила две таблетки снотворного. У меня было пять часов до того, как мои дети захотят есть, и думать я больше не хотела. Мне нужен был покой.

~~~

Следующим утром, когда проснулась, я чувствовала себя словно в тумане. Солнце светило высоко в небе, сообщая мне, что я намного

проспала время кормления. А значит, Пэкстон не пошел на работу, он остался дома с детьми. Это тоже разозлило меня. Мне не нужно было, чтобы он пропускал работу из-за нестабильной жены. Я закачала головой, позволяя злости укорениться, когда увидела, который был час. Начало одиннадцатого. У Вандера через два часа медосмотр для школы. Уверена, Пэкстон этого не помнил.

Я быстро спустилась по лестнице, позволяя злости расти с каждым шагом. Я почесала голову, увидев детей на патио, таскающих куски бетона, выброшенные на задний двор, но Пэкстона видно не было. Налила себе чашку теплого кофе и поставила его в микроволновку.

— Этот слишком большой, Роу, ты поранишься. Пусть папа носит большие.

— У нас будет водная горка, мама. Так сказал папа, — объяснила Офелия, воодушевленная новым водным развлечением.

— Я слышала. Обуйся, пока не уронила эти камни себе на ноги. Скоро вам придется вернуться в дом и привести себя в порядок. Нам нужно отвезти сегодня Вандера на осмотр, — сказала я, и одновременно запищала микроволновка.

— Дядя Пэкс перенес его, — произнес Вандер, едва уделяя мне время. Он был занят тайным туннелем и спорами с Фи о том, где должна быть стена для лазания.

Я отпила кофе, негодуя из-за Пэкстона. Уверена, он сделал это от доброты его фальшивого сердца, но где был он сам? Я уже собиралась отправиться на звук голосов, когда ко мне присоединилась Роуэн. Звуки были похожи на телевизор, но Пэкстон не смотрел телевизор днем. Возможно, в выходные, но никогда в будние дни.

— Ты оставила включенным телевизор?

— Нет, но я больше не хочу, чтобы Вандер здесь жил, — заявила Роуэн, нахмурившись, и с силой захлопнула за собой стеклянную дверь.

— Почему?

— Потому что не он должен выбирать, где будет тайное убежище. Он не часть нашей семьи. Я хочу, чтобы он ушел. Вот почему, — произнесла она, взбираясь на стул, злая, словно гремущая змея.

— Разве папа не говорил вам всем выбрать что-то особенное для водной горки?

— Да, но я хочу тайный туннель. Я должна получить его, потому что ты не его мама, а мой папа — не его папа. Он мне не нравится.

— Меня это расстраивает, Роу-Роу. Мама Вандера не может прийти к нему, а его папа умер. Мы его единственная семья. Я хочу заботиться о нем

так же, как забочусь о вас, потому что люблю его.

Роуэн посмотрела на свои пальцы и выковыряла грязь из-под ногтей.

— Но ты не его мама.

— Роу, посмотри на меня.

— Что?

Я улыбнулась и напомнила ей о том моменте, когда появилась в ее жизни.

— Твоя мама тоже не могла заботиться о тебе, но я могла, и я так сильно люблю тебя. Подумай и о чувствах Вандера, солнышко. Знаю, это сложно, но у Вандера сейчас нет мамы, он нуждается в нас. Ты можешь понять это?

— Да, хорошо, — ответила она искренне.

— Молодец. Так скажи, почему у вас не может быть двух тайных туннелей?

— А можно?

— Твой папа может построить что угодно. Конечно, можно.

Роуэн ушла от меня, не сказав мне ни слова, но прокричала Вандеру, что у них может быть два тайных туннеля. Улыбаясь, я пошла на звуки, раздающиеся из гостиной.

— У Вандера осмотр через два часа. Почему ты не разбудил меня? — спросила я, когда увидела Пэкстона, стоящего за диваном.

Наши глаза встретились, и я увидела мертвенно бледное выражение лица.

— Что ты здесь делаешь, Ми?

Все было не нормально. Далекие голоса слились воедино, а зрение размылось.

Я перевела взгляд с их бледных лиц на телевизор.

Новости канала «Фокс 8».

Прямой эфир.

Тело.

Пропавшая женщина из Мичигана.

Совпадение с Изабеллой Делгардо.

Смыто в болота Бэй Вэлли.

Разложившееся.

Две татуировки на сердце.

Семью оповестили.

Найдено тело.

Найдено тело.

Найдено тело.

Эпилог

Вандер выглядел так красиво в своем маленьком костюме и галстук, его волосы были уложены на бок, как у дяди Пэкстона. Он был таким хорошим мальчиком. Мое сердце переполняли воспоминания, но вид того, как маленький мальчик кладет розу на гроб, было самым тяжелым из них.

Пэкстон крепко обнимал меня, и мы оба держали девочек за плечи, когда они стояли перед нами и смотрели, как их кузен медленно идет к белому ящику. Он смотрел на семейное фото, на единственного отца, которого знал, и на маму, которую больше никогда не увидит.

Как бы грустно это ни было, этот день стал новым началом для нас. Завершением, которое я бы и заклтому врагу не пожелала, но то, которое было нужно нам всем, чтобы мы могли двигаться дальше.

Вандер был бойцом, не проронил ни слезинки. По крайней мере, перед другими. Он плакал в моих объятиях, когда я укладывала его спать тем вечером, а я плакала с ним. Похороны сестры были второй самой сложной вещью, что я делала. Сложнее было только сказать ее сыну, что она больше никогда не придет к нему домой. Было больно. Очень.

— Видишь вон тот вот? — спросил он, указывая на шар на стеклянных полках. Пэкстон перенес шкаф сюда из своего кабинета. Сказал, что ему нужно место, но на самом деле сделал это ради Вэна. Полки в нем прекрасно просматривались.

Я встала и подошла к шкафу.

— Этот?

— Нет, следующий.

Я взяла шар с голубой водой и серебряными снежинками. Посередине был изогнут простой знак и больше ничего.

— Расскажи мне о нем, — попросила я, усаживаясь рядом с ним, и притянула его обратно в свои объятия. Никогда его не отпущу. Никогда.

— На знаке говорится «все оставляет свой след». Знаешь, что это значит, тетя Гэбби?

— Нет, малыш. Расскажи.

— Мама говорила, что это значит, что все происходит так, как должно быть, потому что у всего на то есть свои причины.

Я улыбнулась и взъерошила его волосы.

— Твоя мама была умной. Мне нравится.

— Я скучаю по ней.

— Знаю, дружище. Тебе нужно отдохнуть. У тебя был долгий день.

— Эй, Вэн-мэн. Ты представляешь, как я тобой горжусь? — произнес в дверях Пэкстон.

— Спокойной ночи, зайка. Увидимся утром. Я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Пэкстон остановил меня, схватив за запястье. Я уткнулась в него, просто потому что не могла сдержаться. Я была вся заплаканная и отчаянно искала какой-то поддержки.

— У Фи заусеница. Ты нужна ей, — тихо проговорил он.

Я посмотрела на него, словно маленькая, глупая рыбка, затем ему за спину на фото высокого темного парня в футболке с номером десять и Вандером на плечах. На маленького мальчика, на чьем лице была написана огромная радость, любовь.

— Мне ты тоже нужна, Габриэлла.

Я искренне улыбнулась, но отстранилась. В основном из-за того, что Офелия звала меня так, будто умирала.

Я не знала, что готовило для нас будущее, но одно мне было известно точно — я всем сердцем хотела эту семью. Знала, что нам придется пересекать мосты, платить дань, перепрыгивать через препятствия, но я была готова. Готова отпустить воспоминания, которые не помнила, готова создавать новые, и готова быть лучшей матерью, которой только могла быть для своих детей. Моих Клайдов.

Вырезав крохотную заусеницу Офелии и подоткнув одеяло Роуэн, я вышла на улицу на прохладный вечерний воздух, чувствуя новое ощущение благополучия. Пусть даже была вероятность, что это чувство ложное, пусть были сомнения, что все будет хорошо, но я знала — все наладится.

Я посмотрела в чистое, заполненное звездами небо и сделала вдох, закрывая глаза.

— Ты в порядке? — спросил позади меня Пэкстон.

Впервые за почти две недели я позволила ему прикоснуться ко мне, обнять меня и подарить ощущение, что я его. Что он мой, и что мы вместе будем сражаться в этой битве. Должны были.

— Прости, что выбросил твой камень в океан, — проговорил он, уткнувшись мне в волосы.

Я улыбнулась и прильнула к нему сильнее.

— Прости, что и твой я выбросила туда же.

Одна рука оставила мое тело и опустилась в карман.

— У меня есть новый.

Я взяла его руку в свою, позволяя волшебному камню,

расположенному в ладони, соединиться с его. Вновь став одним целым.

— Я так сильно люблю тебя, Габриэлла.

— Я тоже люблю тебя, Пэкс. Клянусь.

— Говоришь так, будто это что-то сложное.

Я засмеялась на это. Это было преуменьшение. Пэкстона было тяжело любить, но и его ответная любовь была сильной. Глубокой настолько, что в этом даже не было смысла. Это любовь, ради которой тебе усердно приходилось трудиться, но ты знал, какой она может быть. К этому я стремилась.

— Нам не обязательно говорить об этом сейчас, если не хочешь, но мне нужно знать, что написать на надгробии. Приму любое твоё решение. Просто не знаю, хочешь ли ты... ну знаешь. Хочешь ли, чтобы там было сказано «Габриэлла»? Это то, кем она была. Я напишу все, что захочешь. Не обязательно указывать данные свидетельства о рождении.

— Нет, хочу, чтобы там было написано Изабелла. Так и должно быть. Лучше оставлю её имя себе. Так я чувствую себя ближе к ней, но ты прав. Давай поговорим о чём-то другом. Достаточно грусти на один день.

— Мы не занимались любовью две недели.

Я засмеялась.

— Это необычно?

— Неслыханно. Может, займемся? Я сделаю тебе куни.

Ещё один смех.

— Ты продержишься минуты две.

— Знаю, потому сначала предлагаю куни.

Я повернулась к мужу и поцеловала его, отбросив все шутки. Я была влюблена в семью, которую не помнила, и мне это нравилось. Абсолютно все.

Я глупая, маленькая рыбка.

КОНЕЦ

---

notes

Примечания

Здесь и далее прим. пер.: Lifetime — развлекательный канал с фильмами жанра драмы и мелодрамы.

DIY или DoItYourself — вид деятельности, включающий изготовление вещей своими руками.

Джимми Джонс (JimmyJohn's) — сеть ресторанов, продающих сэндвичи.

Игра слов в английском языке. Имя Ми (Mi) и возвратное местоимение «я», «мне» (me) произносятся в английском языке одинаково.

Святой Николай является прообразом Санта-Клауса.